

АЛЕКСЕЙ ИВАНОВ

КОМПЬЮНИТИ

Созданный для объединения
человечества, он начинает
разделять людей...
В чём страшная тайна интернета?

18+

Алексей Иванов

Алексей Иванов

КОМЬЮНИТИ

Роман

**РЕДАКЦИЯ
ЕЛЕНА ШУВИНОЙ**

**Издательство АСТ
МОСКВА**

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
И17

Художник Андрей Фerez

Иванов, Алексей Викторович.

И17 Комьюнити : роман / Алексей Иванов. — Москва : Издательство АСТ, 2019. — 382, [2] с. — (Проза Алексея Иванова).

ISBN 978-5-17-114786-0

«Гениальный айтишник изобретает “семантический интернет” — методику Web 3.0, и “семантический” портал порождает IT-компанию с коммерческим потенциалом “фейсбука”. Но в одном из комьюнити, которыми обрастает новый ресурс, вдруг появляется тема Чёрной Смерти — самой жуткой эпидемии в истории человечества. И участники комьюнити, сами того не замечая, тонут в море средневековой чумы. Они уже наяву видят “чумных докторов”, Абракадабру — демона чумы — и Королеву Чуму. Зачумлённое комьюнити убивает людей. Но кто запустил программу чумы, зачем и как чума вышла в реал?

Если угодно — это жанровый роман: мистический триллер о смерти по интернету со стилизацией под сетевую форум. Если угодно — детектив о жестокой перемене собственника в IT-корпорации. Если угодно — “очерк нравов” о провинциалах в столице. Но в целом “Комьюнити” — антиутопия о перемещении законов онлайн в офлайн. В обществе потребления агрегаторы сами формируют для человека картину мира, фальшивую, но приятную, а соцсети, созданные для объединения людей, потихоньку разъединяют. Это и есть пресловутое “восстание машин”, и оно давно уже началось».

Алексей Иванов

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-114786-0

© Иванов А.В.
© ООО «Издательство АСТ»

ВИКИПЕДИЯ: СТАТЬЯ «ДЭНЖЕРОЛОГИЯ»

Дэнжерология — профессиональный жаргонизм, производимый от английского «danger» — «опасность». Обозначает а) науку — синтез эзотерики, культурологии и различных отраслей других дисциплин (истории, антропологии, социологии, статистики и т.д.), изучающую паранормальные свойства арт-объектов и исторических реликвий; б) практическую деятельность по обнаружению, изучению и «обезвреживанию» опасных для человека арт-объектов и исторических реликвий.

Церковная дэнжерология

Традиционно считается, что дэнжерология в виде системы воззрений и практических навыков зародилась в недрах института католической церкви как инструментарий комиссий по установлению чудотворности икон. Базовым основанием чудотворности церковь считает концепцию Божьей благодати. Эта идея впервые была сформулирована блаженным Августином, возводившим культ чудотворных икон к теургическим практикам неоплатоников.

В католичестве различают 5 периодов развития дэнжерологии:

«До-Августинский» период — до V века, когда теория будущей дэнжерологии выводилась из трудов Фалеса Милетского, а практика — из античных мантик.

«До-Фоминский» период — до XIII века, когда теория и практика будущей дэнжерологии выводились из философии Аристотеля.

Доминиканский период — до XVI века, когда возобладала концепция Благодати Господней.

Реформационный период — до конца XIX века, когда основные постулаты дэнжерологии вновь были сведены к учению Аристотеля.

Новый период — до наших дней, когда в теорию и практику дэнжерологии активно включались положения современной науки.

С «Авиньонского пленения пап» начинается развитие не-церковной дэнжерологии, сливающееся с эзотерическими практиками Европы, а потом Востока: с астрологией, нумерологией и т.п. Теоретики «светской дэнжерологии» опирались на труды Роджера Бэкона. Считается, что «светская дэнжерология» прошла два этапа развития: «алхимический» и «масонский». В конце XIX века произошло воссоединение «светской» и «церковной» ветвей дэнжерологии.

Кроме того, с XI по XIV века развивалась т.н. «дэнжерология крестоносцев» или «еретическая дэнжерология», вдохновлённая бул-

лой папы Урбана II. По её утверждениям, сфера применения знаний и навыков «дэнжерологов» той эпохи — борьба с проявлениями дьявола. С окончанием крестовых походов это направление дэнжерологии разделилось и слилось частично с экзорцизмом, частично с практиками Каббалы.

В настоящее время церковная дэнжерология сохранилась в виде Малого дикастерия Святого Престола при Ватиканской Пинакотеке.

Светская дэнжерология

В настоящее время наиболее значимыми являются дэнжерологические организации Ватикана (Малый дикастерий, см. выше), Великобритании, США, Израиля и России.

Первый светский центр дэнжерологии был создан при Департаменте юстиции США в 1902 году как «Свободный комитет шауни». Параллельно расследованию убийства президента Уильяма Мак-Кинли он расследовал т.н. «проклятие Текумсе», преследующее президентов США. В 1908 году «Комитет шауни» был передан в ведение Бюро Расследований (будущее ФБР) и при Эдгаре Гувере получил современное название — «Офис E-502».

В 1929 году при Британском музее была создана «Комиссия Карнарвона», которая расследовала т.н. «проклятие фараонов». Сфера деятельности Комиссии постепенно расширилась до изучения всех паранормальных явлений, связанных с экспонатами Британского музея и других государственных музеев Англии, и в 1931 году Комиссия была преобразована в «Лабораторию имени Говарда Картера».

В 1935 году в Германии учёный и мистик Герман Вирт создал общество «Аненербе», которое в 1937 году рейхсминистр Гиммлер интегрировал в состав СС. Это было самое деятельное дэнжерологическое подразделение с самым щедрым финансированием со стороны государства. В 1945 году, после падения Третьего Рейха, «Аненербе» прекратило существование, а специалисты и архивы перешли в ведение секретных отделов НКВД СССР.

С 1938 по 1943 год при Стамбульском университете работала дэнжерологическая кафедра исламских памятников, которую возглавлял профессор Ахмет-Заки Валиди.

С 1946 года в Центре изучения Каббалы читается курс «Сефер Ашлага», введённый равви Йегудой Ашлагом. При Центре в Иерусалиме действует «Скиния сайаним», занимающаяся дэнжерологической практикой. Поскольку эмблемой службы является менора, «святильник знаний», распространено мнение, что «Скиния сайаним» —

Комьюнити

законспирированное подразделение Моссала. Труд Йегуды Ашлага «Сефер Ашлага» является одним из основополагающих руководств современной дэнжерологии.

На сегодняшний день в мире существует около 70 дэнжерологических организаций. Европейские организации объединены в Ассоциацию NASS со Штаб-квартирой в Базеле, Швейцария. В 1988 году NASS стало подразделением 20 кластерного офиса (офиса «дигамма») ЮНЕСКО. Финансированием деятельности негосударственных организаций дэнжерологии занимается Континентальный музейный фонд (КМФ).

Дэнжерология в России

В допетровской России не существовало отдельно оформленного церковного института дэнжерологии, понимаемой в то время исключительно как службы канонизации святых и установления подлинности чудотворных, мироточивых, явленных и проч. икон, а также борьбы с ересями. В синодальный период истории РПЦ 17 департамент Синода (т.н. «Департамент святого обращения»), в ведении которого находились вопросы, подпадающие ныне под компетенцию дэнжерологии, был создан лишь в 1826 году, т.к. в XVIII веке РПЦ был канонизирован лишь один святой, а после смерти императора Александра I по России стали распространяться слухи об уходе императора «от мира» и его тайной жизни под именем старца Федора Кузьмича. Самые известные расследования 17 департамента — дело № 22 «о Кузьке-боге», дело № 70 «о возвращении самосожжённых», дело № 77 «о святой Кикладе», дело № 106 «о ковчежце Завета», дело № 130 «о Палестинском обществе», дело № 141 «о жертвоприношении инородцев» (дело нашло отзвук в романе Л.Толстого «Воскресение»), дело № 189 «о святом чёрте Григории Распутине».

Светская дэнжерология России связана с именем искусствоведа Игоря Грабаря. По его инициативе и под его началом в 1904 году был создан общественный комитет по определению подлинности различных списков и вариантов иконы Казанской Богоматери, которые выдавались за спасённую от вандала подлинную икону. Дэнжерологическая деятельность было продолжена в 1918 году созданием отдела при Реставрационных мастерских, которые возглавил Грабарь. С его уходом с поста руководителя в 1930 году и разгромом мастерских в 1934 году все работы прекратились.

Дэнжерологическая деятельность возобновилась в СССР в 1942 году, когда до сведения маршала Георгия Жукова была до-

ведена история вскрытия гробницы Тамерлана 22 июня 1941 года в Самарканде в мавзолее Гур-Эмир. При отделе партийной работы НКВД СССР был создан Комитет культурных влияний, который добился возвращения праха Тамерлана в мавзолей. Координатором Комитета был назначен И.Грабарь, которому в 1944 году разрешили вновь открыть Реставрационные мастерские. При них Комитет действовал до 1960 года, потом, после смерти Грабаря, был передан в ведение Государственного Эрмитажа (т.н. «Отдел четвертого этажа»), при котором действовал до 1992 года под патронажем КГБ СССР. Круг расследуемых вопросов касался только арт-объектов и реликвий не-российского происхождения. В качестве консультантов привлекались такие специалисты, как Дмитрий Лихачёв, Юрий Лотман, Михаил Гаспаров, Владимир Пропп, Борис Рыбаков, Отто Бадер, Яков Лурье и др.

В 1992 году отдел выделился из состава Эрмитажа в самостоятельный государственный НИИ культурологических исследований, но в 1995 году прекратил существование из-за отсутствия финансирования. Несколько сотрудников НИИ организовали частную дэнжерологическую службу России (ДСР), которая в 1997 году вошла в европейскую Ассоциацию NASS.

Теория дэнжерологии

Дэнжерология рассматривает арт-объекты и исторические реликвии как носители или аккумуляторы больших объёмов информации. Вещь, запечатлевшая в себе важную поведенческую стратегию определенной культурно-исторической ситуации в дэнжерологии получила название «сабджект». В среде, которая породила «сабджект», он безопасен, потому что его «программа» полностью тождественна поведенческим стратегиям среды. Когда «сабджект» переносится в иную среду, он может становиться опасным, т.к. стратегия поведения, которую он продуцирует, в новой среде может нести угрозу для человека. Устранение этой угрозы и есть поле деятельности дэнжерологов-практиков.

Существуют две школы дэнжерологии.

Принстонская школа дэнжерологии («психологическая») полагает, что информационный обмен между человеком и «сабджектом» происходит вне сознания человека и этим приближается к «архетипической психологии» Джеймса Хиллмана. Человек, подвергшийся воздействию «сабджекта», начинает вести себя по программе «сабджекта», не отдавая себе в том отчёта. Таким образом, «сабджект»

Комьюнити

меняет стратегии поведения человека, следовательно, выступает в качестве «гипнотизёра».

Школа дэнжерологии Хьюго Перселла («паранормативная») считает, что «сабджект», пользуясь ментальной активностью реципиента, меняет среду вокруг него, а человек не подвергается «внушению» со стороны «сабджекта» и действует вполне осознанно, но не осознаёт изменения среды.

Методика и практика дэнжерологического расследования

Дэнжерологическое расследование обычно подразделяется на четыре этапа.

Первый этап: обнаружение аномалии. Действие «сабджекта» проявляется в появлении аномалий и перверсий: резких и необъяснимых перемен жизни, типологически-единых аббераций поведения нескольких субъектов, смертей, фобий, локальных поверий, видений и т.п. На этом этапе используются методы статистики, социологии, психологии и социальной медицины.

Второй этап: обнаружение «сабджекта». Анализируя аномальные явления, дэнжеролог устанавливает продуцирующий их «сабджект». На этом этапе используются методы исторического расследования, искусствоведения и криминалистики.

Третий этап: выяснение механизма действия «сабджекта». Путём опытов и практических наблюдений дэнжеролог проводит идентификацию «сабджекта» и анализ культурно-исторической несовместимости среды его появления и окружающей «сабджект» среды. На этом этапе используются методы психологии, культурологи и естественных наук.

Четвёртый этап: нейтрализация «сабджекта». Изменение статуса «сабджекта» всегда ситуативно и зависит от наличествующих обстоятельств. Уничтожение «сабджекта» считается свидетельством непрофессионализма.

1

Глебу, в общем, наплевать было на усопшего. Кто ему Лев Гурвич — сват, брат, работодатель? Никто. Глеб нахмурился, словно внезапно вспомнил о какой-то скорбной заботе, и боком осторожно двинулся через небольшую толпу к выходу из церкви. Пол в храме был затоптан мокрыми ногами, а от горящих свечей ощутимо тянуло теплом.

Батюшка громко, быстро и невнятно тараторил молитвы, деловито вышагивал вокруг гроба и качал звякающим на цепочке кадилом. Люди, пришедшие на похороны Гурвича, переживали отпевание с некоторой неловкостью. Поп вёл себя как-то уж очень сноровисто, без почтения к смерти. Но одёрнуть его было некому, потому что молитв и правил службы никто не знал. Откуда взяться таким познаниям

у бизнесменов и сисадминов? Хоронили-то софт-мастера из пятёрки лучших IT-инженеров страны. Просто покойному при жизни было похрен, что Россия — «Нигерия в снегу», как сказал Брин, поэтому сейчас он лежал не в шезлонге на песках Biscayne Bay, а в полированном ящике в храме Иконы Божией матери «Всех скорбящих Радосте» на Калитниковском кладбище города-героя Москвы, РФ.

Какого фига Гермес затеял это шоу с отпеванием? — раздражённо думал Глеб, с трудом выталкивая перед собой тугую храмовую дверь. Если Гурвич и был православным, то крестился явно по приколу. Жил он только себе в кайф, поэтому плакать о нём некому. Из людей его интересовали одни девки Пети Листермана. Но ведь нужно хоть как-то проводить человека, который создал «ДиКСи»... Пожалуй, Гермес прав: панихида — оптимальный вариант. Что ж, Гермес всегда прав. Богам — им всегда виднее.

Глеб вышел из храма, отошёл подальше от нищих на паперти, вытащил из кармана пальто пачку Marlboro Golds и прикурил сигарету от зажигалки Zippo. Marlboro правильно поджигать только Zippo. Парень, если ты хочешь себе место на рынке, тогда живи по правилам. Гермес как-то обронил, что правила важнее премиум-класса. Эта мысль позволяла надеяться на рост.

В городе-герое Москве, в РФ и на планете Земля заканчивался ноябрь. Над заснеженными куполами храма и колокольни кружились и кричали галки. А стильно-серое небо сюда будто бы кто перетащил из прошлого Глеба, как одеяло. Такое же небо висело

над северным городом Апатиты, откуда Глеб двадцать лет назад убежал в столицу.

Родом из Апатитов был ещё и Андрей Малахов. Как-то в начале нулевых Глеб лежал на продавленном диване в съёмной московской хрущобе и смотрел по СТС «СВ-шоу» с Веркой Сердючкой. «А чего ты из Апатитов уехал? — ехидно спросила Верка у Малахова. — *Апатия замучила?*» Да, лично его, Глеба, замучила. Да, здесь его тоже может накрыть небом Апатитов, как вот сейчас, но есть способы отвлечься.

Глеб достал айфон, набрал и отправил в Твиттер сообщение: «Стою в церкви на отпевании айтишника. Полный сюр». Глеб давно перестал воображать себе того идиота, которому интересно знать, чем он, Глеб, сейчас занят, что он чувствует и что думает. Твиттерил Глеб уже для себя.

Писать в Твиттер его обязал Гермес. Так правильно по статусу. Поначалу Глеб считал Твиттер тинейджерской дурью, но потом свыкся и вошёл во вкус. Твиттер легко подыскал себе место даже в плотном рабочем графике: он оказался подобен курению. Сообщения были короткие, будто сигареты. Они отмеряли микроритмы жизни, будто перекуры.

Глеб, филолог по образованию, вспоминал, как у Астафьева в «Оде русскому огороду» бабушка ругала деда, копавшего грядки: «Борозду пройдёт — папирёсу! Борозду пройдёт — папирёсу!» Это и был русский народный Твиттер, но только господу богу. А мелко лгать в депешах — естественно, словно курить не взятяг.

Глеб направился к воротам кладбища — к столбикам из жёлтого кирпича — и бросил окурок в урну. За чёрной решёткой ворот светлела свежим снегом небольшая площадь: слева в ряд стояли джипы тех, кто приехал хоронить Гурвича, справа — синие кабинки биотуалетов. Глеб решил не возвращаться в церковь, а ждать возле могилы. Он прошёл мимо конторы кладбища и углубился в аллею.

Айфон оставался в ладони. Глеб вывел портал «ДиКСи» и настукал в поисковике: «Калитниковское кладбище». До айфона Глеб не знал, что доступность информации делает жизнь очень чувственной. Как-то волнует, что ты можешь сразу узнать всё о любом явлении и любом месте. Ну, будто бы ты можешь заглянуть под юбку любой женщине, и за это тебя будут уважать как серьёзного исследователя. С айфоном ты кажешься себе очень укоренённым в жизни, допущенным к тайне, следовательно, к принятию решений — хотя это неправда. Однако удовлетворение любопытства обычным способом не тешит самолюбия так, как удовлетворение через айфон: за это удовольствие люди и потрошат свои кошельки, оплачивая трафик.

Кстати, усмехнулся Глеб, Калитниковское кладбище — не от слова «калитка», а от слова «калита», то есть кошелёк. Раньше здесь была слобода Калитниковская, где жили мастера, что шили кошельки. Н-да, и в старину Москве нужны были целые слободы для пошива кошельков.

«ДиКСи» паковал информацию ёмким дайджестом. Калитниковское кладбище основали в 1771 году

во время эпидемии чумы. Сотни возов с трупами выезжали за Камер-Коллежский вал через Спасскую заставу и вываливали мертвецов в ямы на пустыре у Калитниковской слободы. Потом могильники стали обычным кладбищем. В 1838 году здесь построили нынешнюю церковь. Хоронили тут богатых крестьян, небогатых купцов, разночинцев и прочую интеллигенцию.

Из интересных персон, упокоенных на Калитниках, Глеб встретил Роберта Фалька, художника из объединения «Бубновый валет». Авангардисты «Валета» писали нечто крикливо-кривое и угловато-цветастое. Фальк, весь такой креативный и продвинутый, в 1928 году эмигрировал в Париж, но в славном 1937 году по приглашению друга, краснознамённого лётчика, вернулся в СССР и прожил в Москве два вполне благополучных десятилетия, хотя его и трепали за формализм.

А ещё на этом же кладбище лежал рэпер Ратмир Шишков. Он был из знатного цыганского рода, потусовался на «Фабрике звёзд», а потом самовыражался в R&B-группе «Банда» с Домеником Джокером и Тимати, такими же мутантами, как и сам. Мартовской ночью 2007 года он погиб в компании друзей — пьяных мажоров: их «мерседес» летел на красный свет и врезался в борт легковушки на углу Садовой-Спасской и Орликова переулка. Пять трупов. Ратмиру было девятнадцать лет.

Двигая иконки по экрану айфона, разворачивая и сворачивая информационные окна, Глеб думал, что авангардист и рэпер на старом чумном кладбище — тоже скор не хуже отпевания айтишника.

Глеб неторопливо шагал по асфальтовой дорожке между могилами. Дорожку обжимали чёрные ограды — то чугунные, литые и витые, а то обычные, сваренные из уголка и прута. Голые ветви высоких деревьев переплетались, продолжая узоры оград. За крестами и стволами верб виднелись унылые плоскости бетонных плит, из которых состояла внешняя стена кладбища. А дальше в хмари угадывались громады многоэтажных домов со стороны Волгоградского проспекта.

Глеб прочитал, что на Калитниках похоронена блаженная старица Ольга. Она прожила больше века и умерла 23 января 1973 года. Глеба это неприятно задело. 23 января 1973 года в городе Апатиты Мурманской области родился он сам, Глеб Сергеевич Тяженко.

В миру старицу звали Марией Ложкиной. Дворянка и монахиня, она каким-то образом уцелела в ГУЛАГе и после войны пристроилась жить в полуподвале близ Таганской площади. Старица совершала странные чудеса: с утра брала две сумки и шла бродить по Москве. Если встречала сердитого или грустного человека, то просила его помочь поднести поклажу. Человек помогал — и к нему возвращалась радость жизни. Эта история была какая-то очень московская, когда дурное настроение — проблема, которую решают специальные люди.

Новые захоронения на Калитниковском кладбище проводили только в порядке исключения — на двух участках в дальнем конце. Гермес добился, чтобы для Гурвича сделали исключение. Более того,

Гермес добился, чтобы тело Гурвича не кремировали, а похоронили. Гермес хотел, чтобы у Гурвича была могила, а не ячейка в стене колумбария. Глеб не знал, зачем Гермесу могила Гурвича. Понятно, что Гурвич — друг и партнёр, но ведь не собирался же Гермес бегать к нему на могилку в каждый престольный праздник...

Глеб увидел яму для Гурвича. Её выкопали между двумя старыми захоронениями почти у бетонной стены кладбища. Глеб остановился поодаль, на асфальтовой дорожке, чтобы не пачкать ботинки в глине. Конечно, нехорошо думать о ботинках, когда рядом такое горе... Но в данный момент вокруг не было скорбящих, готовых оскорбиться чужим циничным чистоплутьством. Глеб убрал айфон и натянул перчатки.

Рядом с ямой находилось какое-то надгробие — каменный ящик, накрытый толстой плитой с профилированной кромкой. Над ящиком возвышался крест. В высоту конструкция достигала Глебу до плеча. Ограда отсутствовала. И что-то с этой могилой было неправильно...

Глеб рассматривал заснеженный крест. Вертикальный монолит креста был широким сверху, а вниз сужался на клин. Горизонтальная перекладина выступала совсем ненамного. В общем, у креста был стильный дизайн, который не вязался ни с барокко восемнадцатого века, ни с классицизмом девятнадцатого. Для модерна начала двадцатого столетия слишком скуп и сурово. Получается, памятник новый? Значит, ещё живы те, кто лично знал погребённого? Но почему же тогда могила без огра-

ды, которая отделяет личное сакральное пространство от публичного?

Может быть, это могила московской старицы Ольги? У неё нет родни, которая огородила бы могилу, но есть почитатели. Поисковик «ДиКСи» сообщал, что самый большой крест Калитниковского кладбища — на могиле схимонахини Ольги. Крестов крупнее этого Глеб вроде бы не заметил. Хотя, конечно, он не смотрел внимательно.

Плечи Глеба передёрнулись под пальто. Если это могила старицы, то на ней стоит дата его рождения. Глеба словно что-то за рукав потянуло к могиле: захотелось увидеть крест с собственной датой...

Хрустя снегом, Глеб осторожно подошёл к надгробию, нагнулся и перчаткой соскрёб с креста сизый иней, выросший на рывинах камня. Проступили чёрные буквы. Нет, это не имя «Ольга»: слово куда длиннее, и буквы латинские. Но что там начертано?.. Глеб не поверил глазам. На кресте значилось: ABRACADABRA.

Глеб распрямился. Бредятина какая-то. Абракадабра. Шутка, что ли? Какой кретин придумал так пошутить?..

А надгробие явно старое. Камень уже пористый, плита неровная, углы выщербились, все грани креста и плиты стёрты и закруглены.

Смешное детское словечко на могильном кресте выглядело жутко. Абракадабра, шалтай-болтай, ябеда-корябеда... Или это заклинание? Крибле-крабле-бумс, рекс-пекс-фекс, трах-тибидох... Бамбара-чуфара-лорики-ёрики, *явитесь передо мной, летучие обезьяны!*.. Может, здесь похоронен ребёнок?

Надгробие-то не очень большое... Ну и что? Разве уместно на могиле ребёнка писать «Сим-Сим, откройся»?

Под снегом на груди креста угадывались ещё какие-то слова. Глеб опять наклонился и, не пожалев кожаных перчаток Forziati, тщательно расчистил весь текст. Однако недоумение только возросло.

На кресте было высечено:

ABRACADABRA

ABRACADABR

ABRACADAB

ABRACADA

ABRACAD

ABRACA

ABRAC

ABRA

ABR

AB

A

Глеб задумчиво разглядывал нелепый монумент. Что это такое?

Вдалеке за деревьями слышались негромкие голоса и шум шагов. Видимо, от церкви по дорожке несли гроб с Гурвичем.

Глеб снова достал айфон и с разных позиций сделал несколько снимков креста с абракадаброй. Забавная штукавина. Вот и будет, о чём сделать новый пост в своём блоге соцсети «ДиКСи». Писать о похоронах — убить рейтинг. А вот абракадабра — это интересно.

И наверняка кто-нибудь из посетителей объяснит, в чём тут дело. Всегда находится умник, который всё знает. И слава блогу.

2

Глеб не помнил, когда впервые услышал о «ДиКСи», но с Гермесом и Гурвичем, отцами-основателями портала, он познакомился в 2010 году. Тогда Глеб рассчитывал, что Роднянский, обновляющий «Пятый канал», возьмёт его в обойму. Все договорённости уже были достигнуты. Огромные баннеры с лицами Быкова, Сванидзе, Собчак и Сорокиной, новыми хедлайнерами «Пятёрки», появились даже на домах Садового. На такие иконостасы Глеба, конечно, не вешали, но ближе к МКАДу, в Чертаново и Лианозово, в рекламах на сити-вижнях в общем ряду ведущих канала среди звёзд мелькал и он.

Глеб приготовил «Пятому» ток-шоу «Апгрейд» — обсуждение отношений интернета и общества. Пилотный выпуск программы должен был выносить мозг. О чём поговорить? — думал Глеб. Можно с Мошковым об авторских правах. Можно с Носиком о вытеснении ЖЖ социальными сетями. Можно с Саввой Терентьевым про онлайн-цензуру или со Славой Сэ — о литературоцентричности интернета. Для прикола можно просто поматериться обо всём подряд с Лебедевым как с фриком. Однако Глеб выбрал Гермеса и Гурвича.

О «ДиКСи» тогда мало кто знал, поэтому Глеб решил сделать свой эфир чем-то вроде презентации ресурса — и содрал дизайн студии с одной из презентаций Apple, чтобы подчеркнуть революционность идей Гурвича, сопоставимую с революционностью идей Стива Джобса.

Гурвичу и Гермесу, обоим было за полтинник. Гурвич оказался неряшливым, толстым евреем с мокрыми губами и кудряшками вокруг ранней плечи, но он излучал столько энергии, что хватило бы на отопление райцентра в провинции. Холёный Гермес тоже был евреем, но совсем иного типа: тщательно вылепленный фитнесом, тщательно отшлифованный пластикой, тщательно окрашенный в солярии. Гурвич грузно растёкся по креслу, подмигивая камерам, и тотчас присосался к бутылке с минералкой — потреблял халяву. Гермес сел пружинисто, будто на тренажёр, улыбнулся и негромко спросил, будет ли суфлёр.

— Что такое «ДиКСи»? — с места в карьер стартовал Глеб.

— «Дискурсейшн», — пояснил Гурвич и затрясся, хихикая. — Когда говорю это слово, у меня чувство, что зубов не хватает.

— И что оно означает?

— Сессия дискурса. Ваши индивидуальные представления о мире. Информационная картина по вашему вкусу. Мир как гуляш.

Гермес усмехнулся, словно извинился за Гурвича: ну что взять с чудака-изобретателя? В студии стояла интерактивная панель. Гермес взял лазерную указку и написал на экране: «DisCourSession», «DiCS».

— «ДиКСи» — это портал, предоставляющий различные интернет-сервисы и обладающий различными интернет-ресурсами. Мы говорим, что это *телеком третьей генерации*. Соответственно, у «ДиКСи» есть — или будет — всё, что есть у пре-

дыдущих платформ, но на качественно ином уровне. Качественный скачок уровня технологий — это и есть революция. Смарт-технологии приспособили компьютер к человеку, а технологии «ДиКСи» приспособливают к человеку интернет.

— Стоп-стоп! — Глеб предостерегающе поднял руку. — Как это — компьютер не приспособлен к человеку?

— Ведь вы не сможете воспользоваться компьютером в трамвае, не так ли? — улыбнулся Гермес. — Компьютер — стационарная машина. А с айфоном или айпэдом вы имеете все бонусы интернета и компьютера в любом месте, где находитесь. Это и есть революция Джобса. Вход технологий в мир — это в первую очередь вход технологий в быт.

— Между компьютером и рестораном я всегда выбирал компьютер. — Гурвич заржал. — В итоге — бургеры и вот это брюхо! — Гурвич довольно похлопал себя по животу. — Дали бы мне тогда планшетник, я бы ходил по вегетарианским ресторанам и был строен, как Сашка!

Гермес смущённо улыбнулся и поднёс к правому виску два пальца, словно отдал честь в благодарность за комплимент. Гермес выглядел как подтянутый и спортивный капитан торгового судна, а Гурвич — как раскумаренный и уколбашенный владелец. Хотя на самом деле всё было примерно наоборот.

— А почему интернет не приспособлен для человека? — продолжил Глеб. — Для кого он тогда приспособлен?

— Проще показать на примере.

Лазерной указкой Гермес коснулся иконки на интерактивной панели и вывел интерфейс «Яндекса» с клавиатурой, потом набрал на клавиатуре запрос: «Фильм Аватар».

— Представьте, что я хочу почитать чего-нибудь интересное про свой любимый фильм. Обычное желание, рядовой запрос.

Гермес нажал лучом указки кнопку «Найти». Под жёлтой полоской «Яндекса» выстроились два ряда чёрно-синих картинок с кадрами из фильма и столбец ссылок.

— Двадцать пять миллионов ответов, — прочитал Гермес результат, указанный под логотипом «Яндекса». — Это не то, что я заказывал. Всё равно, если бы я искал детектив на пару часов, пока еду в электричке на дачу, но получил бы не покетбук Донцовой, а пропуск в библиотеку Британского музея. Вот это мы и называем интернетом не для людей.

— И какая альтернатива? — спросил Глеб.

— Ясен хрен, что «ДиКСи», — ухмыльнулся Гурвич.

Гермес заменил на панели интерфейс «Яндекса» интерфейсом «ДиКСи» и набрал в поисковой строке «Фильм Аватар». На панели появилось нечто вроде сетевого анонса газетного номера: фотки, которые увеличивались при касании, аншлаги и заголовки-ссылки.

— А это — то, что получается, когда результаты «Яндекса» пройдут через сервисы «ДиКСи». Девятнадцать материалов о фильме, которые обязательно будут интересны лично мне, Александру Гермесу. Мне этого будет достаточно. Я полностью удовлет-

ворю свою потребность в информации самым качественным контентом. Это и есть «ДиКСи».

— Знаете старый анекдот совковый про слонов? — заёрзал в кресле Гурвич. — В разных странах выпустили книги про слонов. В Англии — талмуд «Слоны и британский колониальный вопрос». Во Франции — альбом «Секс у слонов». В Германии — трёхтомник «Введение в слонологию». В СССР — учебник «СССР — родина слонов». А в США — брошюру «Что средний американец должен знать о слонах». Вот наш «ДиКСи» — как раз такая брошюра.

Рассказывать анекдоты Гурвич не умеет, подумал Глеб.

— Айпэд — компьютер в быту, а «ДиКСи» — интернет в быту, — подхватил Гермес. — Для сложных и высокотехнологичных работ всё равно используются специальные машины с огромным функционалом, а просто посмотреть кино можно и на примитивном DVD-плеере. Точно так же для бытовых целей могучие поисковые системы типа «Яндекса» выдают слишком громоздкий результат, а «ДиКСи» — то, о чём спросили.

— Есть функция релевантности, — возразил Глеб.

— Она не срабатывает, когда стоит вопрос вкуса. Скажем так: вот вы голодны. Но вы желаете не просто утолить голод, а чтобы было вкусно. И чтобы не пришлось ломать голову над выбором — это хочу, а это не хочу. Поисковые системы — это меню на тысячу страниц. А «ДиКСи» — ваш личный повар.

— То есть, «ДиКСи» — гибрид «Яндекса» с ИМХО-нетом?

— Сервисы рекомендаций существуют не только в ИМХОнете... — начал было Гермес.

— Есть куча рекомендательных сервисов! — влез Гурвич. — Но их фишка в чём? Они работают на одном типе контента. Саша Долгин — голова, он свёл на своём портале разные контенты. Однако у него вопрос инженерии, а не собственно первичного софта. Первичный софт всё-таки на одноконтентных ресурсах. Тут гений — Джим Бенетт, который разработал для «Нетфликса» алгоритм Cinematch. С Джимом я говорил, и он мне на пальцах доказал: обычная система оценки и поиска по баллам даёт среднеквадратичное отклонение в сто пять процентов с десятичными, а Джим по линейной регрессии дожал до девяноста пяти процентов! Прикиньте, «Нетфликс» объявила конкурс на алгоритм, который будет лучше Cinematch хотя бы на десятую долю, и приз — миллион баксов! Десять лет никто Джима не мог поиметь! Лишь пять месяцев назад какие-то черти ломанули банк!

— Стоп-стоп! — опять поднял руку Глеб. Гурвича несло туда, где рядовому зрителю непонятно. — Попрошу по-русски. И без мата.

— А без мата тут не объяснить, — заявил Гурвич. — Короче, почти все поисковые системы сейчас — морфологические. Ищут по форме слова. А я разработал семантическую — поиск по смыслу. И с моим протоколом появилась возможность делать профили на всю Сеть.

— «ДиКСи» — индивидуальный интернет, — подключился Гермес. — «ДиКСи» устанавливает предпочтения пользователя и формирует для него индивидуальную информационную картину, которая

интересна данному конкретному человеку. Вам одну, мне другую, Льву третью.

— Информационный коммунизм! — крикнул Гурвич. — От каждого, бля, по способностям, *каждому, бля, по потребностям!*

Глеб подумал, что Гурвич — интеллектуальный уголовник. Он взломал традицию как сейф. «Бля» монтажёры потом перекроют зуммером, а вот идею ничем не перекроешь, и, судя по всему, быть Гурвичу и Гермесу миллиардерами, как Брину, Джобсу или Гейтсу.

— Александр, Лев, а вам не кажется, что вы сажаете своего пользователя в информационную тюрьму? — спросил Глеб. — У вас ведь тоже цензура. Обычная цензура говорит: «Ты не будешь знать об этом, потому что тебе не разрешено», а цензура «ДиКСи» говорит: «Ты не будешь знать об этом, потому что тебе не будет интересно».

— «ДиКСи» ничего не отменяет, все другие ресурсы доступны по-прежнему, пользуйтесь ими! — Гермес пожал плечами. — К тому же люди всегда цензурят себя. Если какие-то сведения вам не интересны, вы всё равно пренебрежёте ими. А информационный шум и избыточный выбор заглушают востребованные знания. Так сорняки душат полезные растения. И речь не только о поисковых системах...

Тогда, в конце зимы 2010-го, у «ДиКСи» было запущено всего три ресурса. Первым стал «ДиКСи-поиск» — поисковик вроде «Яндекса» или Google, а точнее — некий фильтр на любой другой поисковик. В силу того что результаты «ДиКСи-поиска»

были гораздо проще, чем у других систем, этот поисковик быстро набирал популярность.

Вторым продуктом стал интернет-магазин «ДиКСи-маркет» — тоже фильтр-поисковик, но по сетевой торговле. Этот ресурс раскручивался туго. Возможно, как раз из-за успешности. Покупатель хотел выбирать, обдумывать, мучиться примерками и сомнениями, а ему сразу давали безусловно подходящий товар. Это лишало шопинг удовольствия.

Третьим сервисом зимой 2010-го был «ДиКСи-ньюс» — персональная лента новостей. Из лент многих информагентств «ДиКСи» отбирал те новости, которые были интересны подписчику.

Запись разговора с основателями «ДиКСи», собранную монтажёрами и редакторами, Глеб показал Гермесу, и тому очень понравилось. Он сказал, что «ДиКСи» планирует расширение и умножение сервисов, что компания ведёт агрессивную политику: вторжение в интернет-среду и захват медиарынка. С такими амбициями «ДиКСи» будет нужен медиаменеджер, глава направления. Глеб понравился Гермесу. Не желает ли Глеб подумать над предложением возглавить офис-кластер?

Гермес ещё не успел договорить, а Глеб уже принял решение. Выйти в топы в такой конторе, как «ДиКСи», — это мечта. Это оправдывает долгие московские годы, когда он отирался на вторых-третьих ролях, снимал халабуды и ездил на бэушных тачках, у которых первые хозяева перед продажей откатали срок гарантии.

А с «Пятым каналом» у Глеба тогда всё равно ничего не срослось. Его программа не прошла кастинг.

Глебу сообщили, что разговор с Гермесом и Гурвичем посмотрел сам Роднянский и сказал: этот парень, как его, Глеб Тяженко, он что, совсем наивный? Он думает, что «Пятёрка» будет пиарить «ДиКСи» — своих конкурентов? Гермес был гений — и Роднянский тоже, и он сразу просёк, как ляжет фишка.

В мае 2010-го Гермес запустил «ДиКСи-дайджест» — индивидуальную интернет-газету, ежедневный дайджест тех материалов СМИ, которые интересны данному клиенту. В 2011-м появилось «Радио ДиКСи»: личное интернет-радио, по которому звучит лишь та музыка, которая приятна заказчику, а общими на всю аудиторию остаются только диджеи. За полтора месяца до смерти Гурвича Гермес открыл «ДиКСи-нет» — свою социальную сеть, во многом похожую на LiveJournal.

Но все эти сервисы были сопутствующими ресурсами. Вскоре Глеб узнал, насколько был прав Роднянский, когда говорил о конкуренте: на базе «ДиКСи» Гермес задумал собственный телеканал.

3

Пока могильщики глухо и гулко охлопывали лопатами свежий земляной холмик, к Глебу сквозь толпу подобрался Гермес.

— Глеб, обратите внимание, — негромко произнёс он. — Вон там поодаль стоит девушка в голубом пуховике. Это Орли Гурвич, дочь Льва. Возможно, мы возьмём её в «ДиКСи». Она журналист, то есть будет работать с вами.

— Наследница? — удивился Глеб. — Я спрашиваю, потому что хочу определиться с субординацией.

— Я ещё ничего не решил, — устало ответил Гермес. Он выглядел плохо, лицо посерело и обвисло. — Просто познакомьтесь с ней, оцените. Ну, подвезите её до метро или до дома. Я вас представлю.

От Гермеса пахло дорогим парфюмом. Abercrombie & Fitch, не сразу, но узнал Глеб.

— О'кей, — кивнул он.

По пути от могилы до выхода с кладбища Гермес вёл Орли сам, бережно придерживая под локоток. Глеб шагал сзади. Он видел только чёрные кудряшки Орли над капюшоном пуховика. Вроде La Masa, определил Глеб. Но это ни о чём не говорит. Пуховик был простёган квадратами и понизу захлапан грязью.

За воротами кладбища возле машин Гермес и Орли остановились, и все, кто явился на похороны, ещё раз подошли к дочери Гурвича, чтобы выразить сочувствие. Глеб издалека рассматривал Орли. Лет двадцать пять. Симпатичная. Чуть-чуть носатенькая и с вьющейся гривой. Просто Юдифь. Или Эсфирь. Гермес подозвал Глеба взглядом.

— Глеб, это Орли Гурвич, — представил он. — Орли, а это Глеб Тяженко, медиаменеджер «ДиК-Си». Он довезёт вас, куда скажете.

— Соболезную, — произнёс Глеб, встретившись с Орли глазами.

— Спасибо, — просто ответила она.

Глеб молча указал на свою машину — тёмно-синий удлинённый «Lexus RX 350». Глеб купил тачку

уже хорошего класса, но всё ещё не новую, а подержанную, зато 2007 года и с пробегом всего в семьдесят тысяч. Настоящий уровень «премиум» будет следующим шагом. Глеб не сомневался, что сделает его.

Орли не изображала из себя светскую даму, привыкшую ездить с водителем, а села на переднее сиденье. Глеб начал выводить машину со стоянки у входа на кладбище, глядя справа от руля в экран камеры заднего обзора.

— Орли — это по-французски? — спросил он.

— По-французски — Ор-ли́, ударение на последний слог. А у меня еврейское имя. Означает «мой свет». Так меня звал отец. Но по паспорту я не Орли Львовна Гурвич, а Ольга Николаевна Телегина.

Глеб медленно и осторожно ехал по Средней Калитниковской улице, плотно обставленной машинами с обеих сторон.

— Необычно, — сказал он. — А как мне вас звать — Орли или Оля?

— Как вам нравится.

— Это тест! — тревожно-шутливо всполошился Глеб. — Я должен справиться! Я буду звать вас Орли!

— Вы прошли на второй уровень, — улыбнулась Орли.

— Может быть, тогда выпьем кофе?

— Хорошо бы. А то я замёрзла. Где предлагаете приземлиться?

— Вообще-то, здесь я ориентируюсь не ахти...

Орли достала айфон, и краем глаза Глеб заметил на его экране ало-фиолетовые отблески портала «ДиКСи». Очевидно, Орли включила навигатор.

Однажды Гермес по секрету поведал Глебу, что «ДиКСи» откупил какой-то сервис GPS-навигации, но это оказалось невыгодно, и услуга на рынок не попала. Видимо, Орли как дочка Гурвича этой услугой всё же пользовалась.

— Совсем рядом есть ресторан «Старая Гавана», — сообщила Орли. — Это на Талалихина. Сворачивайте сейчас налево.

Ресторан Глеба смутил. Советская двухэтажная коробка с высоким вторым этажом была превращена в какую-то расписную залепуху с аркадой понизу и панно слева: кирпичи, скала, маяк. Попытка обрести индивидуальность казалась мучительной. Зато парковка пустовала.

Глеб и Орли расположились у окна в зале, тесно заставленном столами и вычурными стульями. Всё вокруг было перечно-пунцовое и горчично-жёлтое. Дизайн надрывался от Латинской Америки: раскрашенные мадонны в нишах, деревянная галерея по верху стены, горшки с тропическими растениями, ещё одно панно, теперь с собором Сан-Кристобаль. Официанты в синих рубашках и с алыми галстуками походили на злых пуэрториканцев, торгующих вразнос марихуаной.

— А у вас кофе кубинский есть? — спросила Орли.

— М-м... — замаялся официант. — Извините, сейчас нет.

— Ну, тогда два двойных эспresso.

Глеб потихоньку разглядывал Орли. Искусно потёртые джинсы Lee, утти, толстый белый свитер ручной вязки.

— Зачем рестораны в любовую выдают себя за часть другого мира? — спросила Орли и закурила тонкую сигарету Vogue. — Какая тут Гавана, кто поверит? Другое дело, если бы весело обыграли кубинскую тему. Салат «Борода Фиделя». Дайкири «Карибский кризис». Печёный кролик по-че-геварски.

— А у вас неплохое настроение для сегодняшней погоды, — усмехнулся Глеб.

Орли всё поняла, сощурилась и метнула в Глеба тёмный взгляд.

— *Мы скорбящие, но мы не лохи*, — спокойно сказала она.

— Э-э... «Большой Лебовски»? — опознал цитату Глеб.

— Вы прошли на третий уровень.

Глеб смотрел на Орли, и она ему всё больше нравилась. У неё были весёлые глаза и яркие, какие-то чёрно-красные губы.

— Отца я впервые увидела полгода назад, — сообщила Орли. — Он уже сильно болел, и понятно было, что скоро конец. Да, я не горюю. Потому что смерть была ожидаема, и я почти не знаю этого человека, пусть даже он меня и зачал. У меня и отчество от деда по маме.

— То есть у вас мать и отец жили порознь? Поэтому Оля и Орли?

— Я не из Москвы, — сказала Орли. — Из города Омутнинска, это под Кировом. Мать — школьная учительница. В восемьдесят пятом году к нам в город приезжал стройотряд из МИФИ. Студенты и аспиранты, в том числе и Лев Гурвич. Строили какой-то ангар. Мама подрабатывала на кухне и по-

знакомилась с моим будущим отцом. Лето закончилось, Лев Гурвич уехал и забыл о маме. А я родилась в апреле восемьдесят шестого.

Глебу всё стало ясно. У него самого была такая же история, только на десять лет раньше, и вместо обязательного еврея-математика и московского аспиранта был лихой ростовский казак и комсомольский лидер. А потом в городе Апатиты родился он, Глеб Тяженко.

— Отец вам помогал?

Орли засмеялась:

— Знаете, Глеб, если бы он помогал матери, я бы перестала его уважать. Ну, этим он будто бы признал свою вину. А он нифига не признавал. Понравилась ему моя мать, вятская девчонка, — он и спал с ней, кто тут в чём виноват? Мать была гордая, не просила помощи — он ничего и не делал для неё. Он жил в своё удовольствие.

— За чужой счёт.

— Да уж конечно, ага, — скептически сморщилась Орли. — За свой счёт он жил. Просто он брал, если давали. Но ни у кого не отнимал.

Официант принёс кофе.

— А он вообще знал про вас?

— Ни сном ни духом. Святой человек!

— Вы чудесная дочь, Орли, — сказал Глеб и опустил взгляд в чашку.

— Не-е, я ещё та оторва, — гордо ответила Орли.

— А как в Москву вы попали? Поступили куда-то?

— Отучилась я у себя там, в Кирове. Я, кстати, тоже журналист, как и вы, Глеб. А сюда... Н-ну,

в общем, я нашла, к кому переехать в Москву. Я, конечно, родину люблю, но там полная жопа, мертвяк. Уж поверьте мне.

По её лицу заметался румянец. Глеб понял, каким образом Орли устроилась в столице. Ничего нового: постель. Глеб и сам не отказался бы заполучить такую девушку в любовницы. Но Орли — дочь одного босса и знакомая другого. Лучше не рисковать.

— В Москве жить невозможно... — сказал Глеб то, что говорят всегда, когда чувствуют какую-то вину за то, что живут в Москве. — Пробки, экология...

— Тогда садитесь в свой «лексус» и стартуйте в дивный город Омутнинск, — понимающе усмехнулась Орли. — Чего не уезжаете-то?

За окном на тусклую улицу посыпался дождик. Белые полосы снежных газонов начало мелко дырять чёрной рябью.

— А отец вам и в Москве не помогал, да? — переменял тему Глеб.

— Сама справилась, — мрачно хмыкнула Орли. — Правда, конечно, вкалывать пришлось не по-детски. Я, наверное, на двадцать изданий поработала. Сначала фрилансером, потом пехотой в штате, а потом доросла до колумниста в «Метро» и в «Независьке». Меня почти позвали на «Дождь», но тут отец нашёлся...

— Вы искали его?

— Да я о нём и не думала. Как и он обо мне. Это всё Гермес.

— Гермес? — изумился Глеб.

У него Гермес никак не ассоциировался с семейными ценностями.

— Вы не думайте, что Гермес превратился в Квашу из программы «Жди меня», — засмеялась Орли. — Просто отец был плох, и Гермес наводил справки, какая у него есть родня. Ну, наследники. Надо же знать, кому перейдёт отцовская доля «ДиКСи». Всё вполне цинично.

— Цинично было бы, если бы Гермес присвоил долю Гурвича, — пробурчал Глеб.

Орли затеребила пачку Vogue, вытряхивая новую сигарету.

— Гермес нашёл меня, привёз к отцу. Так мы и познакомились.

— И как вам Гурвич?

Глеб вспомнил свои давние впечатления от Льва Гурвича. Темперамент. Витальность. Неряшливость. Гурвич был без тормозов, чумовой, гиперактивный. Даже непонятно, как он сумел умереть.

Орли откинулась на спинку стула и скрестила руки на груди в позиции бессознательной защиты.

— Знаете, Глеб, вы приятный мужчина. Почему-то мне хочется, чтобы вы сразу поняли обо мне какие-то вещи. Чтобы не было когнитивного диссонанса. Мама воспитывала меня как Олю Телегину, тургеневскую барышню. Мама и сама такая. Она отдалась одному человеку, отцу, — и хранит ему верность до сих пор, хотя этой верностью переломала себе всю жизнь. А я на третьем курсе филфака завалила английский, но очень спешила поехать с друзьями на горнолыжную базу в Нечкино. Тогда я взяла и дала преподу. И поняла, что я не Оля Телегина. А когда Гермес познакомил меня с отцом, я уже всё знала про себя, кроме имени. И отец сказал: ты —

Орли Гурвич. Я его дочь, а не мамина. Мне нечего плакать о нём, потому что он сам ни о ком не плакал, потому что он не сделал для меня ничего хорошего. Но с его уходом у меня появился шанс.

— На что?

— Иметь такую жизнь, какую я хочу иметь. Я из «Поколения Пу». Это тройной идеал: комьюнити, кредит, креатив.

Глеб понял, кого ему напоминала Орли. Девушку из рекламы Сбербанка. Реклама была такая. Симпатичная девчонка с весёлыми глазами и тёмно-красными губами — как Орли, только славянка, а не еврейка, — катила коляску по тротуару. Рядом шагала какой-то юноша с лицом верного и доброго пса: муж. Над тротуаром возвышался баннер с логотипом Сбера и зазывалкой «Зелёный бонус!». Коляска въезжала в колдобину и теряла колесо. Девчонка брала младенца на руки, а муж опускался на карачки, присобачивая колесо обратно. Младенец орал. Девчонка смотрела на баннер и задорно предлагала: «А давай автомобиль купим!» Муж снизу вверх тоже смотрел на баннер и неуверенно говорил: «Так это кредит надо оформлять...» И девчонка отвечала, сияя на всю улицу: «А мы зелёный возьмём!»

Забавная реклама. Эдакое милое, женское нарушение логики. А на самом деле логика очень даже была: комьюнити, кредит, креатив... *Мы скорбящие, но мы не лохи!*

— А что, Гурвичу за «ДиКСи» причитаются какие-то дивиденды? — спросил Глеб. — Он вам что-то завещал? Много, если не секрет?

Орли комично-печально вздохнула.

— Ничего там не причитается, — сказала она. — До Стива Джобса отец не дорос, а «ДиКСи» — ещё не Apple. От отца осталось немножко денег, но их не хватит ни на машину хорошую, ни на квартиру — даже где-нибудь в Бирюлёво. Папа жил, ни в чём себе не отказывая. Но он оформил на меня права на его авторские протоколы операционной системы «ДиКСи». А что это такое? Гермес сказал, что вы можете мне разобраться, что дальше делать с этой ситуацией.

— Я? — удивился Глеб.

Он думал, это его Гермес подослал к Орли выяснить, что почём, но оказалось — наоборот. Или Гермес просто свёл их обоих?

— Вы, дорогой Глеб Сергеевич, — кивнула Орли. — Вы!

4

Глеб снимал квартиру в Раменках, а контора «ДиКСи» находилась в Отрадном. Глеб добирался до работы, минуя центр, и ему часто удавалось избегать пробок, тем более что можно было выезжать не в разгар давки: он сам себе начальник и не уволит себя за опоздание. Но сегодня не повезло. Надо было ехать по Минской и Филёвской, а Глеб поехал по Мосфильмовской и влип в мёртвый затор.

Серое, холодное и мокрое утро напоминало студень, дрожало дождём. Справа и слева у Глеба стояли грязные автомобили, впереди — корма маршрут-

ки. В просветах меж домов Глеб видел три замытые моросью башни комплекса «Воробьёвы горы».

Глеб отрегулировал кресло, сделал потише невыносимые голоса «Il Divo» и взял в руки айфон. В машине было тепло и как-то мягко, пахло кожей и автомобильным парфюмом. Вот сейчас цивилизация и проверялась на состоятельность: человек неподвижен, заперт в пробке и бессилен развлечь себя иначе, нежели средствами связи.

Почту Глеб проверил перед выходом из дома, и пока ничего нового ещё не насыпалось. Читать дайджест не хотелось. На «ДиКСи-ньюсе» обновления были только в разделе бизнеса — правильно, в Европе открылись биржи — и российского шоу-биза: эти господа не отдыхали никогда, не старели и почти не умирали. В Твиттер Глеб запулил без вдохновения: «На Мосфильмовской за мостом пробка. Это если кому интересно». Потом Глеб перешёл в «ДиКСи-нет» — социальную сеть, которую поддерживал «ДиКСи».

Пока что сеть была небольшой, несравнимой с гигантами вроде «Одноклассников» или «ВКонтакте», не говоря уж про Facebook. Но всё впереди. Глеб верил в это будущее не потому, что был накачан химическим корпоративным оптимизмом, как допингом, а потому что с разработчиками сети совпадал по убеждениям: самовыражение, конечно, главная потребность современного человека, но этот человек ленится искать площадки для самовыражения. Обычно в соцсетях указанием площадок занимаются вспомогательные сервисы: разные системы топ-листов, перечни тем, личные знакомства,

презираемый Гурвичем морфологический поиск и так далее. «ДиКСи-нет» всё это игнорировал, будто не знал. Зарегистрированный пользователь входил в «ДиКСи-нет» — и ему сразу открывались четыре поста, которые гарантированно были интересны. «ДиКСи» сам искал то, что увлечёт клиента: знай читай, рефлексируй и самовыражайся. Лёгкость поиска и удобство пользования были тем бонусом, на который и делал ставку Гермес, руководитель и почти владелец «ДиКСи».

Самовыражение, в отличие от самореализации, так эгоистично, что ему нет дела до причины, нужен только повод. «ДиКСи» это знал и повод отыскивал всегда. Например, пользователь желал, чтобы его вытошнило от ничтожества человеческого рода, и «ДиКСи-нет» тотчас открывал пользователю четыре подходящих для него поста, где, к примеру, авторы обливали помоями убийц Каддафи, новый модельный ряд АвтоВАЗа, «Метель» Сорокина и ремонт на Бауманской. «ДиКСи» знал, что пользователь каким-то образом чуть-чуть является автодизайнером, литкритиком, москвичом и ливийцем, следовательно, ему есть что сказать по всем четырём поводам. И его потребность в самовыражении будет удовлетворена. К человеческому общению или к установлению истины эта речевая активность отношения не имела.

У Глеба была вполне внятная задача — создавать контент, пока «ДиКСи-нет» ещё совсем небольшая сеть: Web 2.0 она была только наполовину. Вчера вечером после похорон Гурвича Глеб поставил пост с фоткой креста ABRAKADABRA и простым вопросом к пользователям: сетевой народ, что это такое?

Глеб терпеть не мог выражения «сетевой народ», но так часто писали спамеры, а они умели подделываться под язык пипла. Первая же фраза первого же коммента подтвердила правильность идеи, что залог успеха — банальность мыслей и предсказуемость реакции.

«Ничего особенного!..» — так начинался коммент. Конечно, ничего особенного. Все кладбища России заставлены крестами с надписью ABRAKADABRA. Чего тут удивительного? Подобное сплошь и рядом, плюнуть некуда. Фраза «ничего особенного» означала, что автор её — некая KozaDereza — проживает в настолько увлекательном мире, что могильные памятники с абракадабрами для неё привычны, будто мусорные урны. Ну да. Везёт же людям. Глеб продолжал читать:

KozaDereza: Ничего особенного! У меня бабка из златоуста там на старом кладбище половина памятников огромные мрамарные пни. Это мода такая была у купцов

Infarkt: А что за кладбище?

Outsider: Кладбище домашних животных

Kabu4a: Знаете про кладбище вампиров в Челяковицах Чехия?

Kabu4a — это Мариша Кабуча, диджей «Радио ДиКСи». «Кабуча» означало «плохая девчонка». Мариша была вполне себе хорошая и очень давно уже не девчонка. Она торчала на всех площадках, куда заносило Глеба.

D-r_Pippez: Это могила вампира!!! Стопицот!!!!

L-a-p-k-a: Слово какое то корнейчуковское. Детское. Сразу вспомнила, как болела восполением

легких, лежала в постели. Мама поила чаем с мёдом, в школу ходить не надо, зима, жара, крыша едит.

Kyporos: Абракадабра — древнее магическое слово. В средневековье употреблялось как заклинание. Сейчас считается шутливым образцом бессмыслицы, нелепицы. Ссылка на Википедию

Конечно же, нашёлся умник, который всё объяснил. В желании юзеров продемонстрировать свои знания и умения Глебу всегда виделось что-то от дрессированной мартышки, но не от настоящего разума. Homo sapiens должен понимать, что автор поста и сам может сходить в Википедию и посмотреть, что такое ABRAKADABRA. Если автор не сделал этого, значит, здесь подстава. Зачем попадать в чьи-то ловушки, даже если они и безвредны?

Умник, пославший в Википедию, тоже самовыражался, потому что не ответил на вопрос Глеба, а продемонстрировал своё умение нажимать на кнопки. Глеб прошёл по ссылке и прочитал, что смешное слово «Абракадабра» — имя страшного демона. Он вызывал мор: холеру, лихорадку, язву, чуму. Ведьмы, летящие на шабаш, кружили на мётлах вокруг Лысой горы, хохотали и звонко кричали в высоте звёздной полночи: «Абракадабра!» — вызывали демона из преисподней.

Чтобы защититься от этого демона, от холеры и лихорадки, люди писали имя врага на кусочке пергамента или дощечке. Писали в одиннадцать строчек, всякий раз убирая по одной букве, пока имя не исчезало. Так можно было убить демона, а точнее — дематериализовать его, лишить силы

и власти. Затем пергамент или дощечку сжигали или носили в ладанке на груди. Имя демона — это очень важно. Это его программа, которую можно уничтожить. Поэтому у самого сатаны бесконечное множество имён — его человеку не уничтожить, уничтожив имя.

Глеб вспомнил: в фильме «Константин» Киану Ривз, истребитель демонов, терзал одержимых, чтобы те назвали имя овладевшего ими демона. Потом врага уже можно было одолеть. Значит, на памятнике Калитниковского кладбища начертано заклятье, убивающее демона?

Глеб закурил. Marlboro, Lexus, дождь, айфон, Мосфильмовская улица, демон ABRAKADABRA... Глеб чувствовал, что всё это могло сочетаться только здесь — и нигде более. Поэтому он и любил Москву.

KozaDereza: Это не настоящая могила а кенотаф ложная или пустая могила. Таких в Египте много. Когда нет тела а похоронить надо. У Марины Цветаевой два кенотафа в Тарусе и Елабуге

Nan_Madol: Hubble, а где вы нашли этот памятник? Предположу что либо на Ваганьковском кладбище, либо на Калитниковском, либо на Преображенском.

Hubble — это был ник Глеба в «ДиКСи-нете». Глеб взял его после великолепного 3D-фильма про орбитальный телескоп «Хаббл».

Nan_Madol: Поясню. Демон Абракадабра повелевал чумой. Эти три кладбища, насколько я знаю, чумные, то есть основаны после московской чумы 1771 г. Возможно, здесь была и символиче-

ская могила демона чумы. Подобные существовали в Средневековой Европе. Например, в 1361 г. чума пришла в Авиньон, где продолжалось «пленение пап», и от нее умерло 100 епископов и 5 кардиналов. Чуму победили только молитвы папы Иннокентия 6. Новый папа Урбан 5 в 1363 г. установил в одном из двориков Папского дворца кенотаф Папы Чумы. Кенотаф был разрушен в 1789 г., когда во время Великой Французской революции дворец захватили восставшие. Также известно, что могила Короля-Чумы существовала в Магдебурге, но разрушена вместе с кладбищем весной 1945 г.

Вот юзеры всё и объяснили, подумал Глеб. Надо только аукнуть в Сеть: *явитесь передо мной, летучие обезьяны!*

Kuporos: Между прочим, уже в чумном средневековые люди распространяли «письма счастья»: вроде как перепиши пять раз, раздай друзьям, и спасешься от чумы

D-g_Pippez: Бля эти уроды значит от чумы не передохли, да? Неужели действует? У меня ящик забит «письмами счастья», ПП !!!!!!!

Доктор Пиппец, понял Глеб, — сетевой хулиган. Ну и ладно, пушай буянит. Лишь бы не тролль. Но кому надо троллить Глеба?

Kuporos: Тогда «письма счастья» называли «святыми письмами», потому что считалось, что их надиктовала богородица. Вот по ссылке русское «Святое письмо, посланное чуднымъ образомъ Господомъ нашимъ Исусомъ Христомъ и писанное собственною его рукою златыми литера-

ми на еврейскомъ языкъ. Оно было найдено въ 12 верстахъ от Семборта в Лондонъ с изображеніемъ креста и истолковано семилѣтнимъ сиротою, который до того времени ничего не говорилъ»

По ссылке Kurogosa Глеб не пошёл: ему хватило заголовка. Похоже, Kurogos был из тех интернет-знатоков, которые на любой случай имеют не знание, а ссылку. Люди-google, гугловоды.

Outsider: Мне бабка говорила, что когда чума приходит, петухи и собаки теряют голос потому что пение петуха отгоняет нечистую силу, а собака видит невидимую смерть и лаем может выдать ее людям. А Кошка раньше была сестрой чумы, чума ее била, и теперь Кошка ее боится и когда чума приходит — прячется от нее в печке

D-r_Pippez: Вы чо бля пугайте я ужэ обоссалсо!!!!

L-a-p-k-a: Чума просто так не приходит. У меня на даче деревенская сумашедшая была, она говорила, что ей предшествуют знаменья. Потопы, засухи, землетрясения, кометы, появление цветных комаров, хвостатых лягушек, дожди из пауков, жаб и червей.

Kabu4a: Меня вчера жаба так душила, так душила... Это к чуме!

Kurogos: И ещё ссыль. Легенда о Деве Чуме в немецком замке.

Ссылка вывела Глеба на какой-то русскоязычный туристический сайт про достопримечательности Штутгарта и окрестностей. На фотке был очень красивый замок, венчающий вершину холма. Глеб прочёл сопроводилку к фотке и саму легенду.

«В страшные годы, когда Европу опустошала Чёрная Смерть, мору противостоял только замок Гогенцоллерн возле Штутгарта. Дева Чума взяла этот замок в осаду, но жители затворили ворота и все двери и не показывались ни на балконах, ни во дворах. Если кто опрометчиво отворял окно, в жилище тотчас влетал воздушный алый шарф Девы Чумы, и обитатели падали, поражённые болезнью. Чума была врагом терпеливым. Она спокойно ждала, когда голод вынудит защитников замка Гогенцоллерн покинуть свои убежища. Тогда рыцарь Рюгер Химмельберген решил пожертвовать собой ради спасения замка. Он выгравировал на мече слова «Иисус и Мария» и открыл окно башни. И сразу в окне показалась призрачная рука с алым шарфом. Бравый кавалер ударил по этой руке мечом. Рука отдёргнулась. Рыцарь Химмельберген упал на пол, покрываясь чумными бубонами, а раненая Дева Чума предпочла оставить замок Гогенцоллерн и удалилась прочь от его негостеприимных стен».

Глеба впечатлило. Маришу Кабучу — тоже.

Kabu4a: Ояпу !!! Чумачечая осень :) !!!!

Nan_Madol: Ставлю перепост статьи о могиле-кенотафе.

«Редкий и необычный памятник европейского Средневековья — могилы-кенотафы с надписью ABRAKADABRA. У них удивительная легенда. В этих могилах похоронен демон чумы. Вот откуда он брался.

Сатана замечал, что какой-нибудь город, восславляя господу, расцветает и богатеет, и решал погубить этот город. Он приезжал в роскошной чёрной

кажете, запряжённой шестёркой вороных коней, и соблазнял какого-нибудь горожанина стать Королём-Чумой. Этот человек соглашался привезти в город чуму, и за это Сатана обещал ему спасение от мора, богатства умерших и власть над всем городом.

Несчастливого предателя Сатана увозил к себе во дворец и там спускал с цепи демона чумы Абракадабру. Демон входил в человека. Теперь человек должен был выпустить демона на свой город, иначе демон убьёт его: предатель сам умрёт от чумы.

Вера в то, что спастись от чумы можно только передачей своей чумы другому человеку, была широко распространена в Средние века. Она объяснялась “демонической теорией”, согласно которой болезнь считалась злым духом, демоном, поселившемся в человеке. Демон овладевал человеком за его грехи, следовательно, лечиться надо было не в больнице, а в церкви — покаянием и пожертвованиями. Или же надо совершить некие оккультные ритуалы, которые заставят демона покинуть своего носителя и перейти в другую жертву.

А Сатана возвращал Короля-Чуму в его дом, и Король выпускал демона. Абракадабра начинал сеять чуму по городу. Он целовал женщин чумными губами, угощал мужчин чумным пивом, дарил детям чумные игрушки. Он отравлял колодцы. Он изготавливал “чумную мазь” и обмазывал ею ручки дверей и скамейки в храмах. В состав “чумной мази” входили мышьяк, ядовитые травы, сушёные жабы, сердца висельников и тому подобные вещи. Чума поражала город. Демон же прятался у Короля и приносил ему богатства из опустевших домов.

В чумных городах обезумевшие жители пытались “вычислить” Короля-Чуму и сжигали на кострах тех, кого заподозрили в продаже города Сатане. И ещё существовал обряд выманивания Абракадабры. Его завлекали в могилу, а могилу запирали крестом, на котором столбцом писали имя демона, убирая в каждой нижеследующей строке по одной букве, пока имя не исчезнет полностью. Эта могила демона, символическая могила, и есть кенотаф с надписью ABRAKADABRA».

KozaDereza: Чумная мазь крем Азazelло

Последним в ряду сообщений этого комьюнити стояла фотожаба Крохобора. Крoхoбoг — это приятель Глеба, Борька Крохин, сисадмин в «ДиКСи». Борька помогал Глебу решать все проблемы, что возникали с компьютерами и прочей умной техникой.

У жаббера Крoхoбoгa была та же фотка, которую Глеб сделал на Калитниковском кладбище, только теперь на фотке могила была открыта, а слово ABRAKADABRA на кресте было написано наоборот: от одиночной А к полному комплекту. То есть демон чумы, погребённый в пустой могиле, словно бы ожил, потому что его имя восстановили — дорастили буквами до изначального размера. И потом он сдвинул могильную плиту и вышел в мир.

5

Глеб считал, что в старости станет махровым ретроградом и ортодоксом. У него были причины для такого мнения. Как только он получил должность ме-

диаменеджера в «ДиКСи», то сразу организовал себе солидный изолированный кабинет в лучшем духе обкомов КПСС. Конечно, Глеб мог работать и в кафе с планшетом на коленях, и за жалюзи в личном аквариуме общей рабочей зоны open space. Но если исходить из интересов дела, которое необходимо сделать, а не из соображений продвинутости, которую следует демонстрировать, то нужен кабинет. Глеб так и объяснил это Гермесу. Гермес согласился.

Вот теперь в кабинете сломалась кофемашина. Глеб проверил загрузку, нажал все кнопки, пошлёпал ладонью и сверху, и по бокам, но аппарат тупил и не желал варить кофе. Тогда Глеб вызвал мастера, а сам пошёл за кофе на этаж к админам.

«ДиКСи» располагался в комплексе зданий какого-то бывшего секретного советского НИИ. По местной легенде, Гермес работал в этом НИИ научным сотрудником, в перестройку начал свой бизнес, то ли выкупил, то ли арендовал весь комплекс и вот недавно поместил здесь «ДиКСи». Официально Гурвич был у Гермеса наёмным работником.

Офисы «ДиКСи» были распаханы по главному корпусу как попало. Кабинет Глеба, к примеру, занимал угол верхнего, четвёртого этажа. Рабочие зоны располагались на третьем и втором этажах. Серверы и прочее оборудование, которому требовались охлаждение и покой, стояли в подвалах. А вообще, и в главном корпусе, и в других корпусах сидело много разных контор и фирмочек, угнездившихся здесь с диких девяностых. Иногда во двор комплекса осторожно въезжали длинные грязные фуры, которым надо было переждать где-то пару

дней, а иногда — холёные чёрные corteжи с мигалками. В общем, комплекс жил напряжённой полулегальной и запутанной жизнью — обычной для коммерчески-освоенных промзон Москвы.

Глеб прошёл по коридору, а потом спустился по лестнице. В окна светил белый, безликий день начала зимы. Комплекс находился в Отрадном, среди просторных кварталов типовых советских высоток. Сверху Глеб видел два ангара и другое офисное здание комплекса: их плоские крыши казались застелены бумажными листами. А снежный двор уже был исчеркан чёрными дугами автомобильных следов.

На два этажа рабочих зон open space имелась рекреационная зона с диванами и кухонькой: холодильник, мойка, шкаф с посудой, чайник, кулер, кофемашина. Похоже, кухонька должна была внушать какие-то корпоративные идеи вроде «наша фирма — наш дом, а мы — одна семья». На деле зона отдыха напоминала секцию IKEA, где покупатели решили не просто прицениться, а немного пожить в ассортименте.

На диване развалился Борька Крохин. Он говорил по телефону и отхлёбывал дымящийся кофе из большой кружки с надписью «DiCS».

— Дрова, бля, ставь только самые необходимые. Если на Винде, то один только INF-пакет для чипсета и драйвер видеокарты. Иначе, Конь, будет у тебя тормозня, конфликты и глюки.

— Бобс, ты сможешь поговорить или сейчас занят? — спросил Глеб, запуская кофемашину.

— Да как два пальца, — кивнул Борька. — Это я не тебе, Конь, ты своё слушай. От настроек по

умолчанию отклоняйся по минимуму. С такими настройками софт протестирован в пиздильон раз лучше, чем с другими, понял? Не трогай нахер инсталляций в режиме фулл, бери в режиме дефолт, особенно на микросифе офис.

Борьке было лет двадцать. А может, и восемнадцать, по нему не поймёшь. Борька работал в «ДиКСи» одним из сисадминов, занимался всеми проблемами локальной сети внутри конторы. Если случались сбои, Глеб обращался к Борьке, поэтому знал его немного лучше, чем других работников «ДиКСи», исключая, разумеется, Кабучу, любовницу.

— Спасибо за жабу. — Глеб имел в виду фотомонтаж в своём комьюнити с открытой могилой демона Абракадабры. — Смешная жаба.

— Кстати, сам Гермес идею подсказал.

— Гермес? — изумился Глеб.

— Ага. Я к нему ходил тулбары навешивать, а он как раз в твоей комьюге сидел. Говорит, прикольно было бы, если бы нечисть там из могилы вылезла. Могила же, блин. Ну, я и придумал, как отжабить.

Глеб задумчиво размешивал в кофе сахар. Надо же, сам Гермес заходит к нему в комьюнити... С чего бы это? Гермес слишком занятой и влиятельный человек, чтобы заниматься такой ерундой.

— Конь, твои проблемы — это индексеры, антивирусы, плагины к браузеру, всякая ненужная херь типа для апдейтов софта. Сноси их!

Интересно, думал Глеб, вот здесь всё, и не только «ДиКСи», так или иначе принадлежит Гермесу. На самом-то деле это же оф-фигеть какое бабло. Поче-

му же Гурвич оказался столь беден? Точнее, почему от него осталось так мало, что Орли даже на квартиру в Бирюлёво не хватит? Или то, что осталось, — это вовсе не мало?

— Слушай, Бобс, а что это такое — оформить права на авторские протоколы операционной системы?

— Положить фичу себе в карман, — быстро пояснил Борька.

— А по-русски?

— Фича — это такая специфическая черта, ноу-хау, ну, способность программы что-то делать, эксклюзив. В общем, суть всего.

— То есть оформить права — это быть владельцем патента?

— Угу. У кого фича, тому платят за право пользования. Он и бабки получает, и контролирует всё. Фича — это, бля, крутой шэривейр.

Глеб понял, что «авторские протоколы операционной системы» — это главное в «ДиКСи»: программы с методиками семантического поиска, DisCourSession, «мир как гуляш». Эти-то программы и завещал Орли, своей внебрачной дочери, программист Лев Гурвич.

— Глеб, а ты к Кабуче в комьюгу ходил? — спросил Борька. — Я там постяру забабахал, Кабуча ваще охерела.

Мариша Кабуча была целью Борькиной сексуальной экспансии. Глеб думал, что Борька ещё девственник, хотя и странно представить такое в Москве двадцать первого века. Но Глеб понимал, что революции происходят для всех, но не для каждого. Для Борьки, видимо, сексуальной революции не

случилось: слишком уж много времени он проводит перед компом. Была бы девушка — плюнул бы он на весь этот онлайн.

— «Секьюрити эксенциальс» — лучший, — в это время вещал Борька Коню. — Мышей ловит, экологичен, топлива жрёт мало, не буксует... И вообще, Конь, берёшь на халяву бета-версию — не затачивай под неё всякие кастомайзеры, нахер тебе это? Под видом вареца тебе такой маздай подсунут!..

Разухабистость речи программеров и айтишников Глеб понимал как механизм компенсации: зрелые парни день и ночь сидят перед телевизорами и нажимают на кнопки — в этом нет ничего стильного или эффектного. Что ж, тогда необходимая брутальность проявляется в разговоре. Если послушать айтишника, то услышишь репортаж из зоны боевых действий, где орудуют пираты и взломщики, где что-то палят, грохают, бьют и херачат всех подряд. Речь программеров была обусловлена не столько компьютерными технологиями, сколько избытком неизрасходованных тестостерона и адреналина.

— А что ты у Кабучи в комьюнити делаешь? — спросил Глеб.

— У Кабучи, конечно, делать нехер, Кабуча дура, — согласился Борька. — Только как мне её завалить? Валю через комьюшку.

— Думаешь, даст? — улыбнулся Глеб. — Она же для тебя старая. У неё, кстати, сыну пятнадцать лет.

— Я уже сказал, что я молодой, ей, наоборот, понравилось.

— Она узнает, что ты — это ты, и развернёт тебя. Сотрудник же.

— Смотря как зацеплю. Хорошо зацеплю — не развернёт.

Борька тёрся в блоге Кабучи, что-то там писал, шутил, — в общем, соблазнял. Глеб один раз почитал эти публичные игрища — ему стало неловко до поджимания пальцев в ботинках. А Кабуче с Борькой нравилось. Правда, Кабуча не знала, с кем заигрывает, Борька ходил к ней под ником Borez. В комьюнити Глеба Борька таскался под ником Крохобог, который был образован от «Бориса Крохина». Борька считал, что «крохобог» означает «крохотный борец».

Глеб сунул пустую чашку в мойку. Он думал о Борьке. Значит, с людьми Бобс общается не вживую, а в комьюнити, вон даже Кабучу там клеит. Самореализация для него — затачивать под бета-версию всякие кастомайзеры, то есть креатив. Получается «Поколение Пу», как тогда в ресторане сказала Орли. *Комьюнити, креатив, кредит.*

— Бобс, а на тебе висят какие-нибудь кредиты?

— Бля, на ком их нету? — удивился Крохин. — У меня фердипердоз в кредите. Ещё год платить, суки.

«Фердипердозом» Борька называл свою машину, старый «форд».

— Слушай, Конь, ты меня заебал, я тебе вот чё скажу! — зарычал Борька в телефон. — Ты ведь тупой, так что апгрейд-инсталляциями не пользуйся, бля, понял? Даже если нет другого выбора из-за лицензий, бери с диска чистую предыдущую версию без драйверов и софта и уже после этого прогоняй апгрейд. А свои личные данные и настройки переноси отдельно, вручную, а то угроишь всё нахер к ебням!

Борька захлопнул телефон и сунул его в карман.

— Бобс, а как думаешь, сколько могут стоить активы Гурвича?

— Какие активы?

— Ну, фича. Вот эти вот протоколы, которые положены в основу всего софта у «ДиКСи».

— Опять не понял.

— Программа DisCourSession. Программа семантического поиска.

— Слушай, Глеб, — усмехнулся Борька, — такой программы нет.

— Теперь я не понял, — опешил Глеб. — Это как?

— Ну, как тебе сказать... Если бы такая программа была, Гермес её давно бы спиздил и выбросил Гурвича.

— Оп-па!

Не то чтобы он был уверен в честности Гермеса — нет, капиталы составляются вовсе не честностью, — но... Но... В общем, просто «но».

— А как же тогда «ДиКСи» работает? — глупо спросил Глеб.

— Ну, на самом деле программа существует, — смилостивился Бобс и начал объяснять. — Существует, так сказать, в идеале. Гурвич сделал версии для каждого сервиса. Версии утопил в софте каждого сервиса. Растворил. Сам он лично смог бы достать, а кто другой — нихера.

— Мне, э-э... Лучше на пальцах. С примерами из мультиков.

— Представь, ты написал в компьютере гениальное стихотворение в сто строк. Потом в том же ком-

пьютере слабал сто других стихов, лаговых. В каждое из них вставил по строчке из гениального, чтобы по рифме более-менее подходили. А гениальный стих стёр. Так что твоё гениальное стихотворение находится в компьютере, но достать его сможешь только ты один. Во всяком случае, быстро. А я должен буду прочитать все сто стихотворений, сообразить, какая строка в каждом из них по смыслу не подходит, извлечь эти строки и составить в нужном порядке. Тогда я получу твоё гениальное стихотворение.

— И такие предосторожности — чтобы не украли?

— «ДиКСи» — контора на миллионы. А основа — протоколы Гурвича. Тут кто хочешь задумается, как бы их тиснуть. Хотя бы ради выкупа.

Глеб подумал, что Орли, похоже, осталась без наследства. Отец завещал ей свою разработку — протоколы DisCourSession, но их не извлечь из операционной системы. Жаль девочку.

— А без Гурвича и протоколов «ДиКСи» сдохнет?

— Да нихера. Только надо всё ПО бэкапить и обновлять, скажем, каждые три месяца. Дебажить не по-детски. Гонять через патчи. И ничего не дропнется. Но и качественного развития не будет.

— Странно, а ведь Гермес хотел телеканал открывать...

— Ну, хер его знает. Здесь, Глеб, точно не наше дело. Ты Кабучу петрушишь — ну и петрушь, а на чьём диване — тебе не похер ли?

«Поколение Пу» умело провести себе черту и не заступать за неё. На такие вещи глазомер у Борьки был куда точнее, чем у Глеба. Да, тема этих протоколов — не его компетенция. Так что встал и вышел.

— Ты лучше скажи, Глеб, тебе Кабуча про меня что-то говорила?

— Ничего, Бобс. Ни про тебя в реале, ни про тебя в комьюнити.

Глеб посмотрел на Борьку. Борька был высокий, тощий, носатый и вполне себе обаятельный, но Глеб по опыту знал, что Мариша ищет в мужчине отнюдь не обаяние. И не юношескую гиперсексуальность.

— Эх, бля, ничё она ещё не вкурила, — с досадой вздохнул Борька. — Слушай, а в ёбле она чё делает?

— А чё ты интересуется? — ухмыльнулся Глеб.

— А чё ей нравится?

Бобса не смущало, что Кабуча — любовница Глеба. К Глебу, который трахает Маришу, Борька относится как к пользователю, который уже использует ту программу, которую присмотрел себе он сам. Программа не будет хуже, если её покажут оба юзера. И они друг другу не враги.

— Ладно, не ревнуй, — хмыкнул Борька и подмигнул Глебу.

Крохина интересовали интимные подробности о Марише, но он уважил чувствительность Глеба и прекратил расспросы. Глеб понял, что юный Бобс великодушно снизошёл к его старческой слабости.

6

Розовый закат румянился где-то за Истрой и Звенигородом, точно ещё не решил, быть ему синим и व्यюжным или красным и морозным. В это время

дверь кабинета у Глеба без предупреждения распахнула Кабуча. Она привалилась плечом к косяку и скрестила руки на груди, всем видом гневно вопрошая: «Ну и что ты здесь делаешь?!» Конечно, это была игра. Эдакое эффектное появление строгой мамыши.

Глеб выключил лампу, встал из-за стола и пошёл к Кабуче. В правой руке на отлёте он держал сигарету.

— Ах ты, хамила! — свирепо сказала Кабуча и выдернула сигарету из пальцев Глеба. — Быстро сюда буську! — Она указала себе на скулу.

Глеб усмехнулся и поцеловал Кабучу в щёчку.

На «Радио ДиКСи» диджеи работали на разные аудитории: на интеллектуалов, на борцов за социальную справедливость, на модников и так далее. Мариша была для молодёжи. Псевдоним «Кабуча» звучал задорно, а настоящая фамилия у Мариши была никакая — Павлова, и Мариша весьма давно уже не была девчонкой: ей стукнуло тридцать пять, и у неё имелся сын Денис пятнадцати лет.

Кабуча прошла мимо Глеба, плюхнулась на подушки широкого и глубокого дивана и затянулась сигаретой. Глеб, улыбаясь, взял со своего стола брендовую красно-бело-чёрно-золотую пепельницу Marlboro и поставил её на подлокотник дивана рядом с Кабучей.

— Как дела? — спросил Глеб, присаживаясь рядом. — Как Денис?

— ХЗ, Глеба. — Мариша пожала плечами. — Денька у меня всю неделю болеет, ёпстудей. В школе там разосрался с каким-то задротом и психанул,

ушёл домой без куртки. А дом-то наш от школы ваще на тигулях, ты же знаешь. Денька весь простыл, пока пилил по такому зусману. Лежал три дня с температурой, ща вот сидит на таблетках.

Глеб до сих пор не смог понять, то ли Кабуча молодится, рассыпая горох сленга, то ли уже не отделяет свой эфирный образ от реального. Если она не различает оффлайн и онлайн, тогда она дура, думал Глеб. А если Кабуча вот так молодится, то это напрасно: она трещит слишком умело, со зрелым мастерством, и этим выдаёт настоящий возраст.

— Мы, кстати, решили с Денькой записаться на фигурное катание. В «Динамо» есть секция. Какой-то даже чемпион ведёт, что ли.

Глеб видел сына Кабучи. Красивый, самолюбивый и капризный мальчик, блондин, эдакий истинный ариец. Понятно, зачем ему нужно фигурное катание — некий микс из девочек, музыки, объятий, танцев, романтики, оригинальности и прочей «ванильки», как называла такие вещи Кабуча. А зачем коньки Кабуче? Зачем лисе копыта?

— Ты, Марья, лучше бы Дениса одного отпустила, — посоветовал Глеб. — Наверняка он ради какой-то девочки решил кататься.

— Я предлагала ему. Чё ты, говорю, Денька, ёптыть, я же девча окабяканая, а он говорит, что кучерявая, — засмеялась Кабуча.

Конечно, тридцать пять Кабуче никто не давал. Давали двадцать пять. Но всё равно не семнадцать. Кабуча разрывалась пополам. Ей хотелось быть сразу и девочкой, чтобы подцепить хорошего мужа, и мамой, чтобы руководить ненаглядным сыном.

Потому она относилась к Денису как к бойфренду, а себя подавала как «подружку Деньки».

За окном небо уже не розовело, а стало вишнёвым. В кабинете всё посинело, а в углах загустела темнота. Раньше сумерки так волновали Глеба, особенно если рядом была женщина, а сейчас всё стало куда проще. Нет проблем вызвать девчонку, что разделенется для тебя хоть в сумерки, хоть ясным днём. Искать не хочется — в этом и проблема.

Глеб присел на угол стола и включил лампу. Лампа в кабинете у него была авторская, от Альберто Смания из коллекции Biblo: матовый тубус на подставке из трёх кубов. Лампу он выбирал очень тщательно, а вот секретаршу, к примеру, вообще не выбирал — отказался от неё как таковой. Для минета есть Кабуча, а помощник не нужен.

— Как твои женихи? — спросил Глеб.

Мариша вела активный и агрессивный поиск женихов через соцсети и разные специальные сервисы.

— Не айс, — покачала головой Кабуча. — Тот Дима, про которого я тебе рассказывала, оказался бэбик аульский. Может, и хороший чел, но не могу я с такими, ёханы кабистос.

— А другие?

— Всякие мутные пассажиры. Им секс нужен, а не семья. Все хотят сначала в постель, а потом ведь и не объявят ничего, пошлют нах.

— Может, объявят, не пошлют.

— Глеба, ты же понимаешь, — грустно сказала Кабуча. — Ты и сам такой же: впердолил девче и на коня. Я смотрю там по анкетам, какие они себе статусы выбирают, — ипать-копать, бля!

— Сочувствую, — сказал Глеб. — А ты пробовала не верить статусам?

— Если и в статусах врёт, сразу полный несрастон.

— Логично. Кстати, ты в курсе, что ты разбила сердце нашему сисадмину Борьке Крохину? Он тут весь офис обвздыхал.

— Это такой длинный скелетоид с рубильником? — Кабуча показала вместо носа увесистую грушу.

— Он. Точнее, оно.

— Когда ты меня достанешь, я с ним ата-та начну делать. А когда он дорастёт до гения и займёт в «ДиКСи» место Гурвича, замуж за него выйду, понял? — Кабуча снова закурила. — Ты лучше чё-нито о себе расскажи. Как там похороны прошли?

— Да почти никак. Тихонько на Калитниках закопали, и всё.

— Мне говорили, ты там с дочкой познакомился? — Глеб уловил в вопросе Кабучи ревность. — Она же красопеточка такая.

— Познакомился, — подтвердил он. — Красопетка. А что толку? Её, похоже, даже папочка кинул. Назавешал ей всего с три короба, но фиг чего она получит.

— В смысле, её кто-то обул или папочка намутил?

— Папочка напутал.

— Понятно, ещё бы, — хмыкнула Кабуча. — Гурвич же был наркот. У него все мозги вывихнулись.

— То есть?! — ошалел Глеб. — Это как?!

— А ты чего, не знал?

Кабуча сидела на кожаном диване нога на ногу и курила с видом ветерана, презирающего зелёных новобранцев.

— Вообще ни сном ни духом...

— Последние пару лет он ходил уколбашенный по полной. Потому полгода назад Гермес и откопал Гурвичу дочку, чтобы следила за папусиком. Постороннего к наркому приставлять — большой риск. Уйдёт инфа, что основатель компании обдолбыш, так партнёры могут отвернуться. Инвесторы, бля, всякие. Чего тут не понятно?

— Слушай, я видал его, ну... Месяца за три до смерти... — Глеб вспоминал. — Мельком... Он был больной, но нормальный.

— Это тебе показалось. Он был кислотой выжженный.

Мариша ввинтила окурочек в пепельницу.

— Выключи свет, — попросила она.

Глеб щёлкнул кнопкой. Наступила темнота.

— Это я ему наркоту доставала, — в темноте негромко сказала Кабуча. — Не всегда я, но чаще всего. Поначалу по карпалю носила, чуть-чуть, когда Гурвич сам просил. А потом попёр карабах, Гурвич на мощный дозняк уехал. Гермес меня вызвал поговорить и сказал, что возил его по разным закрытым частным клиникам, и там сказали: всё, без шансов. Единственное, что можно сделать, — облегчить конец.

Глебу в его жизни всё казалось надёжным и респектабельным, но под скорлупой благополучия укрывались демоны разрушения — точно страшный Абракадабра, развоплощённый и запертый в могиле, но способный собраться обратно и восстать.

— Чтобы Гурвича не ломало, ему нужны были кислота и уход, — продолжала Кабуча. — Гермес руководил: лавэ давал. Доча ухаживала, а я гонзу добывала. У меня со старых времён есть знакомые дилеры, которые не подсунут шмурдяк и не сдадут.

— А зачем ты это делала, Марья?

— Глеба, глупый вопрос. А ты бы отказал Гермесу?

Теперь закурил уже Глеб. Да, он не отказал бы Гермесу.

— Тебе Гермес платил?

— Не кэшем. Школьные взносы на Деньку закрыл, какие возможно.

— Марья, а если Гурвич от передоза умер? — тихо спросил Глеб.

— Да не пофиг ли, Глеба? — подчёркнуто-внятно спросила Кабуча. — Кругом же блудняк. Но лучше уж такой кобздец, чем никакая лабзда. Надеюсь, я понятно выразилась.

— Во всяком случае, я понял, — кивнул Глеб. — Ну, и согласен.

— Официально объявили — сердечный приступ. Никто не возражал. Дочка-то его, Орли, с которой ты трепался, — она возражала?

— Нет. Она смертью Гурвича особенно не напрягается.

— Ну и ты не напрягайся.

Глеб молчал, раздумывая.

— Как спокойно ты ко всему этому относишься, Мариша... Ну, был наркоманом основатель твоей компании... А другой основатель не смог его вылечить и обставил смерть товарища разными удоб-

ствами. В сиделки привёз дочку, чтобы избежать инсайда. В наркокурьеры определил верную сотрудницу. Похоронили красиво. Но что-то есть в этом бесчеловечное, не находишь?

— Иди сюда, — негромко велела Кабуча и пошла лапала ладонью по дивану рядом с собой.

Глеб сунул сигарету в пепельницу и пересел к Кабуче, утонув в кожаных подушках дивана. Мариша сразу привалилась к Глебу, целуя куда-то в ухо, и полезла рукой к пряжке ремня.

— Чё ты, чё ты, — зашептала она. — Фига ли загрузился... Наркота — это часть культуры айтишников. Они так сознание расширяют. Это их геморы. Глеба! Зая! За-я!

— Что? — отозвался Глеб.

— Стив Джобс назвал свой опыт кайфа одной из важнейших вещей своей жизни!

— Стив Джобс мирно умер от рака.

— В своём Пиндостане, а не в нашем гондурасе.

Н-да, подумал Глеб. В России Джобс не создал бы никакого Apple, а до сих пор бы ещё оформлял договор аренды на гараж для сборки компьютеров. А Гурвич и Гермес ухитрились сделать «ДиКСи».

— Зая, встань к столу, — тихо попросила Мариша. — Я миньку хочу...

Глеб выбрался из объятий дивана, придерживая расстёгнутые брюки, и присел на кромку столешницы. Кабуча тоже сползла с дивана и опустилась перед Глебом на колени.

Глеб не соблазнял Кабучу. В первый раз у них всё получилось как-то само собой: под закат корпоратива они ушли сюда же, в кабинет, и пьяная Мари-

ша вдруг зашептала всякую пошлятину — типа: «Доктор, померь мне температуру своим градусником!». По трезвости Глеб не вынес бы той лажи, которую Мариша считала любовным воркованием, но спьяну прокатило — и неожиданно зацепилось. Мариша искренне полагала, что нужно давать начальству, а Глеб хоть и смущался слегка, но был уверен, что подчинённые должны у него сосать.

Глеб поглаживал Маришу по голове и думал, что бесчеловечность смерти Льва Гурвича не в жестокости или несправедливости, а в некой компьютерности, в точности композиции и в отсутствии женских слёз. Никто Гурвича не оплакивал, ни Орли, ни Мариша. Наверное, если бы смерть Гурвича можно было проверить тестом Тьюринга, тест показал бы, что эта смерть — смерть-робот. Не конец человеческой жизни, а просто определённый этап в действии программы.

Тест Тьюринга — способ отличить человека от робота. Испытание проводится так. Тестирующий имеет двух собеседников, которых он не видит. Один из собеседников — человек, другой — робот. Тестирующий задаёт одинаковые вопросы и по разнице в ответах устанавливает, где робот. Хотя на самом деле тест Тьюринга выявляет у машины вовсе не разум, а лишь способность имитировать человека.

Что же машине не удаётся имитировать? Придерживая голову Мариши, Глеб подумал: компьютер не может понять — следовательно, имитировать — категорию женского. Он учтёт феномен деторождения, разделение людей на два пола, гендерные

принципы поведения — и всё равно проколется, потому что машина не Мариша, она не сможет захотеть отсосать. Женщина — это то, что отличает мужчину от робота.

Глеб помнил, что Тьюринг разработал свой тест на основе старой игры, в которой ведущий угадывал, где мужчина, где женщина. Своего воображаемого робота Тьюринг усадил на место женщины. У него, у Алана Тьюринга, вообще были проблемы с этим вопросом...

Глеб понимал, что Мариша в данный момент очень старается, но решил, что сможет сделать сразу оба дела... Он тихонько взял со стола планшетник и в «ДиКСи-поиске» набрал «Алан Тьюринг».

Тьюринг прожил только сорок два года, но его идеи легли в основу всего софта современной цивилизации. Он был героем Второй мировой, потому что взломал неуязвимый код супермашины «Энигма», которая шифровала переговоры авиации и флота нацистов. А ещё Тьюринг был геем, его судили и в наказание обрекли на гормональные инъекции, которые должны были вернуть его к гетеросексуальности. Но на деле инъекции кастрировали Тьюринга, и у него выросла женская грудь. В 1952 году измученный Тьюринг пропитал цианистым калием яблоко и откусил кусочек.

В общем, богохульник Алан Тьюринг поставил робота на место женщины, сам превратился в женщину и, как Ева — первая женщина, — обрёл смерть от яблока. А плод с древа познания Еве подсунул дьявол, который потом надоумил Тьюринга создать компьютер — эту чуму человечества. Тот же самый

дьявол, издеваясь, подсказал Стиву Джобсу и лейбл для Apple, главной фабрики компьютеров: яблоко, надкушенное доверчивой Евой и нечестивым Тьюрингом...

Кабуча давно уже смотрела на Глеба снизу вверх.

— Эй, мужик, тебе не кажется, что ты оборзел? — зло спросила она.

7

Глеб закрыл дверь за Маришей, задумчиво прошёлся по кабинету, остановился у тёмного окна, глядя на цепочку оранжевых огней вдоль Алтуфьевского шоссе, и закурил. Он всем был доволен. Ему тридцать восемь, у него престижная работа, перспектива. Его ничто не обременяет. Кабуча вот мечется, пытаясь вернуть молодость, а он доволен. Ни к чему былой гон за бабами, за драйвом, за успехом. Кто гонится, тот не догоняет.

Глеб сунул окурок в пепельницу, сел в кресло у стола, включил лампу и положил на колени планшетник. Он пообещал Марише, что подбросит её домой, и поэтому сейчас у него образовалось два свободных часа, пока Мариша доделывает свои дела. Глеб полистал новости, посмотрел обновления на интересных сайтах и отправил в Твиттер новое сообщение: «Уговаривал Захара Прилепина завести блог в “ДиКСи-нете”. Захар не хочет. Назвал “ДиКСи” лакшери». На самом деле Прилепин отказался вести блог в «ДиКСи-нете», потому что ему некогда, но Глеб понимал, что пользователям ДиК-

Си приятнее быть luxигу. Потом Глеб перешёл к себе в комьюнити.

Тут тоже не появилось ничего особенного, только умник Кирогос поместил очередную ссылку: «Здесь всё, что написано о чуме по-русски». Глеб понял, что ему этот Кирогос неприятен. Человеку нечего сказать от себя, и он долбит собеседников ссылками. Но поскольку мониторинг доступен любому, у кого есть на это время, мониторингом шибко-то не самовыразишься, и Кирогос убивает разговор, вываливая сразу весь контент. Глеб пошёл по ссылке.

Это был грандиозный труд «Очерки истории чумы». Научный подвиг, наверное, дело жизни. Авторами были учёные-биологи Михаил и Надежда Супотницкие. Они описали чуму от времён филистимлян до конца двадцатого века. У этих Супотницких явно был литературный талант. Очерки назывались гулко и зловеще: «Чума в Лондоне — погибель благополучных», «Чума от дьявола», «Великий чумной излом», «Дремлющая чума»... Н-да, Глеб заказал бы такую книгу в OZONe...

Открывались не все очерки. Глеб начал рассматривать картинки в тех новеллах, что были доступны. И скоро он понял, что чума — это смертная казнь длиною в три дня. В старину от малярии и оспы умирал каждый пятый заразившийся, от холеры и тифа — каждый второй, от чумы — каждый. Чума была самой страшной болезнью для человека, а самой страшной болезнью для человечества на все времена стала чумная пандемия Чёрная Смерть.

Глеб вернулся к оглавлению и нашёл Чёрную Смерть. Этот сюжет авторы не стали скрывать. Время есть. Итак, жуткая Чёрная Смерть...

Она родилась примерно в 1320 году. В пустыне Гоби жестокая засуха выгнала из нор миллионы сурков-тарбаганов и крыс-пищух. В поисках пищи полчища грызунов двигались через кочевья монголов. Среди крыс и сурков началась эпизоотия. Для людей она превратилась в чуму. Из мёртвых просторов Гоби отошавшие лошади кочевников привезли в города зачумлённые монгольские кибитки с раздутыми трупами, на которых кишели чумные блохи.

Монголы тогда были владыками Евразии. Они правили от Адамова моста, что вёл с земли прямо в рай, до Боспора Киммерийского. Под халатами монголов чума проехала в ворота Великой Китайской стены. В жарких и влажных субтропиках чума обосновалась надолго, и через пятнадцать лет в Индии и Китае вымерла половина населения. Даже у самих монголов хан Ток-Темур и его сыновья вдруг покрылись бубонами и откочевали прямо к Тенгри, богу высокого синего неба.

Поведение чумы казалось осмысленным, словно сю и вправду управлял демон Абракадабра или сам сатана. Отожравшись в зарослях баньянов и бамбука, чума набрала сил для похода через горы, степи и пустыни — в Европу. Чуму понесли тумены, конные полки чингизидов.

В конце девятнадцатого века русский археолог Хвольсон нашёл страшный след того броска Чёрной Смерти на другой край континента. На берегу озера Иссык-Куль Хвольсон раскопал кладбище христи-

ан-несториан, беглых еретиков, которые прятали в облачных горах Тянь-Шаня мощи евангелиста Матфея. Судя по датам на могильных камнях, несториане погибли в 1339 году. Ими чума пообедала на пути к цели — к Европе.

В 1346 году Чёрная Смерть пришла на Ахтубу, двойник Волги, в цветущий город Сарай-аль-Джедид, столицу Золотой Орды. Умолкли муэдзины на минаретах, гной потёк по арыкам, и только шайтан мог дышать в смраде мёртвых бань и караван-сараяв. Татары и монголы лежали по дворцам и дуванам огромными горами, беки попеременно с рабами, и русские летописцы записали: «не бысть кому погребати их».

Потом ордынский хан Джанибек привёз чуму в Крым. Хан осадил генуэзскую колонию Каффа, нынешнюю Феодосию. Генуэзцы стойко защищались. С моря флот обеспечивал их припасами. Победа хану Джанибеку не светила. Но крысы, пожирающие убитых, не видели разницы между осаждающими и осаждёнными. Они шныряли туда-сюда из лагеря татар в цитадель генуэзцев и переносили заразу. Войска хана ослабли от чумы настолько, что Джанибек снял осаду и ушёл от Каффы ни с чем. А генуэзцы тоже не захотели оставаться в зачумлённой крепости, сели на свои галеры и устремились в Геную.

По Чёрному морю плыл флот Чёрной Смерти. Он протиснулся в щель Босфора и выпустил чуму на Константинополь, который тогда был вотчиной итальянских торговых республик. Паруса генуэзцев ещё не потерялись в сиянии Мраморного моря,

а в огромном городе уже забили чумные колокола и задымили чумные костры. Чёрная Смерть унесёт три четверти жителей Константинополя и даже византийского принца Андроника.

Чумной флот, начиная умирать, скользнул сквозь Дарданеллы и рассыпался в архипелагах Эгейского моря. Чума выкосит Александрию Египетскую и волшебные Афины, раскатится по Балканам. Генуэзцы, изжариваясь и сгнивая заживо, мазнули смертью по Кипру. Здесь с мором совпал удар цунами, и обезумевшие от бедствий киприоты-христиане во всём обвинили мусульман. Христиане достали ножи и перерезали служителей дьявола, а потом победители легли и умерли.

Ничего не соображая от чумы, генуэзские галеры лезли в гавани Сицилии, как больные собаки в дом: тыкались в Таормину, Катанию, Сиракузы. Дурная слава уже опередила беглецов из Каффы — их гнали отовсюду. Они отползли, а чума осталась. Остров охватила паника. Герцог Джованни укрылся от эпидемии в замке Святого Андрея — и вскоре умер. Тогда на Сицилии началась гражданская война.

Генуэзцы всё-таки добрались до родины — до Генуи. Но отцы и дети моряков встретили зачумлённые галеры ливнем горящих стрел и камнями, летящими из катапульта, что были установлены на причалах. Горожане отгоняли чумной флот обратно в море. Генуя отсрочила чуму на два месяца, но потом зачумлённые моряки всё же найдут, где им сойти с галер, и проберутся в город по просёлочным дорогам.

Преданный и проклятый чумной флот не мог плавать вечно, а люди надеялись на чудо и не хотели издохнуть на плаву. Зачумлённые корабли крались вдоль побережий, ища пристанища, и разносили чуму по цветущему Средиземноморью. От больших и малых гаваней, из гостеприимных бухт Чёрная Смерть двинулась вглубь континента.

Это была небывалая чума, которая брала неприступные крепости и многолюдные города, которая пробиралась и в самые суровые обитатели, и в прекрасные дворцы. Чума катила по дорогам Европы сбитые королевские короны. В Арагоне умерла королева Элеонора, в Париже — королева Жанна Бургундская, в Наварре — королева Иоанна II. Испанский король Альфонс XI осаждал цитадель Гибралтара — и за один день сгнил в своём походном шатре. В Бордо из ликующей толпы чума бросила букет британской принцессе Джоанне, которая ехала на свадьбу с принцем Педро Кастильским, и юная принцесса обвенчалась с могилой, надев саван вместо фаты.

Европа истолковала чуму как божий гнев. Священники говорили, что небеса разозлились на последнюю моду — на башмаки с длинными и загнутыми носками. Чуму сочли всадником Апокалипсиса, у которого «конь блед» и которому имя — Смерть. Шведский король Магнус II, босой, сам возглавлял покаянный крестный ход.

С мольбами защитить от чумы в Рим со всех концов Европы кинулось два миллиона паломников. Они приносили деньги, а уносили заразу. В живых из этих паломников остался только каждый деся-

тый, и папа Климент VI особой буллой обязал ангелов отправлять в рай всех, кто умер на римской дороге. Сам папа в это время сидел в новом дворце в Авиньоне между двумя жаровнями, где тлели благовония, и сжимал в кулаке волшебный изумруд, отгоняющий чуму. Персону папы охранял лучший французский врач Ги де Шолиак, который сказал честно: медицина бессильна, всё в руках божьих, аминь.

В Авиньоне не хватало места для погребения умерших, и папа освятил реку Рону: трупы сваливали с телег прямо туда. Господь не хотел помогать своим детям. Умер даже епископ Катании, который для спасения Мессины вёз воду, освящённую на раке святой Агаты. Кое-где спасителем от чумы сочли святого Себастьяна, потому что в одном городе чума улеглась, когда в храме устроили придел Себастьяна, но мученик помогал плохо. Никто тогда ещё не знал, что уже появился настоящий чумоборец — святой Рох из Монпелье.

В годы Чёрной Смерти Франция вела войну с Англией. У города Кале после битвы английским рыцарям достались большие трофеи. В то время в Англии особенно ценились пышные платья французских дам. Рыцари повезли добычу домой. Так в женских кружевах из Кале в Бристоль приехала чумная блоха. И чума сразила всё королевство.

Почему-то в Англии от чумы погибали не только люди, но и скот. Знать и король Эдуард III бежали из зачумлённого Лондона, а народ запирали в храмах епископов и священников, чтобы те не удрали, подобно пэрам, а разделили судьбу прихожан. Узнав

о беде англичан, их враги шотландцы тотчас снарядили свою армию в поход. Но в битве в Селкиркском лесу англичане всё равно разбили шотландцев, и те убрались восвояси — уже с чумой на плечах. Чёрная Смерть убила треть жителей Шотландии: уцелели те, кто отсиделся в горах.

Мёртвый чумной корабль с грузом английской шерсти попался в Северном море рыбакам из Бергена. Норвежцы не удержались от поживы и ограбили мертвецов. Так чума приехала в Скандинавию. Здесь она выкосила четверть населения, в том числе и последних викингов, что жили в глухих деревушках на гренландских фьордах.

Варяжские купцы принесли чуму на северную Русь — туда, куда её ещё не принесли татары. Первым заболел Псков и призвал епископа новгородского Василия. Епископ приехал, помолился — и увёз домой чуму. Умерли и те, кто звал священника, и сам епископ, и его свита. Чума побежала по Новгороду, Киеву, Суздалью и Смоленску, забрала Великого князя Симеона Гордого и весь его княжий двор.

Чёрная Смерть начала стихать в 1351 году. По разным оценкам, она убила от двадцати до тридцати пяти миллионов человек. Погибла половина жителей Европы — такого процента жертв не будет даже во время мировых войн. Всего же по миру та эпидемия унесла семьдесят восемь миллионов жизней. Волны чумы, слабея, хлестали ещё до конца четырнадцатого века, но их уже нельзя было и сравнивать с Чёрной Смертью.

Как известно, всё, что не убивает, делает нас сильнее. И Европа только окрепла от Чёрной Смер-

ти. Эта чума сожрала Средневековье. Беспомощность церкви перед лицом жуткой пандемии породила те сомнения, которые потом превратятся в Реформацию. Медицина получила мощный толчок к развитию. Рабочих рук не хватало, потому хозяева занялись механизацией труда, а работники — борьбой за свои права. Обескровленные ремесленные цеха открывали свои двери для чужаков. Трудоёмкое земледелие потеснилось, уступая скотоводству. Земли теперь хватало всем, а капиталы обретали новых хозяев взамен умерших. Устраняя раздражители классового гнева, власти принимали законы о роскоши: сколько можно иметь лошадей в упряжке и блюд на обеде, какой длины должен быть шлейф у дамы и какой величины свора у сеньора. За чумой началось Возрождение.

Интересно, что через шесть веков учёные вдруг усомнились в том, что Чёрная Смерть была чумой. Может, Чёрной Смертью называли тиф, малярию или вообще неизвестное заболевание, которого нынче уже нет? Имелись веские аргументы. Никакая эпидемия не уносила половину человечества — ну, десятую часть, не более. И никакая болезнь не летела по миру с такой скоростью, как Чёрная Смерть.

Да, для определённых форм чумы было характерно почернение мертвецов — это под кожей разливалась кровь из лопнувших сосудов. Но при Чёрной Смерти не было массовой гибели заражённых крыс, как обычно при чуме. Бубоны — воспаления лимфоузлов — почему-то появлялись у людей вовсе не там, где кусают блохи. Эпидемия не унималась

зимой, когда насекомые прячутся. Больные не задыхались, не харкали кровью и до смерти не умерли.

Ещё Чёрная Смерть характеризовалась истеричным поведением заражённых. Очевидцы описывали чумные города, где в окнах домов орали и кривлялись потерявшие разум люди. При обычной чуме такого не бывает. С того времени появилось выражение «чумовой», или «очумелый», — то есть тот, кто кричит, суетится, размахивает руками.

Разгадывая эти загадки, французский эпидемиолог Дидье Рауль в 1997 году вскрыл во Франции два чумных рва 1350 года и из останков выделил ДНК вируса. Всё-таки Чёрная Смерть оказалась чумой.

8

Кабуча жила в Митино, в панельных высотках спальных районов. Глеб свернул с Пятницкого шоссе на проезд вглубь квартала, и Кабуча указала, где остановиться.

— Подождёшь, пока я на флэт залечу? — Кабуча рылась в сумочке, отыскивая ключи. — Дудонят, что появился новый митинский маньяк.

— Подожду.

— Вот эта бздэма ёбская... — Кабуча с трудом вытащила длинную гроздь ключей и брелоков. — Бля-а... Я тебе на трубку смайлик сброшу.

— О'кей.

Кабуча наклонилась через подлокотник и чмокнула Глеба в скулу.

— Хороший ты ышник, Глеба, — шепнула она и, не слушая ответа, сразу выскочила из машины.

Глеб сидел, ждал, смотрел по сторонам. В холодной и плотной тьме ноября россыпи горящих окон выявляли объёмы домов-башен. В лобовом стекле машины Глеба эти объёмы постепенно расплывались цветными пятнами, но вдруг оживала тонкая лапка дворника, протирала стекло и возвращала высоткам чёткость очертаний.

Сейчас Кабуча поднимается в лифте и боится, что на тёмной площадке у дверей на неё нападёт маньяк. Что ж, в огромной Москве случается всё, что может случиться, и происходит всё, что должно. Сколько детишек сейчас заплакали в постелях от того, что в темноте им внезапно открылся ужас собственной бренности? Сколько девушек закричало в этом мраке от боли, теряя девственность? Сколько стариков, лежащих на кроватях, потянулись к настольным лампам, ощутив, что ноги отяжелели и похолодели, — значит, наступает смерть.

Айфон мелодично булькнул — это прилетела SMS Кабучи. Жёлтый смайлик: рожица тёрла глаза кулачком и махала рукой, прощаясь.

Глеб тронул машину и порулил к выезду.

Похоже, на него чересчур сильное впечатление произвела статья о Чёрной Смерти... Чернота и тьма всегда означали гнетущую тяжесть вечных вопросов, обречённость на печаль, неизбывные горести жизни. Глеб о них знал и помнил, но не хотел думать про всё про это. Придёт время — и нахлобучит каждого, значит, незачем сейчас горевать по тому поводу, по которому неизбежно придётся горевать позже.

Свет — единственное спасение от этой тьмы с её бестактными и навязчивыми напоминаниями. Как-то, кажется, в «Афише» Глеб видел картинку ночного освещения планеты Земля. Оказалось, не густо. В России — две лужицы на месте Москвы и Питера, несколько звёздочек областных городов, каёмка черноморского берега и поясок Транссиба. Всё. А вокруг — огромные пространства без огней, как без людей.

Эти освещённые зоны — единственно пригодные для жизни. Здесь тебя не будут обливаться мрачными истинами, которые и так давным-давно известны. Здесь тебе не испортят настроение. Здесь общество потребления. Из этих зон изгоняется реальный мир. От него и так всюду невпротык, нужно же хоть где-то перевести дыхание. В любом большом городе России Глеб мог бы найти такую вот зону света, зону свободы от реальности, но везде он ощущал бы эту зону как остров. А какая же свобода, если ты на острове?

Ощущения острова не было только в Москве. Москва жлобская и скотская, она остоебенила своими проблемами, но она — не остров. Потому Глеб и прорвался сюда. По образованию он был филолог, учился хорошо, на память никогда не жаловался и формулировал предельно точно: он был немолодым хипстером в Москве, ибо не хотел жить с зубной болью, которая называется экзистенция.

Он выехал на Волоколамское шоссе и поднырнул под бетонную реку МКАДа, по которой катились волны огней. После размашистых виражей развязки слева показалась церковка: зубуренный поверху

краснокирпичный объём и фигурная колокольня с куполом. Храм был подсвечен, и чудилось, что он стоит в каком-то гроте, в пещерке.

Глеб подумал, что в своём стремлении прорваться в Москву он не случайно отыскал работу именно в «ДиКСи». Он хотел находиться в обществе потребления. В освещённые зоны общества потребления не пускают реальный мир, как бомжей на улицу Кузнецкий Мост. А «ДиКСи» не допускает к пользователям нежелательную информацию. Напрасно на том эфире у Глеба Гурвич орал, что «ДиКСи» — информационный коммунизм: *«каждому, бя, по потребностям»*. Да, конечно. Но «ДиКСи» — в первую очередь девайс консюмеризма, а не коммунизма. Этот портал — орудие информационного потребления мира. И судьба мудро приставила Глеба туда, куда он стремился. Ему, филологу, не в банке же работать. Не в Газпроме. И не в бутике Christian Louboutin.

Волоколамское шоссе влилось в Ленинградку. Напротив двойного павильона метро «Сокол», который круглыми плечиками раздвинул громады жилых девятиэтажек, Глебу пришлось затормозить. Вся Ленинградка впереди тлела алыми углями вставшего потока. И вдруг Глебу показалось, что на заднем сиденье у него кто-то сидит.

«Лексус» Глеба был зажат с обеих сторон другими автомобилями, никто не мог в него проникнуть. Но и выбраться Глеб тоже не сумел бы, и это почему-то пришло в голову в первую очередь. Если бы кто-то залез в машину, Глеб, пристёгнутый ремнём, оказался бы в полной власти у незваного гостя. Глеб

глянул в зеркало: сзади никого не было. На полке за спинкой дивана валялся номер «GQ» с Томом Фордом и голыми девичьими попками на обложке, вот и всё.

Глеб начал напряжённо всматриваться в корму стоящего впереди «вольво-седана». Он старался разобрать номер, заляпанный грязью, словно этот номер нужно было знать для поиска свидетеля, но на самом деле Глеб прислушивался. Мягко фырчал мотор, гудел кондишн, снаружи доносились невнятные звуки толпы у метро, далёкие гудки.

Сзади кто-то дышал. Очень тихо. Нет, это не дыхание... Это стук сердца. В машине, запертой в пробке, в пустом салоне стучит чьё-то сердце. Или Глеб слышит своё сердцебиение?.. Глеб положил ладонь себе на грудь, будто хотел заглушить пульс. В голове вертелись какие-то нелепые слова из песни времён его юношеской любви к советскому говнороку: «Затрубит во мраке сердце, я бегу к тебе, бегу и бегу...»

Почему сердце «затрубит»? Что за дурацкое слово, дурацкое, страшное, страшное... Почему сердце во мраке? А что, раньше оно не стучало? А теперь вдруг затрубило — мёртвое?.. Это песня «Сержант Бертран». Какой-то французский некрофил, он трахал покойников, а потом их полуразложившиеся тела резал на куски. «С каждой ночью лучше пахнешь, лучше таешь, это просто шарман...» Глеб отстегнул ремень и навалился животом на подлокотник, разглядывая через просвет между передними креслами задний диван. Конечно, никого!

Снаружи заквакали сигналы: поток тронулся, Глеба подгоняли.

Глеб поехал, и сразу его окатило облегчением, хотя в зеркало Глеб увидел, как у номера «GQ» на задней полке вдруг перевернуло обложку, а потом начало медленно листать страницы, будто какой-то невидимка просматривал журнал от скуки. Но это уже не было страшно. Наверное, журнал ворошило ветерком от кондишна.

Слева проплыли ярко освещённые изнутри арки вестибюля метро «Аэропорт», а потом, за неоновой панелью гостиницы, движение опять замедлилось, и наконец Глеб вместе со всем проспектом остановился, имея перед собой роскошный и открыточный вид на Путевой дворец. Башни, стены флигелей и стрельчатые окна дворца были высвечены прожекторами, а плоский купол повис в темноте как парашют.

Невидимка, что ехал на заднем диване, утихомирился, и Глеб закурил, пережидая затор. Красно-бело-золотые готические кружева дворца как-то примиряли с потерей времени. Пёстрая и карамельная эффектность Москвы была карнавальной, сказочной, невинной.

Рядом с машиной Глеба, почти вплотную, в крайнем левом ряду стояла и тарахтела чудовищная «девятка» с тонированными стёклами. Глеб смотрел, как у неё дрожит крышка капота и по крышке ползёт грязная снежная россыпь. Вдруг чёрная блестящая пластина окна «девятки» толчками поехала вниз, и Глеб увидел в салоне колымаги на правом переднем месте старуху в меховом картузе.

Старуха наклонилась, с трудом высунула левую руку из своего окошка и постучала пальцем в стекло

дверки возле Глеба. Белый, треснувший пополам ноготь старухи цокал, словно пластмассовый.

Глеб нехотя нажал на клавишу и приспустил своё стекло.

— Что вы хотите? — спросил он в щель.

Старуха, виновато улыбаясь, что-то ответила. Глеб не услышал и опустил стекло до конца.

— Что вы хотите? — повторил он.

— Сынок, — ласково сказала старуха, — пока стоим, сынок, дашь сто пиисят, если отсосу?

Глеб не поверил своим ушам, не поверил глазам.

— Тебе ж всё одно, кто тебе сосёт, а баушке будет к пенсии...

«Сумасшедшая, что ли?» — хлестнула Глеба догадка.

От омерзения Глеба передёрнуло, и он промахнулся пальцем мимо клавиши стеклоподъёмника. А старуха вдруг вцепилась в дверку машины Глеба и перекрыла ладонью стекло, не давая ему подняться. Глеб с силой надавил на клавишу. Он знал, что рукой не удержать движение стекла вверх, — но старуха как-то удержала!

Она тихонько засмеялась, и Глеб увидел её зубы: не резцы, а сплошь собачьи клыки, только вот какие-то сгнившие, бурые. Глеб заскулил от ужаса и принялся один за другим отдирать костяные пальцы старухи от своей дверки. Старуха задрожала и отдёгнула руку.

Стекло поехало кверху и отделило Глеба от улицы. Старуха насмешливо кивнула Глебу и отодвинулась вглубь «девятки», в тень.

Глеб не знал, что такое творится вокруг. Сердце торкалось где-то в животе. Вся эта херня стряслась на фоне дивного Путевого дворца — словно красавица разделась, чтобы лечь с тобой в постель, но ты увидел, что всё её тело покрыто вздутыми чумными бубонами...

Сзади опять заквакали и загудели автомобили — это пробка поехала, а Глеб стоял. Слабо соображая, он убрал ногу с педали тормоза и покатился вперёд. За дворцом и парком проплыл павильон входа на станцию метро «Динамо» и выгнутый массив стадиона, затем Глеб автоматически повернул на съезд к Беговой улице.

Он двигался в общем потоке и вдруг увидел кровь у себя на сгибе указательного пальца правой руки. Это он поцарапался о мёртвые ногти старухи, когда отдирает её клешню от дверки. Глеба затрясло. Вдруг он подхватит какую-нибудь чуму?.. Не убирая правую руку с руля, Глеб принялся мять порезанный палец, выдавливая кровь. Порез набух, но кровь не текла. Отсосать, что ли, кровь, как змеинный яд?.. *Дашь сто пиисят, если отсосу?..* Глеб едва не блеванул.

По мосту он пересёк железную дорогу, дальше свернул направо и поехал вдоль ограды Ваганьковского кладбища, над которой меж фонарей громоздились обледеневшие кроны деревьев. Вдали в чёрном небе призрачно сияли башни Москва-сити, словно привидения hi-tech. Глеб вспомнил, что Ваганьковское кладбище — чумное. Господи, кто только не был здесь похоронен, половина русской культуры, а Глеб вспомнил лишь то, что в его комьюнити написал юзер Kuporos!

Тут Глеб почувствовал вонь. Отвратительный смрад разложения, сладковатый, липкий и жгучий. Сначала смрад скользнул в одоранте кондишна тонкой ниточкой, коснулся сознания один раз, коснулся другой раз, и вскоре Глеб понял, что эта вонь присутствует постоянно. А потом она стала усиливаться, делалась гуще, жирнее, сочнее.

Глеб понял, что дышит ртом, лишь бы не ощущать трупный запах. *«С каждой ночью лучше пахнешь, лучше таешь, это просто шарман...»* При вони дышать ртом — это как жевать сладкую тухлятину... У Глеба булькнуло в горле. Глеб сглатывал, кадык перезаряжал дыхание, словно затвор в винтовке. Да что же это такое? Откуда эта вонь? С чумного погоста? Какой чумной погост, ты охерел? Это национальный некрополь! «Тлетворный дух... — шепнул в памяти студент-филолог Глеб Тяженко. — Смердяков... Тлетворный дух от старца Зосимы... Лизавета Смердящая»... Хоть бы глоток чистого воздуха!

После старухи страшно было опускать стекло, хотя чудовищная «девятка» улетела давным-давно неведомо куда. Глеб нажал клавишу. Стекло поехало вниз. И миг вонь исчезла. Грудь у Глеба раздулась, точно её распёрло изнутри повышенным давлением. Глеб глубоко хапнул морозный смог мегаполиса, кислый от бензиновых выхлопов.

Что-то кольнуло в левое запястье. Глеб дёрнулся и поднёс руку к глазам, будто посмотрел время на часах. На запястье сидела какая-то крохотная тварь. Насекомое. Блоха. Это она укусила Глеба.

Со старухи, что ли, прыгнула? Блохи, вши, гниды, парша... Что же за гадость сегодня вокруг?.. Теперь

Глеба кольнуло в шею. Потом он почувствовал, что очень лёгкая, но вполне ощутимая блоха упала ему на щёку. Он включил плафон на потолке и едва не вскрикнул. Блохи были везде. Они прыгали и летали вокруг, падали на кожаный руль, на приборную панель, на рукава кашемирового пальто Roberto Cavalli.

Глеб почувствовал, что эти твари ползают по его телу под одеждой — под водолазкой и брюками, под майкой, трусами и носками. Глеб мгновенно взмок. Всюду зазудело: под мышками, в паху, между лопаток. Глеб заелозил. Ему стало невыносимо, будто он надел одежду на мыльное тело. Даже не так: будто он надел пропитанную потом и гноем одежду чумного мертвеца. И чумные блохи с покойника перебрались на него. Каждый их укус страшнее, чем укус бультерьера.

Глеб вывернул руль, паркуя свой «лексус» у ближайшей обочины, включил аварийку и вывалился наружу, рискуя быть сбитым той машиной, что налетит сзади. Он перебежал на тротуар и, дёргаясь, принялся сдирать с плеч пальто, но запутался в шёлковом кашне.

Блоха укусила Глеба в губу, и губу тотчас засадило — словно сама гнилая красавица чума ошпарила её поцелуем. Глеб больше не смог сдерживаться. Он упёрся в «лексус» обеими руками, наклонился, и его вытошнило на колесо.

9

Глеб взял себя в руки. Всё-таки он в центре Москвы, а не где-то в зачумлённом городишке Алжира. По-

чему Алжира? — подумал он. Тьфу! Это всё самовнушение. Наваждение. Глюки. Нет никаких чумных блох, трупной вони, старухи-минетчицы... Он напридумывал себе страхов.

Из бардачка автомобиля Глеб достал упаковку влажных салфеток и принялся вытирать руки, потом шею и лицо. Прохожие шли мимо, никто не оглядывался, не останавливался. Глеб почувствовал, что замёрз. Наверное, ему надо ехать дальше. «Лексус» ожидающе подмигивал красными фонариками аварийки.

Глеб смотрел в перспективу улицы, которая здесь выглядела как аллея парка. Вдали её перегораживала стена огней Звенигородского шоссе, а сверху глухо перекрывало чёрное небо, громоздкое и совсем неуместное внутри Третьего транспортного кольца, будто раскрытый старомодный зонт в вагоне метро. Нет, Глеб всё равно не мог снова забраться в автомобиль и катить домой. Следует успокоиться, выпить чего-нибудь, расслабиться. Есть же услуга «трезвый водитель»... Он и доставит потом Глеба вместе с машиной по адресу. Да, именно так.

Глеб вынул айфон, чтобы посмотреть, где ближайший ресторан или кафе. «ДиКСи-поиск» указал клуб HLEB — совсем рядом, через перекрёсток. Глеб оценил себя: одет вполне подходяще — клубный пиджак Ketroy цвета «арабика», синяя водолазка Armani, тёмные джинсы Martin Custom, ботинки Tommy Hilfiger. Вполне casual.

Глеб поставил «лексус» на сигналку, поднял воротник пальто и, сутулясь от холода, поспешил в сторону клуба. Он перебрался на нечётную сторону

Звенигородки и свернул за угол дома, куда указал навигатор. Вход в клуб находился в глубине аккуратного дворика, над которым соорудили конструкцию из гнутых ферм — раму под летнюю полотняную крышу. Во дворе стояли и курили посетители клуба.

Жёлтая стена вокруг железной двери была изрисована граффити. Вытягивая дверь за ручку, Глеб подумал, что клуб, похоже, создан в стиле журнала «Афиша», обозреватели которого пинками гриндеров вбивают родной самопал в форматы мировых трендов.

В клубе оказалось неожиданно многолюдно, Глеб понял, что скоро начнётся выступление. Судя по разговорам, толпа явилась на концерт группы «Муха», от которой нынче пёрлись все, кому непременно надо от чего-нибудь переться. Толпа — это хорошо. В ней не страшно.

Глеб заплатил за вход, разделся, ёжась, протолкался к барной стойке, дождался бармена и заказал себе сотку «Джонни Уокера», а потом со стаканом в руке протиснулся за столик. Вообще, Глеб не любил клубного гама и концертной толчеи. Он надевал пиджак Ketroy цвета «арабика» и заказывал виски «Джонни Уокер» не затем, чтобы его, матерясь, пихали локтями, как в привокзальной пельменной. Но сейчас уж лучше так, чем там, в ночном ноябрьском городе, где если и обдует вдруг теплом, то это будет воспалённый жар чумного тления.

Глеб замотал головой и торопливо глотнул виски.

Свет вокруг погас, и гулко включился микрофон.

— Добрый вечер, друзья! — усиленный голос диджея добирался до всех закоулков клуба. — Добрый

вечер! Добрый вечер! Сегодня с нами... группа... «Муха»! И вы сразу узнаете эти ноты!

Клуб состоял из нескольких просторных и пустоватых помещений. Танцпол был огорожен квадратными бетонными столбами, и толпа, что топталась там, загудела, приветствуя музыкантов. Темноту над танцполом продырявили цветные прожектора. В облаке света на сцене среди аппаратуры и блестящих инструментов задвигались гитаристы и ударник. Между ними энергично, как надсмотрщик, расхаживала девушка в сиреновом платье и в сапогах.

— Саша! Сашка! — закричали из толпы.

Глеб вспомнил: фронтмену группы зовут Саша Че. «Че» — Чума? Нет, это раньше в ротации был какой-то «Вова Чума»... Точнее, какой-то Иракли... Какая-то херь... «Расточительный взгляд, стильный-модный заряд, у него э-ге-гей, искусительный змей, Во-во-во-во-во-ва Чума!..»

Глеб снова приложился к вискарю.

— Такая шутка у богов, — с чувством запела Саша Че. — Нам в руки, как игрушку, дать любовь. Её ломаем мы, и будто ни при чём...

Танцпол взвыл, узнавая песню.

Каждому, бля, по потребностям, размышлял Глеб. Ему, Глебу, — НЛЕВ, «Хлебу» — «Муха», танцполу — Саша Че в сапогах, клиентам — вискарь «Джонни Уркер»... Москве — стробоскопы и фаерболлы ночных клубов, темноту ноября и чуму, идущую по заснеженным улицам. «Зажжём огни, нальём бокалы, утопим весело умы — и, заварив пиры да балы, восславим царствие Чумы!». Понятно, это не Ирак-

ли. И даже не Саша Че. Это Пушкин, всё тот же «Пир во время чумы».

Почему меня атакуют чумные кошмары? — думал Глеб, закуривая. — Потому что моя жизнь — пир? Да, я живу для своего удовольствия. У меня нет ни жены, ни детей, ни любви, ни великого дела. Моя работа — обслуживание пустопорожних сервисов. А где-то рядом настоящее горе и подлинная боль. Ну а что — я? Я не страдалец за народ, не ВПЗР, не правозащитник, не святой, даже толком не журналист... Я немолодой хипстер, читатель «Афиши» и «GQ», небольшой начальник в интернет-компании «ДиКСи». Я здесь не потому, что украл у нищего последнюю копейку, а потому что меня дома *апатия замучила*.

В этом городе можно спастись. Да, по большей части его страсти — бесталанные и мелкие. Но не надо всё понимать буквально. «Царица грозная, Чума, теперь идёт на нас сама»... Дескать, Москва — пир, а вокруг погибель, и демоны смерти пошли войной на благополучных...

Я, Глеб Тяженко, не отвечаю за благополучие пирующей Москвы. Не отвечаю за тех, кто сбежал сюда от чумы. И не отвечаю за тех, кто остался в зачумлённых городах. *Мы скорбящие, но не лохи*. Почему же чумной морокк напал именно на меня? «Ужасный демон приснился мне: весь чёрный, белоглазый... Он звал меня в свою тележку. В ней лежали мёртвые — и лепетали ужасную, неведомую речь»... Пушкин!

— Гоголь «Мёртвых душ» спалил секрет, — весело пела Саша Че. — Google нам не сможет дать от-

вет. Продолженья ждали, только вот сиквела не будет: Гоголь жжот!

Или же нет никаких демонов? — подумал Глеб. — Есть авитаминоз, усталость и филологическое образование... Как там у Нашего Всего: «Есть упоение в бою, и бездны мрачной на краю, и в разъярённом океане, средь грозных волн и бурной тьмы, и в дуновении Чумы»... Ага, «бездны мрачной на краю»... Если долго глядеть в бездну, бездна поглядит в тебя... Начав с Абракадабры, Глеб что-то загрузился темой чумы... Вот демоны и явились: на Глеба посмотрела сама бездна.

Он допил виски. Что дальше? Дальше он выпьет ещё алкоголя и склеит какую-нибудь девчонку, чтобы увезти к себе домой. Ночевать сегодня в одиночку Глеб не рискнёт. Филология — авитаминозом, но ему всё равно дома будет страшно. Да и с Кабучей ничего же не получилось, так что и без дженериков найдётся порох в пороховницах.

Глеб осмотрелся. Толпа мельтешила у колонн танцпола, у бара все столики были заняты — в основном компаниями. Подальше был ещё один большой зал и другой зал поменьше, с бильярдом. Сидя в углу, девчонку не подцепишь, вздохнул Глеб и принялся выбирать.

Он никогда не был клубным завсегдатаем и не наловчился играючи снимать тёлок на ночь. В науку пикапа он не верил: считал, что самовлюблённые хлыщи выдают экстерьер за интерфейс, чтобы выглядеть ещё и умниками. Сейчас он надеялся немножко на удачу, немножко на выпивку, немножко на деньги, немножко на возраст.

Он подошёл к стойке. Вот эти две девицы вроде бы ждали клиентов. Глеб посмотрел на увесистые задницы, выложенные на барных стульях, но рядом с ними свободного стула не имелось. Глеб прислонился к стойке, отделённый от девиц двумя юношами в очках и с хвостиками. Юноши сидели с кружками Heineken и спорили так, чтобы их спор слышали тёлки: а вдруг чего обломится?..

— Бэк эти гитарасты вообще не снимают.

— А ты от них гранжа ждёшь? Это отчаянные домохозяйки, хуле.

— Попсарня, Тимоха.

— Надо было на «Психею» идти. Там нормальные мазафакеры.

Тёлки равнодушно слушали спор и делали вид, что пьют коктейль, ожидая непонятно чего. Обе не походили на стерв и обе же были крашеными блондинками — видимо, для удобства идентификации.

— Что-то хотите? — дружески спросил бармен.

— Повторите, — попросил Глеб, придвигая стакан.

Юноши отгородили Глеба от девок, а девки не обратили внимания на клиента, для которого бармен наливал виски, булькая дозатором. Глеб замаялся, не зная, как подкатить к тёлкам. Не торчали бы тут эти дровичлы с хвостами — было бы легче... Бармен понял заморочку Глеба и опустил голову, но Глеб успел заметить усмешку. Это его разозлило. Он надевал пиджак Ketroy цвета «арабика» и брал виски «Джонни Уокер» не затем, чтобы вот так вот жаться на отшибе с потной попой.

Н-да, куда проще звонить по номеру службы досуга или выйти на сайт «Красавица», поставить

флажки в нужных окошках, настучать адрес и кликнуть «Сейчас»! Всё-таки телеком избавил от множества неприятных личных контактов. Глеб ещё раз посмотрел на блондинок и отошёл от стойки. «Не ненавижу волос шотландских эту желтизну», — вспомнил он. Фраза была опять из пушкинского «Пира».

Группа «Муха» уже долбила Глебу в мозг: как-то быстро «Мухи» стало слишком много. Морщась, словно это помогало приглушать звук, Глеб заглянул в большой зал. Здесь, сдвинув столы, кучами сидели несколько молодых компаний. Все галдели, перекрикивая друг друга и музыку, пили пиво, ржали, обнимались. Можно ли здесь найти такую тёлку, которая согласится поменять свою тусу на незнакомого мужика? И стоит ли связываться с тёлкой, которая не нужна даже здесь?..

Блин, подумал Глеб, сколько всего лишнего, неточного... Телеком убирает этот мусор судьбы, выявляет главное — то, что запрашиваешь. Телеком — новое качество жизни, новый стандарт. И дело не в бабках, ведь тот же навигатор ведёт кратчайшим путём и богатого, и бедного. Наверное, был бы жив Гурвич, то придумал бы программу, скажем, «Рандеву»: набиваешь параметры — и получаешь желаемую встречу. Глеб настучал бы: «Я в клубе HLEB, мне нужна тёлка на ночь». И айфон бы через секунду выбросил фотку: ищи вот эту, она где-то здесь...

В зале было два яруса, и за перилами верхнего яруса Глеб вдруг увидел Орли. Она сидела с друзьями, но держалась чуть отстранённо. Одетая она была так же, как и в первую встречу с Глебом: толстый белый свитер и джинсы. Глеб подумал, что Орли, ко-

нечно, он на ночь к себе не затащит, — но можно поболтать с ней и убить время. Авось через двадцать минут подрулить к тёлкам у барной стойки ему станет сподручнее, чем сейчас? В худшем случае Глеб будет немного пьянее — значит, немного смелее. И это тоже плюс пять копеек.

Глеб достал айфон, порылся в органайзере и нашёл номер Орли. Потом написал SMS: «Сказать вам, Орли, о чём вы думаете?» SMS улетела, а Глеб залпом допил виски и вернулся к барной стойке. Тёлки никуда не делись. Юноши тоже.

— Телеги у них вообще кривые.

— Я от такого сладкого саунда к стулу прилипаю...

Глеб уже не глядел на тёлку, ожидая виски. Звякнула SMS. Орли ответила: «Глеб, вы телепат? Ну и?» Глеб подождал припева у хита «Мухи» и набрал цитату: «Не жалею о них, и на место одного будет сто других». SMS улетела. Бармен поставил на стойку стакан с виски.

Глеб переместился обратно в зал и встал в тени бетонного столба, наблюдая, как на верхнем ярусе в гуще компании Орли наклонилась над айфоном, читая послание. Да, телеком есть телеком. Вживую Глеб не смог даже переговорить со шлюшками, что тёрлись возле бара, поджидая клиента вроде него. А с айфоном он вдруг законнектился прямо с Орли, к которой не подъедешь поддатый и невпопад!

Виски воодушевляло уже вполне серьёзно. Глеб закурил и опять припомнил Пушкина: «Итак, хвала тебе, Чума! Нам не страшна могилы тьма, нас не

смутит твоё призванье! Бокалы пеним дружно мы и девы-розы пьём дыханье, — быть может... полное Чумы!»

Айфон звякнул. Орли, похоже, не нашла, что сказать, и прислала самый простой ответ: «???» Глеб посмотрел в другой конец зала, на верхний ярус. Орли там в это время заслонил тип, сидевший рядом. «Спуститесь вниз к входу в зал, я у колонны», — набрал Глеб.

SMS улетела. Глеб ещё добавил вискаря, отодвинулся в тень и глубоко затянулся сигаретой. Подойдёт или нет? — гадал он. Толкаясь плечами в проёме, мимо туда-обратно перемещались какие-то люди, на Глеба никто не смотрел. В зале был полумрак, лампы освещали только пространство над столами. Гомон заглушал тугую пульсацию лаунжевых частот, которая за углом встряхивала топочущий танцпол.

Орли появилась из-за столба и остановилась перед Глебом против света. Глеб видел её тёмные глаза с дрожащей искрой от стробоскопа, её тёмные кудри и тёмные губы. Глеб улыбнулся.

— Как видите, я не телепат, — сказал он.

В руке у него звякнул айфон. Надо было не глядя сунуть айфон в карман пиджака, но Глеб по привычке бегло коснулся пальцем иконки, на ходу разворачивая SMS. «То есть? — написала Орли. — Вообще-то, я дома в ванне лежу». Глеб замер на половине движения и глянул в дальний конец зала, на верхний ярус. Там среди той же компании по-прежнему белел свитер чернокудрой девушки в джинсах.

Глеб перевёл взгляд на ту, что стояла перед ним. Конечно, это была не Орли. Это вообще был не человек. Вернее, не живой человек. Тусклое фарфоровое лицо ничего не выражало. Глаза уже не мерцали. Вокруг глазниц тихонько расползалась чёрная сеточка мелких трещин. Чёрные губы чуть изогнулись в улыбке и приоткрылись, и Глеб увидел, что рот внутри затянут паутиной.

— Ты позвал меня... — сквозь паутину глухо выдохнул демон.

10

«Глеб, почему вы не отвечаете?» — написала Орли. Потом: «Что всё это значит?» Потом: «Нет, я не поняла». Потом она позвонила.

К тому времени охранник уже утащил Глеба в подсобку клуба, и здесь какие-то люди хлопотали над Глебом: сняли пиджак, уложили на кушетку, накрыли лоб конвертом из полотенца со льдом.

— Избили его? Обчистили? — слышал Глеб над собой. — Истерика?

— Кокса, что ли, передёрнул?

— Не, он просто бухой.

— Он брал-то вроде немного... Я его видел краем глаза, стоял там у входа за столбом всё время.

— Может, он эпилептик?

— Скорую вызвали?

Кто-то раскрыл бумажник Глеба и прочитал визитку в окошке:

— Тяженко Глеб Сергеевич, медиаменеджер, компания «ДиКСи».

— «ДиКСи» — крутая контора, не фуфло. Парень просто промахнулся с нормой. Со всеми бывает.

Глеб сбросил со лба тяжёлое, сырое и ледяное полотенце и сел, его поддержали за плечи.

— Извините, — глухо сказал он, не глядя по сторонам. — Сорвался...

— Да нормально всё, чувак, — ответили ему. — Только там за стакан разбитый надо заплатить.

Через полчаса Глеб, умытый и в пальто, неуверенно выбрался из дверей клуба во дворик. Он был сильно пьян, еле держался на ногах. Из кармана у него торчала открытая бутылка виски, купленная в баре. Влажное лицо обожгло морозом. В это время и зазвонил айфон.

— Глеб, что-то случилось? — сразу спросила Орли.

— Нич-чё-о... — промычал Глеб, мотая головой. — Тока-а я тут демона в-вашего ув-визл-л, Орли...

— Вы где?

— Вэ-э-э Мо-оскве!

— Вы на улице? Я слышу гудки. — Действительно, со Звенигородки доносились гудки. — Вы один?

— Х-х-к перс-ст!

— Глеб, соберитесь, скажите, где вы? — настойчиво допытывалась Орли. — Это же опасно! Ночь, холод, а вы пьяный и один!

— Глеп-п в клубе «Хлеп-п»... Риф-фма!

— Стойте, где стоите! — распоряжалась Орли. — Пейте, курите, что вы там ещё делаете?.. Я знаю этот клуб. Сейчас вас заберут!

— Пю, — кивнул Глеб. — К-рю...

Он не очень-то соображал, что происходит, с кем он говорил, что ему приказали делать, но почему-то остался во дворике. Он курил, потихоньку трезвел на морозе и глядел на небо сквозь железные конструкции кровли. Звёзд не было видно: их гасил свет города.

А потом рядом с Глебом оказался невысокий молодой человек в короткой курточке и в полосатой вязаной шапочке с бомбошкой. Он виновато улыбался Глебу. Улыбка у него была хорошая, открытая.

— Вы Глеб Сергеевич? — спросил он, подхватывая пошатнувшегося Глеба под локоть.

— Похож-же, да, — пробормотал Глеб. — К сож-жалению...

Шея молодого человека была объёмно обмотана шарфом.

— Меня Орли за вами послала. Я вас отвезу. Где ваша машина?

— Да где-то там!.. — Глеб махнул рукой в сторону Ваганьковского кладбища и едва не свалился.

— Я — Слава. Если запомните...

Слава крепко взял Глеба под руку и потащил вперёд.

— К-худа поезд-дем? — спросил Глеб.

— К нам домой. Отлежитесь у нас.

— Х-к вам — х-кому?

— Ко мне и Орли. Мы вместе живём.

— А-а... — шатаясь, сказал Глеб. — Вы э-ё муж?

— Ну, можно и так сказать, — улыбнулся Слава. — Осторожнее, Глеб Сергеевич, тут лужа замёрзла, катушка...

Слава бережно вёл Глеба по улице, держась ближе к витринам, огороженным поручнями: здесь на встречу попадалось меньше народа, проще было лавировать. Прохожие шли сквозь зарево витрин, как сквозь разные световые объёмы — белый, зелёный, жёлтый, красный, голубой. В потоке людей, в потоке машин было что-то гипнотическое, хотелось стать частью этого движения. Голова у Глеба прояснялась.

— Вы давно... вместе? — Глеб подбирал слова ещё с трудом.

— Года два.

— Орли... очень... хорошая... э-э-э...

— Девушка, — подсказал Слава.

— Ну да, — кивнул Глеб и тотчас поскользнулся. — У нас же в ош-ществе пре... презуп... — Глеб выговорил максимально тщательно: — Презум-м-бы-ци-я не-вин-но-сти! Орли — девушка!

Слава засмеялся — легко и без всякой обиды. Он был приятный парень. Видно, что интеллигентный и миролюбивый. В нём, как и во многих коренных москвичах, не ощущалось оголтелых амбиций: это спокойствие было наследием третьего благополучного поколения.

— Орли очень хорошая девушка! — трепетно повторил он.

Да, понятно. Орли нашла себе вполне милого москвича — и живёт с ним. Сердечность и уют — что же в том дурного? Глеб вспомнил лицо Орли: нервное, еврейски-чувственное... Её глаза: мягко-нагловатые и смеющиеся... Её чёрно-красные губы... Орли не сочеталась со Славой. Слава был простова-

тый и некрасивый, округлый и мягкий, как матрас, — в общем, никакой. А Орли — упругая, как боксёрская перчатка.

— Это Орли придумала... меня... э-э... обогреть?

— Мы оба. Мы квартиру снимаем на Кубинке, две комнаты. У нас места хватит. А вас, извините, пока что надо контролировать.

— Я не мальчик.

— Ну что вы, Глеб Сергеевич... При чём тут всё такое?..

Глеб вывел Славу на улицу Макеева, где оставил машину. Прямая длинная улица с оградой кладбища, заиндевелыми кронами деревьев и фонарями чем-то напоминала строгую и благородную концертную флейту. «Лексус» слегка припорошило снежком, словно обдуло мукой, и казалось, что автомобиль поседел, преданно ожидая хозяина.

— Вы ведь доверите мне руль? — на всякий случай уточнил Слава.

Он замёрз в своей короткой курточке и пританцовывал, ожидая, пока Глеб найдёт ключи. Бомбошка болталась у него, как у Буратино.

— Да ради б-бога... — пробормотал Глеб.

Сигналка квакнула, «лексус» мигнул подфарниками и щёлкнул фиксаторами. Слава взял ключи и поспешил к двери водителя. Глеб подумал, достал из кармана бутылку виски, свинтил крышку и глотнул. Он знал, что сейчас опять захмелеет, но зато станет говорливым. А потом начнёт материться и страдать по какой-нибудь фигне.

Холодный алкоголь без трения провалился сквозь горло в желудок и только там расцвёл жарким чум-

ным цветком. Глеб занюхал рукавом. Кашемировое пальто Savalli пахло по-русски: снегом и бензином.

Глеб вложил себя в салон на переднее пассажирское место. Слава уже завёл двигатель и, виновато ёжась, держал ладони возле жалюзи кондишна — проверял, не пошло ли тепло от печки.

— Подождём, пока согреется, или поедем так? — спросил он.

— Я уже только что... э-э... с-с-согрелся, — сообщил Глеб.

— Понятно. — Слава тронул автомобиль с места. Движения его были размашистыми и неуверенными, он то и дело смотрел на свои руки.

— Какая приятная машина... — с уважением произнёс он.

— Потому что эта машина создана вовсе не людьми, а эволюцией, — покровительственно заявил Глеб. Новая порция алкоголя выводила его из косяноязычия. — Каждый месяц с морской базы в Норфолке выходит флагман Второго флота атомный авианосец «Энтерпрайз». Огромными пелагическими тралами он тралит Саргассово море и разоряет гнёзда морских драконов, а в этих гнёздах — кладки из тысяч яиц. В яйцах дракона и находятся новорождённые «лексусы».

Слава, похоже, даже растерялся.

— Здорово, — смущённо сказал он.

По светофору он пересёк Звенигородку, направо не повернул, а докатил почти до Пресни и только там ушёл на Шмитовский проезд.

— Согласитесь, что похоже, будто «лексусы» вылупляются из яиц морских драконов. Такие уж это

машины по дизайну: стремительные, сильные, эргономичные. — Глеб закурил. — По-настоящему крутые и стильные вещи всегда кажутся какими-то нерукотворными. Это верный признак качества! А вот по клубу «Хлеб» и группе «Муха» сразу видно, как и чем их делали. Я и сам такую хню могу сварганить!

Слева в темноте сияли футуристические звездолёты Москва-сити. Даже недостроенные, они всё равно выглядели творением совсем не человеческим. Казалось, что их создали инопланетяне из какой-то удивительной материи, которая людям неизвестна и неподвластна.

— Вот это, — Глеб ткнул пальцем в стекло, указывая на небоскрёбы, — нерукотворно! И не потому, что оно очень большое и очень дорогое! Я не знаю почему! Только оно не из нашего мира!

«Лексус» по дуге огибал светящиеся башни Москва-сити и всё никак не мог убежать от них. Он поднырнул под эстакаду развязки, свернул на Третье транспортное кольцо, перекатился по мосту через Москву-реку — а башни всё висели в небе и словно даже немного взлетели, чтобы не потеряться из виду.

— Вы москвич, Слава?

— Угу, — простецки согласился Слава.

Глеб уже разгорячился.

— Из-за МКАДа кажется, что в Москве — всё нерукотворное. Всё такое, как это! Особенно если новое, бля, и модное! Если актуальное, бля, и креативное! А потом осваиваешься, смотришь — хера с два! Туфта! Слабали такие же, как ты, и ничего в том нет

гениального или просто умного! Секонд-хенд! Вторяк! Нифиля — спитая заварка!

— Вас группа «Муха» расстроила? — улыбнулся Слава. — Бросьте. Кто к этому серьёзно относится? Поп-культура, однодневки...

— Я не об этом! Я о том, что я через жопу вывернулся, в лепёшку разбился — всё ради того, чтобы жить здесь. Я, бля, победил! Я здесь! — Глеб приспустил стекло окошка и выбросил окурок. — Здесь — всё лучшее: я согласен с этим, иначе и не рвался бы сюда! Я потребляю это самое лучшее! Но бля-а-а... Я не хочу, чтобы лучшее было таким!

За Москвой-рекой, словно уворачиваясь от прямоугольной пасти тоннеля, освещённой изнутри жёлтыми фонарями, «лексус» ушёл вправо, на пандус Кутузовского проспекта. Потом впереди на фоне темноты площади Победы обрисовалась чёрно-белая Триумфальная арка, вся фигурно-оперная и странная здесь, как балетный танцор на танковых учениях. За ней светлела вогнутая строка музейного здания и высокий штык обелиска, будто подпёртый лучами прожекторов.

Глеб вытащил из кармана пальто бутылку вискаря и приложился к горлышку. Как давно, оказывается, он не напивался вдрызг...

— Всё вокруг какое-то рукотворное, ремесленное — клубы, музыка, чувства, авторитеты, власть... — несло Глеба. — А подлинная реальность ощущается как нерукотворная. Выходит, я прорвался сюда, за МКАД, чтобы потреблять этот самопал, самосад, самогон?..

«Лексус» летел по Кутузовскому. Слава был спокоен и позитивен. Он и одет-то был как ребёнок, словно демонстрировал радость жизни.

— Глеб Сергеевич, критика бездуховности уже была в «Духлессе».

— Того, о чём я говорю, в «Духлессе» не было, — возразил Глеб. — Я-то как раз не про нищих духом. Я и сам нищий духом. Я про то, что у нас все бренды — подделки. А я-то рвался сюда за брендами.

— Машина у вас не подделка. И пальто не подделка.

— Жизнь — подделка. Надел пальто, сел в машину, а ехать некуда. Вот, зарулил в клуб на модную группу... Это место называется клубом только в журнале «Афиша». А эти люди называются группой только в ЖЖ. Кто раздувает эту фальшивую реальность? Кто выдаёт самопал за брендовый товар? Кто накачивает байду ложным значением?

— Вы же сами сказали. Журнал «Афиша». Жежешечка. Тусовка.

— А для чего?

— Надо же как-то развлекаться. Так всегда и везде. — Слава ничем не возмущался, никого не винил: все имели право на жизнь, ничто не ново под луной, прав тот, кто ко всему подходит с иронией.

— А у меня с лажей развлекаться не получается! — зарычал Глеб. — У меня лажовые гондоны рвутся! Лажовый мир вокруг меня лопается, как пузырь! И я вдруг вижу, что вокруг — чума!

Слава сбросил скорость и под светофором повернул на Кубинку.

— Утро вечера мудренее, Глеб Сергеевич, — мягко сказал он. — Вы отоспитесь, успокойтесь, и день начнёте с того, что напишете в Твиттер: «Был вчера на концерте группы “Муха”, круто!».

Слава ведал тайну благополучия даже не разумом, а генетикой.

Да, наверное, так и будет, подумал Глеб. Он побуянил, размазал слёзы по небритой харе, разорвал тельняшку на груди... И теперь немолодой хипстер может тональным кремом убрать из-под глаз тени усталости, а потом ещё выпить виски, если найдётся содовая.

11

Первым делом Глеб попросился в душ. Орли и Слава, наверное, подумали, что гость борется с опьянением, а гость боролся с чумой. Глеб разделся, сделал воду погорячее и тщательно вымыл голову с шампунем. Потом взял одежную щётку, намылил её и нежно-сердно надраил себя везде, где дотянулся. Саднящие места он намазал кремом, что стоял у Орли на стеклянной полочке возле умывальника, а зубы почистил пальцем. После этой экзекуции стало полегче.

Глеб одевался, разглядывая маленькую ванную. Сама ванна — в чёрных пятнах отбитой эмали, с потёками и порыжевшем дном. Гибкий душ сочится всеми суставчиками. Сочленения крана белеют налётом извести. Раковина треснула. Зеркало — с чёрными крапинами по краям, словно с глаукомой. Стиральная машина — старый Ariston, недорогая

и маломощная. Одна бельевая корзина переполнена бельём для стирки, другая — постиранным, но не глаженным. В общем, коммунальный быт съёмной квартиры, улучшать который нет смысла.

Волей-неволей Глеб увидел, какая тут у Орли стоит парфюмерия и косметика. Лучшее из сегмента экономкласса. Ясно, что хозяева пока ещё не одержали победы над Москвой...

Приглаживая мокрые волосы, Глеб вышел из ванной в кухню. В тесную кухню совковой панельной многоэтажки. Белые шкафы-пеналы и холодильник. Жёлтая лампочка в плафоне. Темнота за окном. Слава возился у плиты, а Орли курила, сидя за столиком, втиснутым в угол.

— Славка, дай табуретку, — велела Орли.

— Присаживайтесь, — сказал Слава, придвигая Глебу табурет.

— Спасибо... И вообще — спасибо. — Глеб присел к столику сбоку.

Показывать своё жилище — дело, в общем, довольно интимное, поэтому Орли нервничала, а напряжение маскировала сигаретой.

— Хотите кофе? Славка, сделай нам.

— Щас-щас, — пробормотал Слава, бренча на плите чайниками.

— Как ваше самочувствие?

— Н-ну, сейчас стал человекоподобным...

Глеб ощущал себя каким-то мутным и стеклянным. То ли хмель, то ли похмелье. То ли выпить ещё виски, то ли лучше кофе. Но в любом случае приятно быть чистым. Вот бы и бельё сменить...

— Курите, — предложила Орли.

— Пока не хочу. Сенок ю.

Орли была в длинной футболке, поверх которой она набросила вязаную кофту. Кудри, насколько возможно, она собрала в пучок на затылке и стянула зелёной резинкой. Ещё на Орли были цветастые штанишки типа как арабские шароварчики. И большие тапки в виде сиреневых кошек с колдовскими глазами.

— Я недавно в первый раз в ваше комьюнити зашла, — сказала Орли. — Забавно... А вам-то эта ерунда зачем?

— Такова моя работа. Придумываю чушь, чтобы сетевая шатия-братия получила возможность покривляться и самовыразиться.

— Зачем?

— Любой, кто начинает писать у меня в комьюнити, оказывается объектом анализа «ДиКСи». Потом мы предлагаем ему услуги сервисов «ДиКСи» — и клиент наш. Главное — зацепить. Я — ловец душ.

— Много-то не поймаете.

— Работает геометрическая прогрессия. Закон эпидемии. Это как чума: если сначала заболел один — то потом заболеют все.

Глеб провоцировал Орли на разговор, ведь в его комьюнити, согласно методике «ДиКСи», Орли попала на трёп о чуме. Да и демон Орли, который явился Глебу, тоже был связан с чумой.

Неужели и вправду в жизни как-то вдруг возникла тема чумы? Или это механическая последовательность несвязанных эпизодов, где чума — только эстафетная палочка, а не смысл всего?

— А что у вас за комьюнити? — спросил Слава.

— Чайник закипел? Ты кофе обещал.

— Всё готово. — Слава принялся выставлять на стол кружки, банку растворимого кофе Nescafe и сахарницу.

— У нас в «ДиКСи» существует сервис блогов, типа ЖЖ, — пояснил Глеб, накладывая кофе. — Каждому клиенту, которого протестировали, сразу предлагают блоги, где клиенту будет интересно. Конечно, это делается для того, чтобы приманить клиента и приучить пользоваться и другими инструментами «ДиКСи», которые уже платные. Бизнес.

— А в чём фишка?

— Про пирамиду Маслоу слышали?

— Нет, — улыбнулся Слава.

— Это иерархия человеческих потребностей. Высшая — потребность в самоактуализации. Проще говоря, желание самовыразиться. Можно написать на Мавзолее слово «жопа». А можно тешить внутреннего тролля в блогах. Наша фишка в том, что «ДиКСи» по индивидуальным критериям и запросам предоставляет такие блоги для самовыражения, которые даже лучше, чем Мавзолей для слова «жопа».

— Надо как-нибудь попробовать, — заинтересовался Слава.

— Да всегда пожалуйста...

В общем-то, Слава хотел попробовать на вкус цикуту. Глеб обещал принести. Орли не возразила.

— А какую работу вы могли дать мне? — спросила она.

— Придумывать темы себе для постов. Писать и создавать из своих постов новые комьюнити. То есть расширять наш ассортимент.

— Писать о чём угодно?

— Угу. Тема не важна, лишь бы на неё набежали посетители. Я вот написал про могилу Абракадабры. Работа ведущего блога сходна с работой колумниста. Потом, когда механизм самовоспроизводства болтовни раскрутится на полную мощь, можно будет отойти от дел.

— Вы невысоко оцениваете свою миссию.

— А что в ней особенного? — Глеб не удержался и полез в карман за сигаретами. — Знаете, Орли... и Слава... Могу привести вот такую аналогию. Здоровье добывают физическим трудом на свежем воздухе. Или спортом. Или тренажёрами. Уподобим здоровье интеллекту. Тогда интеллектуальный труд — решение реальных задач. Интеллектуальный спорт — состязания типа брейн-рингов или шахмат. Интеллектуальные тренажёры — всякие ребусы и шарады. А блоги — просто игры. Какие-нибудь догонялки или «цепи кованные». Развлечения. Инфотейнмент.

— Ну почему же, — не согласился Слава. — В блогах умные люди обсуждают многие вещи...

Глеб не ответил. Про суть блогов он отспорил своё уже лет десять назад. Сейчас рядом с Орли ему хотелось быть усталым и циничным.

— Игры, конечно, дело хорошее, но объективно — только паллиатив высшего уровня в пирамиде Маслоу. Эта имитация нужна хозяевам сервиса лишь для завлечения клиентов. Помните, в романе Пелевина избирают президентом хмыря по фамилии Смирнов, чтобы лучше продавалась водка «Смирнофф»? Такая же фигня.

Орли, Глеб и Слава сидели за столом на тесной московской кухне и пили растворимый кофе. Кружки были — Nescafe, Lipton и Hyleys: рекламная продукция с различных акций по продвижению товара. На стол эту посуду можно было ставить лишь от бедности. А в сахарнице лежали пакетики с сахаром, прихваченные из разных кафе.

Квартира у Славы и Орли была двухкомнатной, но, судя по всему, одну комнату хозяева беспардонно заперли от жильцов: на двери туда висела какая-то картинка с каменным Буддой. Эта запретная комната напоминала отнюдь не про «Гарри Поттера», а тоже про нищету.

— А где вы сейчас работаете, Орли? — спросил Глеб.

Слава его не интересовал. Игнорировать Славу, конечно, свинство, но Глеб уже немного ревновал Орли. У неё такие штанишки, и так легко стянуть с кудрей зелёную резинку...

— Пока что мы со Славкой опять фрилансеры, — сказала Орли. — Я пишу арт-критику, Славка снимает.

Н-да, подумал Глеб, хорошую статью случайно не напишешь. А хороший снимок можно сделать и ненароком. Слава пристроился на творческую работу без творческих способностей. Это и есть креатив.

— А может быть, мы выпьем? — вдруг предложила Орли.

— Извините, забыл! — спохватился Глеб. — Я свою бутылку там, в прихожей, на полочку для обуви поставил...

— Славка, принеси.

Слава встал, протиснулся между спиной Глеба и стеной и ушёл в прихожую. Глеб смотрел на Орли. А Орли вдруг отвернулась.

Слава вернулся, выставил на стол бутылку и достал из навесного шкафчика три рюмки.

— А тебе лучше не надо, — не поворачиваясь, сказала Орли.

— О'кей, — согласился Слава и убрал одну рюмку обратно в шкаф.

Глеб разлил виски и взглянул на Орли:

— И всё же как-то неловко перед Славой...

— Ничего-ничего, — заверил Слава, улыбнулся и вышел из кухни.

Орли подняла свою рюмку и, не чокаясь, выпила без тоста. Глеб удивлённо покачал головой и тоже выпил.

— Жизнь хреновая, — мрачно пояснила Орли.

— Если не секрет, почему? Ведь вы же, э-э, унаследовали «ДиКСи»...

— Скажите, Глеб, — вдруг заговорила Орли так, словно бы на что-то решилась. — А вот в вашем комьюнити... эти игры с Абракадаброй... Это что? Откуда это всё взялось? Вы подстроили?

— Что подстроил?

— Абракадабру.

— Могилу? — не мог понять Глеб. — Она просто была там рядом. А в комьюнити всякие умники уже растолковали, кто такой Абракадабра...

В кухню вернулся Слава с планшетником в руках. Он опять протиснулся за спиной Глеба и снова сел за стол.

— Вот это ваш блог в «ДиКСи»? — спросил Слава, показывая Глебу экран с фотожабой открытой могилы демона.

— Да, — кивнул Глеб, постепенно соображая. — Орли, извините... Всё-таки тогда были похороны вашего отца... Я оказался бестактен? Вы считаете, эта моя тема в «ДиКСи-нете» — кощунство?

— Да я совсем не про то...

— А в чём тогда дело?

Он понял, что Орли притащила его к себе в дом вовсе не потому, что пожалела одинокого пьяного человека посреди холодной Москвы. И даже не потому, что внезапно подвернулась возможность поближе познакомиться с мужчиной, который понравился. Увы, нет. Орли надо было спросить о важной вещи. И по телефону не получилось бы.

— Мой отец... — начала Орли.

— Оль, может не надо?.. — мягко предостерёг Слава.

— Помолчи.

Слава печально вздохнул и принялся скролить «ДиКСи-нет».

— Мой отец проделал большую работу, чтобы собрать воедино все протоколы «ДиКСи», — сказала Орли. — Вообще, они были... как бы... Ну, растворены в программном обеспечении, чтобы их не опознали и не скопировали. А отец решил передать их мне и сгенерил их обратно.

— Я примерно представляю ситуацию с протоколами. — Глеб неплохо помнил объяснения Борьки Крохина.

Орли потеряла на столе пачку Vogue, вытрясла сигарету, закурила и сигаретой показала на бутылку. Глеб налил ещё по рюмке.

— Чтобы что-то завещать, нужно иметь эту вещь. Нужно её как-то формализовать... Отец собрал свои протоколы в файл, оформил на него авторские права и запер файл на пароль. Пароль сказал только мне. Там был даже не просто пароль, а очень-очень хитрый пароль.

— Ольчик, не переживай, — тихо попросил Слава.

— Короче, Глеб Сергеевич. — Орли сощурилась. — Совсем недавно я проверила отцовский файл, а он... Оказался совершенно пуст.

— Отец вас обманул?

— Что вы говорите! — Орли зло сверкнула глазами. — Конечно, нет! Я видела все протоколы, когда отец их собрал воедино! Но кто-то их скопировал себе, а потом стёр в моём файле! Кто-то взломал пароль!

— Вы думаете, это я? — изумился Глеб.

И тогда Орли заплакала. Похоже, она и сама не ожидала от себя такого — просто сорвалась. Она закрыла лицо ладонями, чтобы Глеб её не увидел. Слава вскочил, торопливо сунул планшетник на подоконник и бросился обнимать Орли. Орли мотала головой, вырываясь.

А Глеб вдруг подумал, что Орли плачет вовсе не потому, что её обокрали. У неё хватило бы гордости скрыть, что она потрясена. Орли плакала, потому что её унизили. Её обидели. В первую встречу с Гле-

бом она могла произвести впечатление королевы, а сейчас её будто лишили короны: она стала обычной девчонкой, которая ищет у мужчины помощи и не может сохранить статус королевы.

— Я вас не подозреваю... — прохлюпала Орли. — Просто я подумала, может, вы что-нибудь знаете... Этот ваш пост — неужели совпадение?.. Таких совпадений не бывает...

— Вы о чём, Орли? — всё более изумлялся Глеб.

Слава гладил Орли по кудрям.

— Понимаете, Глеб, у вас в комьюнити сфоткана могила демона чумы, — гнусаво сказала Орли, вытирая нос. — Его имя — Абракадабра. А пароль, который отец сообщил только мне, — то же самое латинское слово «абракадабра»!.. Что же всё это значит?

12

Конечно, Глеб не остался ночевать в квартире Орли и Славы. Его настрой на былую студенческую волю, когда где пьёшь — там и спишь, развеялся: хмель как-то впитался в сознание и не мешал соображать.

Глеб вызвал такси и поехал к себе, тем более что от дома Орли и Славы до Раменок было рукой подать. Глеб решил не напрягать Славу просьбой о помощи, и «лексус» мирно заносило ночной порошей там, куда его загнал Слава, — на стоянке возле дома на Кубинке.

...Он уже не боялся демонов, чумы и прочей дряни. Он зажёл свет в прихожей, в обеих комнатах и на

кухне, включил музыку, разделся догола, засунул одежду в корзину для стирки и наполнил ванну. Потом сделал себе коктейль из коньяка и яблочного сока, закупорил стакан крышкой с продетой соломинкой и сел в воду со стаканом и айпэдом.

Он понял, что Слава был прав. Деваться некуда, ничего другого не креативилось, и на экране айпэда он настучал новое сообщение в Твиттер: «Был вчера на концерте группы “Муха”, круто!» После этого пришлось крепко присосаться к соломинке.

Сквозь открытые двери Глеб видел и спальню, где угол кровати был мягко освещён торшером, и гостиную, где на плазменной панели кружили и выворачивались наизнанку огненные чудеса скринсейвера, сопровождавшие работу винампа. Было бы здорово, если бы в креслах ждали две длинноногие девчонки, но для таких трудозатрат у Глеба сейчас уже иссякли силы. Чтобы залатать столь скорбные дыры в драматургии, Глеб решил посмотреть комьюнити.

Лежать в горячей ванне, размышлять о средневековой чуме и в то же время бесшумно мчаться через хай-тековские стрелки глобальной Сети — это и есть счастье, думал Глеб. Он пробирался в «ДиКСи-нет».

Явитесь передо мной, летучие обезьяны!..

Л-а-р-к-а: В децтве мне мама читала разные книжки, в том числе я запомнила Юрия Коволя Шамайка, про кошку-путешественницу. И там пели песенку: вот такую

Напусти ты, Моисей, на Египет тьму,
Жаб, лягушек, пёсьих мух, язву и чуму.
Круто?

Забавно, подумал Глеб: в его жизни сегодня стряслось всё, о чём пелось в этой песенке. Тьма — она и сейчас за окном. «Пёсьи мухи» — блохи — были. Чума проехала мимо в тонированной «девятке». И жабы-лягушки тоже имелись: фотожаба Борьки Крохина в комьюнити.

«Лапку» прокомментировал некий «Слава». Глеб посмотрел время постановки его комментария — 40 минут назад. Не исключено, что это был тот Слава, который жил с Орли.

Slava: «Шамайка» Ковалёв пересказ «Королевской аналостанки» Сетона-Томпсона. А песня русская. На гербе Сатаны изображали трех жаб. Пепел жабы насыпали в мешочек, это был талисман от чумы.

К комментарию «Славы» присоединился «Нан-Мадол».

Nan_Madol: Талисманом от чумы Парацельс считал льва. Европа эпохи средневековья полагала, от чумы защищают малахит и гиацинт, а чумные нарывы можно исцелить агатом и сапфиром.

«Нан-Мадол» казался Глебу интеллигентным человеком. Вообще, интересно было представлять, кто же скрывается за никнэймами. Не в смысле имя-отчество-фамилия, а какие характеры.

Глеб отставил стакан с коктейлем и закурил.

Kabu4a: Эй, народ сетевой! Толкаю батл! Какая бывает чума? Чей чумардос чумачечее?

В Кабуче всё никак не мог успокоиться внутренний диджей: ему требовались конкурсы, приколы и коллективное бешенство.

KozaDereza: Чума является в образе слепой дворничихи которая подметает веником пороги тех домов где жители должны умереть

D-r_Pippez: А в образе таджика с метлой может появиццо?

«Доктор Пиппец», — подумал Глеб, — тролль по складу мышления. Пока он просто прикалывается. Разозлится — начнёт гадить.

Zitadel: Чума — лучник смерти. Она стреляет в тех, кто выходит из города. Поэтому чуму приносят те, кто отлучался из родного дома или селения, или жители других мест.

Глеб поскролил предыдущую часть: «Цитадель» была — был? — новичком. Значит, пока — «характер нордический».

Prizel: Чума ходит в виде двух духов, доброго и злого. Добрый дух стучит палкой в дверь того дома, где люди умрут от чумы, столько раз, сколько человек умрёт.

Глеб снова поскролил блог. «Прицел» тоже оказался новеньким.

Miroed: Чуму встречали в виде старухи, которая пребирается от деревни к древне, сидя на плечах своего раба

И «Мироеда» Глеб тоже не нашёл. Много сегодня новобранцев!

D-r_Pippez: Оййопт! Это как в Вии у Гоголя! Там ведьмища ездила на шеях у Куравлева! Суссилезу поткравать!!!

Nan_Madol: В Мессине в 1347 году в церковь ворвался черный пес на задних ногах и с мечом в лапе. Он порубил свечи, священные сосуды

и прочую храмовую утварь. Так на Сицилию пришла пандемия Черная Смерть. Об этом написал летописец фра Микеле Пьяцца.

D-r_Pippez: Ниипицца Пьяцца, подавицца пиццей!

Глеб хихикнул.

L-a-p-k-a: Чума великан. Он преодолевал расстояние от города до города одним шагом.

Глеб посмотрел, что «Лапка» писала раньше. Похоже, «Лапка» — какая-нибудь мамашка двух карапузов и жена богатого папика. Сидит она дома, такая вся из себя милая и тёплая. Пока нянька водит карапузов на прогулку, любопытная «Лапка» шныряет по блогам. Её мораль и культура — из сказок и детских книжек. Её представления о жизни — из болтовни таких же сетевых клушек, как и она сама.

Infarkt: Чума любит приходить на свадьбы и на праздники. Здесь она — самая жизнерадостная гостья. Но все участники веселья потом умирают. Если же чума кого-то пожалеет, она прогоняет его с пира.

Образ «Инфаркта» Глеб тоже не определил, но сейчас задумался не об участниках комьюнити, спрятанных за никнэймами, а о чуме — о предмете общего разговора. Чума — весёлая гостья? Выразительно...

«Слепая дворничиха», «лучник смерти», «старуха-наездница», «пёс с мечом», «весёлая гостья» — эти образы чумы были важны не только как персонафикация всемогущей гибели. Они выявляли её внутреннюю драматургию во внешне статичных об-

стоятельствах, ведь болезнь есть болезнь, и в ней не найти зубодробительного сюжета.

Глеб приподнялся в ванне и стряхнул сигаретный пепел под кран в раковину умывальника, а потом улёгся обратно.

Здоровая жизнь сюжетна, думал Глеб, но даже при сюжетности в бытийном отношении она статична. Ты ничего не можешь изменить. Ты явился, чтобы отработать всю программу: повзрослеть, поддаться искушениям, удовлетвориться малым, к концу затосковать — и умереть. Жизнь человека вписана в эту парадигму. И подлинная драматургия — только в образах. Например, в образах чумы. Или в аватарах.

В комьюнити вновь ожил гуглоголовый Kurogos со ссылками.

Kurogos: Вот еще обряд, связанный с чумой. Ссылка, плиз!

По ссылке Глеб вышел на небольшую статью «Опахивание».

«Опахивание — один из магических способов борьбы с эпидемиями и эпизоотиями. Смысл заключался в “ограждении” поселения либо для того, чтобы в него не вошла болезнь, например, чума, либо для того, чтобы вошедшая болезнь не выбралась наружу. Ночью селение трижды обводили бороздой. За плугом шли обнажённые женщины, но не девственницы. Они засекали борозду песком. Прочие жители сидели по домам, закрыв окна ставнями. Они не имели права даже посмотреть на обряд, чтобы не лишиться его колдовской силы».

D-r_Pippez: А я бы серавно посмотрел...

Nan_Madol: Во Франции существовал другой ритуал защиты от чумы, схожий с ритуалом опахивания. Городские стены измеряли шнурком, а потом этот шнурок наматывали на большую свечу, которую сжигали во время мессы.

Prizel: У викингов чуму песнями и заклинаниями отсылали в какие то «железные горы». Запрягали в повозку лошадь и отпускали куда она пойдет. На ней должна уехать чума.

Глеб докурил и бросил окуроч в раковину умывальника.

Miroed: В Европе делали чучло чумы. Его проклинали, жгли, топили, замуровывали в стены и отлучали от цркви

KozaDereza: Как интересно А нет связи чучела чумы с нашей Масленицей?

Slava: Еще вычитал. После всех обрядов, убивавших чуму, могли совершать еще один обряд — казнить кота. Считалось, что измученная обрядами чума превращалась в кота, чтобы от нее отвязались

L-a-p-k-a: Сволочи!!!! Как так можно с домашними животными!!!! Кот то не причем тут!!!!

Глеб читал результаты изысканий членов комьюнити, наблюдал за реакцией на различные мелкие открытия, но ловил себя на мысли, что не воспринимает собеседников как людей. Даже если бы он лично знал тех, кто скрывается за никнэймами, всё равно: отношение к человеку — одно, отношение к его аватару — другое.

В Глебе проснулся былой филолог. Что там думает русский язык? Аватар — сетевой образ человека.

«Образ» — неодушевлённое имя существительное, а вот «аватар» — одушевлённое. Это как «манекен» и «труп» — мёртвые, а «кукла» и «мертвец» — живые.

«Аватар» означает «воплощение», но кто или что воплощается в Сети? Ведь аватар автору не тождествен. Глеб был убеждён, что аватар — сложный синтез нескольких сущностей. Как минимум, трёх.

Глеб дёрнул коктейль через соломинку и вытянулся в ванне.

Например, некий мистер Х думает, что он интеллектуал с тонким вкусом, и поэтому его мнение очень значимо. Он и вещает на всех углах сети. «Интеллектуал» — первая сущность: самоидентификация.

Далее. Наш мистер Х отыскивает себе дискурс, то есть область, в которой его амбиции похожи на компетенцию. Скажем, объявляет себя арт-критиком. Как сейчас Орли. «Критик» — вторая сущность: роль.

Далее. Мистер Х, разумеется, имеет и свою настоящую натуру — не самоидентификацию и не роль. Увы, наш дурацкий мистер Х на самом деле — всего лишь лузер с комплексом неполноценности. «Лузер» — его подлинная сущность, третья. Её можно назвать данностью.

Итак, берём три сущности человека: самоидентификацию, роль и данность. Перемножаем их друг на друга. Потом ещё раз перемножаем на коэффициент качества предъявления, то есть на талант или на бездарность. В итоге получаем аватар — сетевую виртуальную персону.

Глеб снова приложился к коктейлю.

Аватар — не функция, не бот и не заранее вычисленная личность. Он не проекция своего создателя в Сеть и даже не сумма проекций. Автор не может предсказать своего аватара и не может его контролировать, как родители не могут предсказать, какой ребёнок у них получится, и не могут полностью контролировать его поведение.

Но это в идеале. Вряд ли каждая *летучая обезьяна* — код, который настолько сложнее «Энигмы», что никакой Тьюринг не взломает.

Мелодично звякнул айпэд — это пришло новое сообщение в блог. Глеб сразу полез читать. Писал кто-то совершенно неизвестный.

УМНЕЕВСЕХ: Привет. Ты меня не заеш. С тобой только так можна связатся, как сечас. Совсем недоступен. Ни скем не общаешься

Глеба раздражала безграмотность в Сети. Сеть — это тексты. Если ты не научился излагать мысли нормативным способом, ты не овладел главным инструментом. Зачем же тогда ты лезешь что-то делать?

Чтобы постить в чужих блогах «ДиКСи-нета» или вести свой блог, требовалось зарегистрироваться в личном профиле «ДиКСи». «Личка» была конфиденциальной информацией, и пробираться к ней Глеб не умел, хотя и мог бы попросить помочь, к примеру Борьку Крохина. Но в «личку» люди ввали, не желая светиться, и даже сам «ДиКСи» для семантического портрета клиента не пользовался данными «лички». Так что Глеб не имел шанса узнать, кто такой этот «Умней-всех» или любой другой аватар в его блоге, если человек сам не открывал себя.

УМНЕЕВСЕХ: Я был друг твоего друга по школе Сашки Мухина

Сашу Мухина Глеб припомнил с большим трудом. Глеб не лелеял школьных воспоминаний, не поддерживал школьных отношений, даже на «Одноклассниках» не присутствовал. Как уехал из Апатитов — так и всё. Его не интересовало, что произошло с людьми из той жизни. И от школы его напроочь отгородило двадцатью весьма непростыми годами.

УМНЕЕВСЕХ: Сашка следил затобой. Завидовал. Щитал ты как звезда. Писал тебе суда под ником Outsider

Глеб быстро прогнал блог до самого верха. В комьюнити о чуме была только пара комментариев «Аутсайдера». Ничего особенного.

Надо же, кто укрылся за этим аватаром... Забытый одноклассник. Ну, а что такого? Раньше Глеб мелькал по TV. Мухин мог подумать, что у Глеба жизнь удалась. Найдись по соцсетям — не вопрос. Дома скучно, *апатия замучила*... Вот Сашка и писал Глебу в блог: если изредка что-то подворачивалось в тему, то отправлял коммент. Обыденность.

УМНЕЕВСЕХ: А седня все с Сашкой. Конец

Глебу показалось, что вода вокруг него стремительно остывает.

УМНЕЕВСЕХ: Они ездили на Умбозеро помниш. На подледную рыбалку. А лед то еще тонкий. Сашка провалился. Он за мыс ушел его не сразу увидели. Держался за края. В воде пробыл 30 мин. Потом его достали. Растирали, он даже говорил но все мыжцы задервенели. Игла у шприца

согнулас. В общем сердце остановилось. Сегодня в 18-50

Глеб не чувствовал, что он сам ёрзает в воде, будто это он замерзает в ванне, а не Саша Мухин в ноябрьском озере.

УМНЕЕВСЕХ: Короче, и не надо было писать тебе. Но Сашка сам сказал перед смертью, все слышали — быстрее напиши Тяженке. Так что пишу. Вот его слова ///// ЧУМА ПРИШЛА /////

Глеб рванулся из ванны, взмахнув айпэдом, будто его обожгло. Обожгло и полоснуло ножом. А его и вправду ошпарило — но только холодом. Поверхность воды в ванне заросла грязно-бурым бугристым ледком. Вскочив, Глеб проломил полынью и порезал оба бедра об острую кромку льда. В полынье плескалась чёрная жижа.

13

— Орли, давайте начнём всё с начала, — сказал Глеб.
— А что вы имеете в виду?

Они медленно шли по Чистопрудному бульвару.

Вчера Глеб предложил Орли свести её с Борькой Крохиным. Пусть Бобс посмотрит файл и вскрытый пароль: может, пояснит чего-нибудь как специалист. Орли сразу согласилась. Борька назначил встречу на Покровке в «Шоколаднице» — той, которая между Бульварным кольцом и Садовым. А Глеб договорился увидеться с Орли за час до свидания с Борькой. У Глеба тоже имелось, что спросить.

Он ждал Орли у полукруглой ротонды входа в «Современник». Орли не опоздала. На ней был всё тот же голубой пуховик La Masa, простёганный квадратами. Сегодня Москву морозило, и Орли подняла капюшон. Она сутулилась и держала руки в карманах.

— Знаете, Орли, странно обо всём этом говорить, но и вправду я ощущаю какую-то ирреальность происходящего, — признался Глеб. — А у вас нет подобного чувства?

Орли ответила не сразу. Они шли по аллее вдоль пруда, и кроны деревьев огрузли после утреннего снегопада. Орли легонько поддала ногой упавшую на тротуар веточку с двумя чёрными листочками.

— Я знаю, что такое предательство, Глеб. Меня уже предавали. И не раз. Так что — нет: в краже отцовских протоколов происков сатаны я не ощущаю. За сатаной, Глеб, вам не сюда, а на Патриаршие.

— Я имел в виду не чей-то злой умысел. Я попробую объяснить так. Я чувствую, Орли, что вокруг меня происходит какое-то искажение реальности. Очень убедительное искажение. И оно отформатировано образами чумы, идеей чумы.

— Глеб, ну какая чума? — Орли взглянула на Глеба с жалостью.

— А вы в курсе, Орли, что никто не знает, что такое чума?

— Вы, Глеб, не врач и не биолог, но вот взяли да и всё поняли! — саркастически сказала Орли. — В интернете нарыли, да?

Глеб не обиделся, Орли была права.

— Более-менее ясно, что такое человеческая чума разных видов. Но есть чума у птиц: птичий грипп.

Есть водоросль — водяная чума. Есть чума оловянная и цинковая: структурное разрушение металлов.

— Есть чумка у собак.

— Человеческая чума — это венец эволюции чумы как таковой. А вообще чума — смерть как болезнь. Не как износ, не как поломка, а как быстрое саморазрушение. Например, СПИД тянет соки год-два-три... А чума — как обухом по голове. Сегодня чихнул, послезавтра закопали.

— Глеб, ну правда — неприятно, — попросила Орли.

— Понимаю, — вздохнул Глеб. — Но у меня чувство, что вокруг меня мир начал рассыпаться. Разлагаться на ходу. Вроде всё как обычно, но вдруг видишь: там — трупное пятно, там — язва, а там — бубон...

— Глеб! — брезгливо окрикнула Орли.

Приближались сумерки. Чистопрудный бульвар был весь в каком-то сказочном озарении. Реклама горела ещё неярко и даже нежно, а пунцовый закат и лиловые тени казались подкрашенными сладкой акварелью. Снег газонов в отсветах витрин был малиновым, янтарным, изумрудным. Бульвар выглядел игрушечным и конфетным, словно открытая коробка с рождественскими подарками. Какая тут чума?

— Я не мальчик, Орли. — Глеб закурил. — Я достаточно насмотрелся всякой хрени, прежде чем получил то, что имею, хотя имею я не много, чуть выше среднего. Но мне хватит, потому что мне на всё наплевать. И реагирую я только на самые сильные раздражители. Сейчас — такой.

— Но я ничего не чувствую. Как насчёт мании преследования?

Орли улыбнулась. Глеб вдруг протянул руку и сдвинул капюшон с её головы. Кудри Орли зашевелились, будто поёжились с мороза.

— Мания преследования — это прекрасно, — задумчиво сказал Глеб.

Ему было как-то мутно. Ночь он проводил со снотворным, а день — с антидепрессантами. Никаких особенных ужасов с ним не стряслось, но не отпускало ощущение, что кто-то всё время шепчется за спиной, кто-то глядит из-за угла. Глеб терялся: где эта слежка происходит, в воображении или в действительности? А точнее, так: в сознании, поражённом чумой, или в сознании, поражённом препаратами?

— Я бы с радостью согласился, что я сбрендил, — признался Глеб, — если бы не одно обстоятельство. То самое, из-за которого в тот раз вы и привезли меня пьяного к себе домой. Ведь вы не нашли объяснений?

Орли вынула руки из карманов, наклонилась, сгребла варежками снег со скамейки и принялась лепить снежок.

— Есть явное пересечение, — сказал Глеб. — Демон Абракадабра. Его имя — заклинание. Ваш отец сделал это имя паролем к файлам с протоколами, а я сфотографировал могилу демона с именем на кресте.

Орли неловко кинула снежок в Глеба и промахнулась.

— Нету пересечения, — сказала она. — Я уже подумала и поняла, что я ошиблась. Погорячилась. Есть только совпадение.

— Нет, всё-таки пересечение, — твёрдо возразил Глеб. — Потому что оба этих события присутствуют в контенте «ДиКСи». Комьюнити со снимком находится там, и файл с протоколами хранился там же. И для «ДиКСи» это одно и то же событие, только в двух версиях.

Орли отвернулась и отошла к краю дорожки. Она смотрела на лазоревую плоскость замёрзшего пруда, на кудрявые белые деревья вдоль берега и на ряды светящихся окон поверх древесных крон.

— И что всё это значит в реале? — спросила Орли.

Глеб пожал плечами:

— Вы говорите, что с вами ничего не происходило. А я уже увидел такие чудеса, что теперь чередую селектру с мелаксеном.

— Как программное обеспечение может влиять на реальный мир?

— Я не знаю. Но догадываюсь, кто знает. Вернее, знал.

— Кто?

Глеб достал сигареты и закурил:

— Ваш отец, Орли Львовна Гурвич. Это он разработал для «ДиКСи» такой софт, что оказались возможны подобные пересечения. Если я не ошибаюсь, он называл это *телеком третьей генерации*.

Орли оглянулась и сощурилась:

— Такое ощущение, что вы предъявляете мне обвинение!

— Обвинение — нет, — Глеб покачал головой. — Но вы не рассказали мне о Льве Гурвиче всего. Поэту я не могу понять, в чём дело.

— А вы разве следователь, чтобы я выкладывала вам всё? — Орли рассердилась всерьёз. — Да я и следователю не сказала бы!

— Я прошу вас, — мягко произнёс Глеб. — Я будто поскользнулся... Ощущение скорой беды. Как у Брэдбери: «Чую, зло грядёт».

Глеб кинул окурок в урну и промахнулся.

— Ну хорошо! — раздражённо ответила Орли. — Повторяю. Про отца я вообще ничего никогда не слышала. Работала журналистом. Полгода назад мне прямо в редакцию позвонил Гермес и попросил о встрече. Гермеса я знала — по прессе. На встрече Гермес объяснил мне про Гурвича и предложил работу: ухаживать за ним. Я согласилась.

— А чем болел Лев Гурвич?

— Чумой! — нагло отрезала Орли.

— Он ведь был наркоман, — спокойно сказал Глеб. — И незадолго до обращения Гермеса к вам Гурвич съехал на самый убойный кайф, да? У Гурвича не было шансов выкарабкаться. Гермес пригласил вас отследить финал, так?

— Чего вы несёте! — взвилась Орли.

— Я вас не обвиняю! Не вы же отцу вмазывали!

— Это вам блядёшка эта ваша сказала, Кабуча, да? Которая сама и таскала пистоны для баяна! — Орли отступила от Глеба. — Да идите вы!

— Орли!..

— Козлы вы тут все в Москве! Все Гермесы ваши, папаши Гурвичи, Мариши Кабучи и ты сам тоже! —

Орли решительно повернулась, чтобы уйти прочь, но Глеб успел схватить её за рукав:

— Да подожди же!..

— Пусти, с-сука! — взвизгнула Орли и дёрнулась всем телом.

Глеб отпустил. Орли от своего рывка едва не шлёпнулась. Она отскочила и яростно смотрела на Глеба, словно с другого берега реки. Глеб подумал: встреча Гришки с Аксиньей на Чистопрудном бульваре, не доходя до «Макдональдса». Мурманский казак и вятская еврейка.

— Так мы ни до чего не договоримся, — осторожно заметил Глеб.

— Не больно-то и хотелось!

Змея гремучая, — про себя усмехнулся Глеб и подал руку.

— Знаешь, почему я в тот раз напился? — спросил он.

— Плевала я, почему ты напился!

— Я думал, что встретил в клубе тебя. А это был демон в твоём облике. Абракадабра. У него во рту была паутина и глаза как камни.

— Плевала я ему в глаза!

Глеб подтянул Орли к себе и вдруг начал целовать её холодные, красно-чёрные и мягкие губы. Где-то вдалеке аукали сирены кортежа, рядом с шумом пролетали автомобили, в ресторане на берегу пруда на оборотах вальса резонировали медово-жёлтые окна.

Глеб вырвался из поцелуя и, придерживая голову Орли рукой, прошептал в тёмные кудри, в ушко:

— Хорошо, что твой отец умер. Я не стал бы целовать дочь босса.

— Я сама решаю, кто меня целует, понял, дурак? — ответила Орли, оттолкнула Глеба и натянула капюшон.

Они пошли дальше по аллее. Орли опять сунула руки в карманы, а Глеб взял её под локоть, будто незаметно конвоировал.

— Знаешь, Гермес не сентиментален, — сказал Глеб. — Подумаешь, партнёр-наркоман ласты склеивает. Это не повод, чтобы тратить кучу времени на поиски родственников.

— Гермес вовсе не для отца старался, — ответила Орли. — Ты чего такой наивняк? Гермес старался для себя. Он хотел заставить отца собрать протоколы. Поэтому притащил меня. Сказал папику Лёве: смотри, какая девочка. Ты её по жизни кинул, так хоть сейчас сделай что-нибудь доброе. Собери протоколы, чтобы завещать ей свою часть «ДиКСи». А то ведь истреплют дочку твою по московским койкам.

— Не говори так, — поморщился Глеб.

— Да ладно, — презрительно хмыкнула Орли. — Подумаешь.

— Давно уже бесполезно спать за какие-то блага. Прошлый век. Секс стоит недорого. Позвонил и купил.

— Весь ты из себя такой современный, креативный, инновационный, с гаджетами, — злобно-издевательски ответила Орли. — А у Славика бабка помрёт, и будет у меня московский муж и квартира на Каширке. Смотрел «Пёс-призрак» Джармуша? Вспомни там диалог. «Не убивай нас, Пёс-призрак, мы ведь живём не в Средневековье!» А он бабах из

пушки: «Простите, ребята, но иногда в Средневековье».

Глебу нечего было возразить.

— Найдёт твой Славик другую подружку... — бес- сильно сказал он.

— Он и мамину титю найти не сможет.

Глеб снова закурил:

— А зачем Гермесу протоколы?

— Чтобы контролировать «ДиКСи».

— А зачем твой отец расфасовал протоколы куда ни попадя?

— Чтобы Гермес не получил контроль над «ДиК- Си» и не вышиб его.

— Ты сама догадалась?

— Папа Лёва и сказал. А чего ему скрывать, чего стесняться? Под конец он уже в открытую бодался с Гермесом за контору.

Глеб вспомнил тот эфир Гермеса и Гурвича. Кто бы мог подумать... Гениальный айтишник и блестя- щий менеджер на деле враждовали. Витальность, избыточность и активность Гурвича, оказывается, были наркотической истероидностью. Гиперемия вместо румянца здоровья.

— Гермес папика перебодал. Это же он посадил папика на бэнч.

— То есть? — изумился Глеб.

— Ну, все эти упыри там наверху, вроде Гермеса или папы Лёвы, время от времени зависают над без- дной, но оттаскивают друг друга. Это у них дело обычное. Но когда была очередь Гермеса оттаски- вать папочку Лёву, Гермес упс — и не оттащил. Па-

почка и покати́лся бильярдным шаром в лузу на Ка-литниках.

— Ты циничная, — заметил Глеб.

— Тебе твоя Кабуча сосёт? Ну и помалкивай, кто циничнее.

— Может, Гермес и украл протоколы? — предположил Глеб.

Орли вытащи́ла пачку Vogue и достала сигарету. Глеб тотчас вытащи́л зажигалку.

— Может, и он, — согласилась Орли. — Только я не верю. Я ему была нужна, чтобы отец собрал протоколы. Отец собрал. Гермес сам привёз нотариуса, помог оформить документы... Он добился всего, чего хотел. Я девка продажная, я не буду бороться за право первородства, так что Гермес легко мог контролировать «ДиКСи» через меня. Незачем красть.

14

У самого входа в «Шоколадницу» Орли остановилась.

— Глеб, — негромко сказала она, — твой приятель — он из «ДиКСи», да?

— Да, — кивнул Глеб. — Один из лучших наших программеров.

— Это он? — Орли указала в окно.

Глеб заглянул в освещённое окно и увидел Борьку за столиком. Борька уже что-то жрал. Перед ним на столе находился раскрытый ноутбук, и параллельно жратве Борька читал с экрана.

— Он. Сволочь, не мог подождать. Мы же опоздали всего минут на пять. Для Москвы это нифига не опоздание.

— Отец говорил мне про него, — сказала Орли. — Говорил, что очень талантливый. Глеб, а ты не пали ему, что я дочь Гурвича, о'кей?

— Без проблем, но почему?

— Ну, много почему... — Орли задумчиво разглядывала Борьку. — По «ДиКСи» пройдёт слух, что базовые протоколы украли... И вообще, это ведь неприятно — быть потерпевшей. Ну, когда все знают, что тебя обокрали, обули, облапошили, как дуру питерскую...

Лохы мы, подумал Глеб, а не скорбящие.

— Я сама буду общаться с этим Борькой, хорошо?

— Да ради бога.

Глеб открыл перед Орли дверь «Шоколадницы».

Борька заметил их на входе и издалека замахал рукой. Он ел пасту «Карбонара»: то есть явился за полчаса до условленного срока, сделал заказ и уже получил его. Это был обычный трюк, чтобы Глеб как приглашающая сторона потом оплатил заказ. Глеб не понимал подобной мелочности и подобных ухищрений. Ему ведь не жалко было накормить Борьку за свой счёт, зачем же тогда дешёвые уловки?

— Это Оля, — представил Глеб Орли. — А это Боря.

Бобс то ли кивнул, то ли мигнул, глядя на Орли снизу вверх.

Глеб и Орли уселись за столик: Орли — рядом с Борькой, а Глеб — напротив. Борька выдернул из

держалки салфетку и начал вытирать масляные от пасты губы.

— Это ничего, что я хаваю? — спросил он.

— Ну что с тобой поделаться, — вздохнул Глеб. — Вот Оля хочет тебе показать один ресурс, чтобы ты дал консультацию.

Борька быстро, но так откровенно осмотрел Орли, что сразу стало ясно, какой её ресурс Борьку интересует больше всего и по какому вопросу он хотел бы дать консультацию. Орли это заметила.

— Но будет просьба, Борька, — сказал Глеб. — Даже две. Во-первых, говори по-русски, а не на своём птичьём языке: мы же должны понимать, что ты имеешь в виду. Во-вторых, без мата.

— Показывайте свой ресурс, посмотрим, — согласился Борька, вытирая салфеткой и пальцы. — Всё подключено, здесь вай-фай.

Локтем он придвинул ноутбук Орли.

— У меня дело вот в чём, Боря, — заговорила Орли, глядя в экран и что-то набирая на клавиатуре. Лицо её от экрана стало голубым. — У меня есть, э-э... папка с файлами...

— В «ДиКСи», да? — уточнил Борька, искосаглянув на экран.

— В «ДиКСи»... Вот эти файлы... Вход сюда был запаролен. Пароль знала только я. Но его взломали хакеры...

— Взламывают кракеры. Хакер — тот, кто может всё. В том числе и взлом. А взломщики — кракеры.

— Борь, мне это не важно, — вежливо сообщила Орли.

— Не выпендривайся, — попросил Глеб.

— Посмотри, плиз, Боря. Я всё своё открыла. — Орли подвинула ноутбук обратно Борьке. — Я хочу знать, кто взломал мой пароль, когда и зачем. Хочу узнать, можно ли вернуть украденные документы и восстановить статус-кво — прежнюю ситуацию?

Глеб смотрел, как двигаются чёрно-красные губы Орли, когда она говорит: «Я всё своё открыла... посмотри...» Бобс, конечно, тоже ощутил это эротическое наваждение. Он не стал ёрничать, бухтеть, а молча уткнулся в ноутбук, словно загипнотизированный.

К столику подошла девушка-официантка.

— Мне чашку американо, — сказал Глеб.

— И мне, — буркнул Борька.

— А мне латте.

Борька быстро стучал на клавиатуре, и по звуку казалось, будто у него там что-то жарилось и скворчало, как блинчики на сковородке.

Глеб не любил в кафе выкладывать рядом с собой на столик все телефоны, которые имел при себе: это ему казалось чем-то нарочитым и бестактным. И теперь айфон на вибрации торкнулся в нагрудном кармане пиджака, словно перебой в сердцебиении. Глеб достал айфон и увидел, что пришла SMS от Борьки. Видимо, Борька вышел в сеть телефонии с ноутбука — так, чтобы не заметила Орли.

«Ты че не сказал что она доч гурвича яже ее знаю по фоткам», — написал Бобс. Он чуть ли не весь спрятался за поднятым экраном.

— Извини, — сказал Глеб Орли, показывая айфон: типа как «надо ответить, важный вопрос». Орли понимающе улыбнулась.

«А тебе какая разница?» — ответил Глеб.

«Сиски полный ахуй», — написал Борька.

«Вечный пубертат, — подумал Глеб. — Мученик стояка».

— А какой у вас был пароль? — спросил Борька. — Или это секрет?

— Уже не секрет. — Орли пожала плечами. — Давай напишу...

— Не-не-не! — всполошился Борька, отворачивая от Орли экран ноутбука, чтобы Орли не увидела интерфейс SMS-связи. — Лучше так!..

— Слово «абракадабра» латинскими буквами.

Брови Бобса полезли на лоб. Что-то там себе Борька понял, но SMS прислал совсем о другом: «Давно ее пендюреш?»

Подошла официантка и выставила на столик две большие чашки американо и массивный фужер с белой шапкой латте. Орли подняла фужер и, глядя на Глеба смеющимися глазами, медленно взяла губами конец соломинки — так, словно поцеловала.

«В попку давала?» — не унимался Бобс.

«Работай, гад, а не мечтай», — злобно ответил Глеб.

— Короче, — сказал Борька, — это не пароль у вас. Это пассворд.

— Я просил по-русски, — напомнил Глеб.

— Пароль — просто комбинация символов. А пассворд — программа. Точнее, набор программ. Когда взламывают пароль, его надо открыть сразу весь, а пассворд можно по частям, по буквам. В слове «абракадабра» одиннадцать знаков, пять букв: «а», «бэ», «рэ»...

Борька замялся, перебирая слово.

— «Ка» и «дэ», — добавил Глеб.

— Да. Если обозначить «а» — «один», «бэ» — «два», «дэ» — «три», и так далее, то у нас получится последовательность... — Борька глянул на экран. — «Один-два-пять-один-четыре-один-три-один-два-пять-один».

— Зачем эта кабалистика? — изумилась Орли.

— Каждая цифра — это вид ссылки. Последовательность цифр — это последовательность ссылок, она — такой вот код, который приводит в действие некую программу.

— Ой, бли-и-ин... — застонал Глеб. — Как у вас всё сложно...

— Да нихера не сложно, — хмыкнул Борька. — Это же так, ребусы. Даже не простейшие функции.

— Так! — Глеб уткнул оба указательных пальца в виски, словно восстанавливая целостность своей раздвоившейся головы. — Какую программу включает пассворд?

— Этого я не знаю. Это зависит от того, на какие тексты созданы ссылки, обозначенные буквами «а», «бэ», «дэ», «кэ», «рэ».

— А кто знает?

— Кто сгенерил этот пассворд, тот и знает. Одно понятно: эта программа — файрволл, защитная опция. Кто знает кодовое слово, ну, абракадабру по-латински, тот спокойно входит в папку с документами. Кто не знает, тот взламывает пассворд, и на него за это нападает файрволл. И ему наступает жопа.

— А что с ним происходит? — спросила Орли.

Её смеющиеся глаза теперь горели зелёным огнём мести.

— Ну, вряд ли файрволл — вирус, даже могучий. Вирус — подляна, пускай и охеренная, а пассворд сгенерил такой гуру, который не будет заниматься подлянами. Он тотальную чуму замостырит — чтобы вора совсем наповал.

Глеб закурил. Цвета «Шоколадницы» были согласованы друг с другом, как кофе с молоком: тут и краснота карамели, и томные тона какао, и леденцовая желтизна, и телесность сливок... Но уют казался уже слишком назойливым и беспросветным, бессмысленно-приторным, словно конфета, которая растаяла в ладони, а ты её слизываешь.

— Я даже так скажу, — продолжал Борька, — файрволл не мстит вору адресно и не мстит, так сказать, сам собою. Этот файрволл вообще... ну-у... просто стукач. Он уходит куда-то в софт всего «ДиКСи» и там что-то активирует. Ну, если бы он убежал в «ДиКСи» как в большую банду и там нажаловался: вон тот козёл меня обокрал, избеите его! И козлу, который взломал пассворд, мстит уже весь «ДиКСи», вся банда. А как мстит — знает уже только «ДиКСи».

— Что-то титаническое, — с уважением сказал Глеб, затягиваясь.

Борька тоже закурил, а потом и Орли. Они молчали все трое, размышляя каждый о своём. Глеб думал, что вот они сидят в кафе «Шоколадница», а в виртуальном пространстве собираются грозные силы возмездия, порождённые гением преданного инженера Гурвича.

Орли достала айфон, и скоро в айфон Глеба толкнулась её SMS. «Он говорит не всё, что знает. Я это чувю, — написала Орли. — Сможешь его расколоть?» — «Попробую», — пообещал Глеб и сразу написал SMS Борьке: «Сука, ты знаешь че-то еще, говори!!!» Борька косил глаза на экран ноутбука, прочёл послание от Глеба и сказал:

— Можно восстановить содержание файлов, но это уже не то. Как я понимаю, их ценность заключалась в том, что они были единственным экземпляром. А сейчас их отбэкапили по полной.

— Отбэкапили — это скопировали? — уточнила Орли.

— Угу.

— Мне всё равно нужно их восстановить, — вздохнула Орли. — Даже если у кого-то будет их копия...

«Протоколы суть завещания отца, — пояснила Орли Глебу SMS. — С ними я буду иметь права на дикси хотя бы де-юре».

— Наймёте — восстановлю, — согласился Борька.

Одновременно от него в айфон Глеба упала SMS: «Не говори ей!!!! Это я ломал пароль. Понел? Это я!!!!!! Я воше всё знаю про эту херню. Кто забрал знаю. Меня нанели я же не знал,, что она твоя па-друга».

Глеб остолбенел.

— Конечно, я заплачу, — пообещала Орли. — Сколько?

— Тут несложная работа, но просто муторно, полдня надо батоны давить. Короче, двести баксов.

Борька торговался как ни в чём не бывало, будто это не он участвовал в ограблении Орли — или не он только что сознался в своём участии. Глеб мог бы подумать, что Бобс — великий артист, но на самом деле у Бобса был просто какой-то многоканальный разум.

— Хорошо.

«И чо ты хочешь за информацию о заказчике?» — спросил Глеб.

— А когда я смогу получить содержимое файлов? — спросила Орли.

— Н-ну... Завтра я занят, а так... — Борька поковырял пальцем в ухе. — Короче, послезавтра вечером я могу всё восстановить.

— Договорились.

— Я на флешку запишу — и после расчёта её вам отдам. Только вы не возвращайте содержимое обратно в файлы. Расшарят, сто пудов. Так и держите запись на флешке.

«Зделай так чтобы кабуча мне дала», — потребовал Борька.

Глеб изумился даже больше, чем когда узнал о злодеяниях Бобса.

Борька требует, чтобы Глеб обеспечил ему секс с Кабучей, — оф-фигеть!! Похоже, у «Поколения Пу» появилась новая валюта: не бабки и не инфа, а коннект. Разговоры ушли в Сеть, реальный секс доступен за деньги со спецперсоналом. Тренд — совмещать базар и трах. Верно сказал Экзюпери, подумал Глеб: «Единственная настоящая роскошь — это роскошь человеческого общения». В эпоху соцсетей

и онлайн-кастингов слова Экзюпери обрели буквальное значение.

«Я не могу за Кабучу ручаться!» — ответил Глеб Борьке, а для Орли написал: «Борька обещал узнать, кто украл протоколы».

— Можете хоть пять носителей иметь, — Борька продолжал поучать Орли, — но вообще не вводите эту запись в компьютер, если с него ходите в Сеть. Вам троян вобьют — не заметите, и всё равно расшарят.

«Ты мне даешь кабучу,,, я тебе сливаю закашика или розбегаемся», — настаивал на своём Бобс. «ОК», — кратко согласилась Орли. Глеб подумал — и переадресовал её SMS Борьке.

— Девушка! — Глеб помахал рукой, подзывая официантку.

«Незлисья», — написал Бобс.

15

Слава — тот, который жил с Орли, — быстро подсел на чуму. Он уже пасся в комьюнити Глеба, как свой среди своих. Глеб обнаружил Славу, когда перед сном решил проведать *летучих обезьян*.

Slava: Друзья! Оказывается, у чумы были свои флаги! Сначала был черный, потом на него крест-накрест добавили белые полосы. Этот флаг присвоили себе пираты, они заменили полосы костями и дорисовали череп. Так получился Веселый роджер. Он означал, что пираты такие же страшные как чума. Потом флагом чумы стал

черный крест на желтом поле, а сейчас — просто желтый флаг.

D-r_Pippe: Ааааааааа!!!!!! Цвета Билайна!!!!!! Я всегда говорил что Билайн чума!!!!!!

Slava: Флаг чумы вывешивался над кораблями или городами, при нем все другие флаги положено было снимать. Это означало, что здесь юрисдикция чумы, государство чумы и король чума!

KozaDereza: У Эдгара Алана По есть рассказ Король Чума. Новела. Там два пьяных матроса убегают от кабатчика и стражи и укрываются в запретных чумных кварталах Лондона. И там встречаются сатанинскую группу короля чумы. Они пируют. Страшный рассказ а чем не сказать

Zitadel: Э.По написал «Короля Чуму» примерно в то же время, когда А.Пушкин написал «Пир во время чумы». И оба произведения про Великую Лондонскую чуму! Пугающее совпадение!

KozaDereza: Пир вольный пересказ сюжета из пьесы английского поэта Джона Вильсона Чумной город, которая про чуму в Лондоне

Prizel: «Пир» Пушкин написал в 1830 г. в «Болдинскую осень», когда его задержали в деревне карантины против эпидемии холеры.

Kuporos: Супотницкий называет Лондонскую чуму «Погибелью благополучных». Самое известное описание: роман «Дневник чумного года», 1722 год. Вот ссыль на Мошкова. Автор Даниэль Дефо, который за 3 года до этого романа прославился книгой «Робинзон Крузо».

L-a-p-k-a: Я читала «Робинзон»!! Удивительное произведение! Какой мужественный человек этот

Робинзон! Книга про то, что в любых обстоятельствах всегда надо оставаться человеком!

D-r_Pippez: Да он педик!!!!!! Спросите у Пятницы!!!!

KozaDereza: Вообще то это одно из основных произведений эпохи Просвещения. Про то, при каких условиях разумный человек построит утопию, то есть идеальный мир

Infarkt: У Дж. Лондона есть роман «Алая чума», его мало знают. Там чума в 2013 г. уничтожила все человечество. Остались только несколько одичавших племен. Считается, что с этого романа началась литература про жизнь после апокалипсиса.

D-r_Pippez: Как жы тагг!!! Я собралсо ждать ко-нецвето 12.12.12, а люди говорят рано исчо??! До 2013 у меня тушонка испортицо!!!!

Miroed: «Метро 2033» тоже псле ядерной войны. Там чума убивает жителей станций метро под радиактивной москвой.

Slava: Есть фантастический роман Э.Нортон «Зачумленный корабль». В детстве читал. Так что и в космосе чума.

KozaDereza: Во время чумы «черная смерть» умерла Лаура возлюбленная Петрарки. Правда ей тогда было уже около 40 лет

Nan_Madol: Чума Черная смерть во Флоренции в 1348 году — это завязка бессмертного Декамерона Боккаччо, который написан в 1354 году. Три кавалера и семь дам бегут из зараженной чумой Флоренции на виллу и развлекают друг друга разными историями.

Курогос: А вот такого никто не ожидает. Ссылка.
Глеб прошёл по ссылке:

«Автор этой незамысловатой песенки — кутила и гуляка, венский уличный артист и акробат. В 1678—1679 году на австрийскую столицу обрушилась чума. Умер каждый третий из ста тысяч горожан. В самый разгар эпидемии наш герой вывалился ночью из кабачка пьяный до чертиков и упал в яму, где лежали приготовленные для погребения трупы умерших от болезни. Ничего не поняв, гуляка заснул, а утром с ужасом обнаружил себя практически в могиле. Он пулей вылетел наверх, потрясённый таким жестоким столкновением с брэнностью жизни, и вскоре его печальную песенку распевала вся плачущая Вена:

Деньги украли, девушка сбежала,

И сам я ночь провел в грязи.

Так же и веселая Вена распрощалась с праздником,
И теперь у нас чума!

Ах, мой милый Августин, Августин, Августин,

Ах, мой милый Августин, всё пройдёт, всё!»

Глеб почувствовал, что волосы на его руках встали дыбом. А после ссылки на Августина Глеб увидел коммент от самой Орли:

Orli: «Чума на оба ваших дома!». Шекспир. «Ромео и Джульетта».

Орли тоже втянуло в комьюнити.

KozaDereza: Я была в вене на практике видела Чумной Столб в память о той чуме. Надо же! Он называется Пестзойле

Prizel: Кстати, да. В городах Европы после чумы ставили Чумные столбы — колонны со статуей Девы Марии в благодарность за спасение.

Kuporos: Вот каталог Чумных столбов в Европе. 29 штук. Самый старый в городе Клермон-Ферран во Франции, 10 век. Как тип Чумной столб сформирован колонной 1614 года у церкви Санта-Мария-Маджоре в Риме. Самый пышный барочный столб — в Оломоуце, 1754.

Купорос уже раздражал Глеба своими забегами вперёд. Кто он? — подумал Глеб. Чего всем этим людям не хватает в жизни, если они пошли в Сеть? И самое главное: они нашли здесь то, чего искали?

Prizel: Чума отражена в древнейших сказаниях человечества. В шумерском эпосе о Гильгамеше, царе города Урук, на двенадцатой глиняной плитке клинописью описан Урук, где побывал бог смерти и мора Эрра. Мертвецы лежали на улицах и площадях города, лежали в домах, плавали в Евфрате. Эпидемию пережил только первочеловек Утнапиштим: боги Месопотамии дали ему бессмертие. Увидев чуму и первочеловека, Гильгамеш решил добыть бессмертие для всех людей.

Глеб посмотрел другие посты этого автора. Похоже, Prizel был профессиональным историком — или очень компетентным любителем.

Slava: О! От чумы умер Перикл, строитель Афин! Он так долго умирал, что его посчитали готовым и начали оплакивать, перечисляя его хорошие дела. А он вдруг поднял голову и сказал: «Вы забыли ещё одну мою заслугу: я никого не осудил на смертную казнь!»

D-r_Pippez: Я в селезаххххх... Я плачоооууу!!!!

Zitadel: В мифах Зевс наслал на Афины чуму. Зевса просил об этом царь Крита Минос. Он подо-

зревал, что афинский царь Эгей убил одного из его сыновей. Оракул сказал афинянам, чтобы каждый год присылали Миносу семь юношей и семь девушек, их будет съедать Минотавр, другой сын Миноса, а Минос не будет напоминать Зевсу о чуме для Афин. С этого начинается миф о Персее и Ариадне.

L-a-p-k-a: Такая прекрасная скаска!!

Kuporos: Ещё одна сссыл. Это интересно. Чума в Библии.

Глеб прошёл по сссылке:

«В Первой книге Царств рассказывается, как филистимляне, враги сынов Израиля, в бою отбили у израильтян ковчег Завета — священный сундук с ручками, в котором хранились каменные скрижали, сосуд с манной небесной и посох первосвященника Аарона. Филистимляне принесли ковчег в город Азот, нынешний еврейский Ашдод, и поставили перед статуей бога Дагона, бородатого получеловека-полурыбы. Но богу Израиля это не понравилось, и он наслал на Ашдод чуму. Филистимляне перенесли ковчег в город Геф, но чума от них не отстала. Они снова перенесли ковчег, теперь уже в город Аскалон, ныне Ашкелон, но чума продолжалась и там. Тогда филистимляне решили вернуть ковчег евреям и в знак просьбы о прощении вложили в него отлитые из золота чумной бубон и фигурку крысы».

Глеб читал, что там члены комьюнити нарыли про чуму, и думал, что эти розыски в Сети — не три воза копияста, а гипертекст, сшитый сложными внутренними взаимосвязями. Судьба — сюжет, а её

смысл — гипертекст. Судьбу проживают, а смысл можно только прочесть.

Тексты, слагающиеся в гипертекст, — это образы. Где брать такие тексты, всегда решает культура эпохи. Древние греки брали из своей мифологии. Люди Средневековья черпали из религии. Позитивисты обращаются к истории. Пользователь двадцать первого века лезет в Википедию.

Как увязать отобранные тексты в общий гипертекст, определяет господствующая форма коммуникации с трансцендентным. Грек Перикл понимал волю богов Олимпа, когда видел знамения и слушал оракула. Блаженный Августин постигал истину, толкуя притчи и аллегории из святоотеческих откровений. А для юзера Глеба Тяженко поиск объективности шёл через ссылки и цитаты контента Web 2.0.

Негодование на такой способ осмысления мира означало ношение невидимой сермяги. Или просто тягу на общение с идиотами.

L-a-p-k-a: А скажите мне люди, вот есть скаска про дудочника, который заиграл и увел детей вместо крыс, это веть тоже про чуму?

D-r_Pippez: Гамельнский крысолов! Он же Угрюмый дудочник! Ййoooпт!!! Как жы я сам не догадалсо, что это про чуму!!!!

Kuporos: Тупо перепост. Чтобы сразу без разночтений. Вот:

«Легенда о Гамельнском крысолове повествует о событиях 1284 года в немецком городе Гамельне. Город заполонили крысы, и жители не могли с ними справиться. Тогда некий бродячий флейтист вы-

звался избавить город от крыс, если магистрат заплатит ему столько золота, сколько он сможет унести. Магистрат согласился. Крысолов заиграл на флейте, и все твари вылезли на звуки музыки. Флейтист увёл грызунов к реке Везер, и крысы утонули. Но магистрат обманул крысолова и не заплатил ничего. Тогда флейтист снова заиграл и выманил из города 130 малышей. Дети ушли за флейтистом на гору Коппен и пропали неведомо где. Уцелели только двое: глухой мальчик и маленькая девочка, которая отстала от толпы вокруг флейтиста».

Infarkt: Не знаю, как кому, а для меня — ужас.

D-r_Pippez: Это был аццкий сотона!!!!

Prizel: Нашествие крыс предвещает чуму. Магистрат нанял дудочника, чтобы тот уберёг город от эпидемии. В отместку за неуплату дудочник взял с города ту цену, которую взяла бы чума.

Prizel: Есть другие версии объяснений Крысолова. Например, он — аллегория Крестового похода детей 1212 года. Или олицетворение феодального принципа изгнания из семей младших сыновей, которым не хватало наследства.

D-r_Pippez: Может он пидофил?????

L-a-p-k-a: А мне кажется это про цыганов. Они детей воруют

Kuporos: Сходите на сайт Крысолова. В Гамельне настоящий его культ. Стоит Дом Крысолова, частично 13 век. Фигурами флейтиста, крыс и детей украшены фонтаны, витражи и городские часы. Есть фестиваль и мюзикл. Музей, ресторан, гостиница, туристский маршрут. Даже булочки там пекут в виде мышек.

Л-а-р-к-а: Спасибо за совет! У меня муж собирается вести семью куда ни будь, теперь предложу ему Гамельн!

Nan_Madol: Крысолова объединяет с чумой не только гибель людей. Оба они — экзистенциальные. Крысолов — символ жесточайшей мести за малейшую несправедливость. Для Бога не характерна такая несоразмерность, а Дьяволу здесь нечем поживиться. Удивительно: Крысолов — не Бич Божий и не змей-искуситель. Кто он?

И вдруг Глеб как-то затревожился. Он отскролил весь разговор о чуме к началу и начал считать. Шестнадцать участников комьюнити. Пятерых он знал лично: Крохобог, Kabu4a, Slava, Orli — это Борька, Мариша, Слава и Орли. Hubble — он сам. Оставалось одиннадцать незнакомых: Kuporos, KozaDereza, Nan_Madol, D-r_Pippez, Infarkt, Prizel, Zitadel, Miroed, L-a-p-k-a, Outsider и YMHEEBCEX. Что за дьявольщина! В слове «абракадабра» пять букв и одиннадцать знаков!

Кабаалистика — сказала про это Орли, вспомнил Глеб. Нумерология. Жонглирование цифрами. Совпадение. И почему это незнакомцев 11? Нет. Outsider — его одноклассник Саша Мухин. Был. Если он и вправду погиб, как сообщил этот странный YMHEEBCEX...

Глеб вошёл в комьюнити и настучал пост.

Hubble: Алло! Outsider! Мухин! Отзовись!

Его пост выскочил после вопроса, что задал Nan_Madol, как поплавок из глубины. И тотчас — так быстро, что невозможно успеть ответить, — под ним появился следующий пост.

УМНЕЕВСЕХ: Чтоле не вериш? Ево уже нет. Нет рыболова и нет крысолова. Дети в воде. Я же говорю. Это одно. Мелкая неприятность --- укуз блохи, шаг нетуда --- а за это сразу смертная казнь!!!!!! Чюма.

16

С согласия Гермеса Глеб нанял в «Останкино» съёмочную бригаду и арендовал оборудование. В Отрадном, в офисном комплексе «ДиКСи», один из залов бывшего НИИ временно переделали под телестудию. Гермес готовился к записи презентации.

— Личных объяснений не всегда достаточно, — озабоченно говорил он Глебу. — Мне нужен промо-ролик, где идея канала «ДиКСи-TV» была бы изложена внятно, доступно и наглядно. Займитесь этим, Глеб.

Глеб написал сценарий для ролика. Гермес прочёл и утвердил его, хотя оставил большие лакуны для стенд-апов. Потом Глеб собрал тивишников у себя в кабинете и объяснил, что он желает увидеть в итоге. Тивишники — два оператора, режиссёр, осветитель, инженер монтажа, звукарь, художник и гримёрша — вроде бы поняли.

Концепция видеоряда, придуманная Глебом, заключалась в сочетании архаики и супермодерна, классики и science fiction. Самый выразительный фьюжн — нечто старое-знакомое на фоне чего-то дивного и небывалого. Например, суровые и древние истуканы моаи с острова Пасхи, запрокинув-

шие лица на спаренные башни Куала-Лумпура. Или хрупкий храмик Покрова на Нерли, освещённый нежным огнём спиральной галактики М88 из созвездия Волосы Вероники.

Для ролика, точнее, для образа Гермеса в ролике Глеб придумал следующее. Пусть Гермес в стендапе идёт мимо стекающих цифровых лент, как на титрах фильма «Матрица». Камера будет отслеживать все жесты Гермеса, все его движения, положения рук. А потом надо будет подобрать похожие позиции на фреске «Афинская школа» из Станца делла Сеньятура в Ватикане: скажем, указующий перст Платона, или сократовский счёт на пальцах, или нервно растопыренную пятерню Аристотеля, или бумажный лист в руке лежащего Диогена — точно Диоген держит айпэд. Фрагменты фрески монтажёр наложит на фазы прохода Гермеса, и получится, что античные мудрецы словно бы полупрозрачно отслаиваются от Гермеса, повторяя его пластику. Для монтажёра проморолика Глеб заказал в OZONe роскошный альбом Рафаэля с репродукциями «Афинской школы».

Общую ситуацию Гермес растолковал Глебу уже давно. Он хотел продать государству большую половину «ДиКСи» и превратить портал в частно-государственную интернет-компанию. Это избавило бы «ДиКСи» от главных рисков и проблем бизнеса, а для топ-менеджеров фирмы означало бы, что все блага мира у них в кармане.

Глеб помнил тот разговор с Гермесом.

— Вас не прельщает статус Стива Джобса или Билла Гейтса? — лукаво спрашивал тогда Глеб. —

Вам больше по душе статус Алексея Миллера или Константина Эрнста?

— Признаюсь, да, — ответил Гермес. — Джобс или Гейтс — ориентиры для Льва. Он сторонник рыночного пути развития «ДиКСи» по аналогии с Apple, Microsoft или Google. Это, конечно, Глеб, круто, стильно и так далее. Но чего мы хотим? Мы хотим быть несчастными русскими гениями, которым злобное самодержавие не позволило вырасти в Джобса и Гейтса? Или мы хотим иметь работающую фирму? Если ответ «намба ту», — значит, надо срастаться с государством. В России иначе нельзя. Увы. Не я придумал такие правила игры. К сожалению, Лев не хочет этого понять. Мы ссоримся. Но я найду слова его убедить.

И Гермес нашёл, — подумал теперь Глеб. — Сделал предложение, от которого невозможно отказаться.

— Лучший способ срастания — продажа государству контрольного объёма активов, — сказал тогда Гермес. — А вы — акционер «ДиКСи», Глеб?

— Пока ещё нет, Александр Давидович.

— Ну, всё впереди. Вы молоды и успешны.

В большом зале смонтировали экраны, Гермесу для стенд-апа постелили резиновую дорожку, установили съёмочную аппаратуру: светильники Logokam, отражатели, камеры-камкордеры, мониторы и микшерский пульт, ещё что-то. На полу змеились толстые кабели. У стены, как копья, стояли микрофоны-пушки на выдвижных штангах.

Гермес внимательно слушал указания режиссёра, который водил по воздуху рукой туда-сюда, объяс-

няя правила движения, и сверялся с листочками распечатки сценария. На Гермесе был серый вельветовый блейзер от Славы Зайцева: Гермес показывал, что он вхож в бомонд. А вот загар у Гермеса имел странный пепельный оттенок, словно Гермес загорал под озоновой дырой.

Гермес похлопал режиссёра по плечу и оглянулся на Глеба:

— Вы прочитали мои наброски, Глеб?

— Да, Александр Давидович. Без возражений.

— Н-да, — задумчиво сказал Гермес, — надеюсь, всё это не зря. Если сейчас мы не успеем вскочить на поезд, другого случая придётся ждать неизвестно сколько...

Гермес хотел крутить ролик канала «ДиКСи-TV» на Московском венчурном форуме в центре Digital October. Форум соберёт самых разных бонз: комиссаров из правительства, управляющих банками, представителей госкорпораций, директоров Ростелекома, РОСНАНО и фонда «Сколково».

Глеб знал, что Путин дал старт цифровому телевидению ещё в 2009 году. К 2011-му прояснилась ситуация с тремя мультиплексами телеканалов, то есть пришла пора определяться с платным вещанием в цифре на базовой платформе государства. Настало время большой драки за пирог. Гермес имел амбицию участвовать в этой драке со своим «ДиКСи-TV». И у Гермеса были все шансы победить.

При Путине возродилось родное-совковое тиви, где оппозиции нет места. А любое интернет-телевидение было бы оппозиционным априори. Любое — кроме «ДиКСи-TV». «ДиКСи» не снимал сю-

жетов, он был просто коллажем. Дайджест из контента лояльных каналов тоже будет лояльным. Зато форма у него — современная: *телеком третьей генерации*. Государство должно было клюнуть на такую замануху.

К Глебу подошёл режиссёр.

— В принципе, всё готово, — сообщил он. — Контрольный прогон делать будем?

— Давайте, — согласился Глеб.

— Давайте, — кивнул Гермес.

Режиссёр повёл Гермеса на линию старта и на ходу громко захлопал в ладоши, привлекая внимание группы.

— Ахтунг! — закричал он. — Начинаем кибениматографировать!

Глеб смотрел, как режиссёр репетирует с Гермесом и операторами на ярко освещённой дорожке прохода — словно в тоннеле посреди сумрака. Гермес был образцовый денди: артистичен и аристократичен, одновременно интеллектуал и модник. Он выглядел как-то правильно, как-то органично, и казалось, что его убеждения, его поступки — тоже правильные. Невозможно было поверить, что Гермес — банально сука.

— «Теле-ДиКСи» — это индивидуальное телевидение, — говорил Гермес, глядя в камеру. — Телеканал, который будет личным ти-ви для каждого клиента. Главный бонус портала «ДиКСи» — автоматический поиск комьюнити: то есть «ДиКСи» «подбирает подходящую компанию». — Гермес пальцами показал возле ушей кавычки. — Интернет-телеканал «ДиКСи-TV» сформирует клиенту

интересный именно ему контент: дайджест из материалов всех других каналов.

Рядом с Глебом стоял художник ролика. Он держал перед собой раскрытый альбом Рафаэля и сравнивал жесты Гермеса с жестами античных мудрецов на фреске «Афинская школа», а попутно бурчал:

— Чем больше бабла, тем меньше свободы прессы...

— Свобода прессы и прочие гражданские общества нынче уже не актуальны, — сообщил Глеб. — Когда есть айфон, свобода — не тренд.

— Откуда тогда враньё, цензура?

— Бабло позволяет своему носителю строить для себя удобный мир. Сфэру, — издевательски пояснил Глеб. — Баблобабл. А враньё и цензура — способы постройки баблобабла, но слишком уж топорные. Скоро их исключат из инструментария баблостроевца, как из арсенала врачей исключили кровопускание.

Глеб думал про Гермеса. Значит, Гурвич хотел иметь бабло, развивая «ДиКСи» как частную компанию. А Гермес хотел навариться, продав «ДиКСи» государству. И они схватили друг друга за горло. Гермес подсадил Гурвича на наркоту, а Гурвич спрятал свои протоколы в софте. В результате оба лишились возможности что-либо делать. Они уткнулись друг в друга лбами, как два барана на мосту: «помотал один рогами, уперся другой ногами...»

Режиссёр и операторы уже начали запись стендапа. Гермес шагал по дорожке и говорил, оборачиваясь на камеры. Параллельно ему в темноте крался звукарь, подвесив над Гермесом микрофон на штанге.

— «ДиКСи» — портал нового качества общения человека с машиной, то есть с компьютером и с Сетью. «ДиКСи» — портал тонкого понимания машинной человеческих потребностей, — убедительно внушал Гермес хорошо поставленным голосом. — Машина формирует вокруг человека его личный, индивидуальный мир — моносферу, в какой человеку жить интересно и комфортно. Этот мир не лжив, он не противоречит реальности. Он неповторим и уникален. Он создаётся персонально для каждого пользователя — именно для него.

Каждому, бля, по потребностям...

Момент бифуркации настал тогда, когда начался общий переход TV с аналогового на цифровое вещание, — продолжал размышлять Глеб. — «ДиКСи», понятно, государству не был нужен. Однако на базе портала можно было создать интернет-телеканал, а вот он-то мог бы заинтересовать государство, которое имело амбиции взять интернет под свой контроль. Государственный интернет-телеканал «ДиКСи-TV» в Сети стал бы авианосцем среди шаланд, полных не только кефали.

Хотя Гермеса волновали не проблемы государства, а собственные бонусы. Для них Гермесу требовалось заполучить протоколы Гурвича — основу софта «ДиКСи». Без этого «ДиКСи» на рынок не выставить.

— «ДиКСи-TV» формирует новую парадигму журналистики, суть второй древнейшей профессии, — с улыбкой, раскованно излагал Гермес. — Журналистике остаётся её первичная функция — сообщение новостей. Журналистика завершается как

общественная деятельность. Исчезает понятие аудитории как комьюнити взаимного интереса. Нет площадки общего присутствия. С «ДиКСи» каждый сам себе журналист. В информационном consumer society не существует универсальных тем. У каждого — свой мир, эти миры пересекаются, но не агрегируются.

Глеб всё это уже слышал от Гермеса, читал в сценарии, а потому думал про Гурвича, Орли и Борьку Крохина. Зря Бобс решил, что он — носитель тайны. Его тайна открывалась логикой поступков и ситуаций.

Чтобы продать «ДиКСи», Гермесу нужны были протоколы Гурвича. И Гермес поступил по-иезуитски. Через Кабучу он усилил Гурвичу дозу — и привёл ему потерянную дочь. Дескать, ты подыхаешь — так отдай ей протоколы: как наследство и как компенсацию за былое равнодушие. Гурвич так и сделал. Что ему ещё оставалось? Он проиграл и умер.

Глеб рассматривал Гермеса. Какой же, блин, красивый мужик. И умный. И талантливый. И энергичный, и волевой. И сука.

Это он нанял Бобса, который взломал пароль Гурвича, потом скопировал протоколы для Гермеса, а у Орли — стёр их. Теперь «ДиКСи» принадлежит Гермесу со всеми потрохами, а Орли не имеет ничего. И даже если она восстановит протоколы — что из этого? Она проиграет Гермесу все суды, а Гермес теперь всё равно уже имеет ключик, которым надо время от времени заводить ходики «ДиКСи».

— «ДиКСи» — не благотворительность, — весело говорил Гермес. Он стоял перед камерой, расставив

ноги и сунув руки в карманы. Его поза означала: «Я убираю руки, потому что я хочу разговора, а не драки, ведь в драке я вас побью!» — «ДиКСи» — это платный портал интернет-сервисов, это успешный бизнес и продукт инновационной экономики.

Режиссёр что-то на пальцах беззвучно показывал операторам, как рейнджер, отдающий приказы во время разведки в тылу врага.

— Во-первых, «ДиКСи» нарушает традиционный экономический закон о порождении предложения спросом. Был ли запрос на айфон, пока не было айфона? Так же и «ДиКСи»: он сам формирует запрос на себя.

Свет на съёмочной площадке переменялся с голубого на зелёный, а Гермес повернулся к другой камере.

— Во-вторых, как бизнес «ДиКСи» существует, пока не создан, — он привлекает инвестиции. Как только он доделает и раскрутит все свои революционные продукты, прибыль станет рутинной вроде налогов и перестанет быть бизнесом. Это тоже черта инновационной модели.

Гермес опять повернулся, а свет опять поменялся. Глеб знал это правило съёмки: новая мысль — новый жест — новая картинка.

— В-третьих, «ДиКСи» инновационен ещё и тем, что как бизнес он чем дороже — тем доступнее. Его пользователи — люди с достатком, и они инвестируют в «ДиКСи» свой статус. Тем самым они раскрывают ресурс, помогают снижать тарифы и делать портал доступным всем!

Гермесу можно было аплодировать: он выдал в кадр такой пафос, что покупатель должен был раскошелиться прямо у экрана.

К Гермесу подошла девушка-гримёрша и салфеткой промокнула влажный лоб, а потом тампоном чуть-чуть подправила скулы.

— Давайте ещё на врезку запишем, — скомандовал режиссёр. — Где ваш айфон? Сейчас и сделаем! Давайте, положение Джобса, ага...

Гермес взял в руку айфон — так же, как Стив Джобс на знаменитой презентации своего гаджета. На той презентации Джобс был высушен онкологией, выглядел оцифрованным, а Гермеса отшлифовал фитнес и выжгли те жертвы, на которые он пошёл ради успеха. Глеб смотрел на Гермеса с айфоном в руке — и Гермес вдруг показался Глебу каким-то женихом смерти, кадавром, дивно-прекрасным мертвецом.

— Новая технология — это новая идеология, — чеканил Гермес. — Кто овладел технологией, тот овладел миром. После миллениума нет человека, есть сумма ресурсов и технологий. *Человек — это его айфон!*

Глеб подумал и отправил себе в Твиттер сообщение: «Александр Гермес считает, что будущее за смартфонами».

17

А ведь Мариша — красивая женщина, думал Глеб. Маленькая — она про себя говорила, что она «девча беби-сайз», — бойкая и фигуристая: всё при ней.

Глеб, голый, лежал на кушетке, а Мариша, тоже голая, сидела на нём верхом и резво двигалась, догоняя себя до оргазма.

— Еманарот, Глеба... — выдохнула она с закрытыми глазами, оскалилась и запрокинула голову. — Щас вштырит!..

А Глеба не вштыривало. В тонусе его держал дженерик.

После мощного прессинга снотворного с антидепрессантами Глеб не знал, среагирует ли у него что-нибудь на женщину, и сделал заказ на сайте интернет-аптеки. Курьер привёз пакет без надписей. Глеб вскрыл блистер прямо на стоянке, закатил таблетку в рот и сел в «лексус», чтобы поехать к Кабуче. Дорогу от Раменок до Митино он знал без навигатора и не отключил айфон. В это время ему упала SMS.

«А если окажется, что это Гермес?» — спросила Орли так, словно они говорили об этом минуту назад. Но Глеб понял сразу. «Пусть сначала окажется», — ответил он. Он всячески отгонял мысли о виновности Гермеса. Ссориться с боссом он не будет даже из-за Орли.

За синагогой на Поклонной горе Глеб разворачивался по развязке, чтобы встать на Кутузовский и дунуть к Кольцевой, и в это время на айфон снова капнула SMS. «Тебя достаёт эта ситуация?» — спросила Орли. «Да», — ответил Глеб. Кутузовский и Можайка, слава богу, оказались свободны, и «лексус» Глеба быстро летел к МКАДу, заодно приближаясь и к Кубинке, где жила Орли.

После паузы — видимо, Орли долго набирала длинный текст — на айфон Глеба приехало новое

послание: «Жалеешь, что не трахнул меня? Когда придется выбирать между мною и хозяином, выберешь хозяина, а я уже не дам. Так ничего и не обломится».

Глеб вывернул вправо и, включив аварийку, припарковался за остановкой возле кинотеатра «Минск». Орли его взбесила. Конечно, взбесила тем, что попала прямо в нерв. Глеб закурил, размышляя, и наступал ответ: «Тебе неловко, что ты втянула меня в эту разборку, и ты переводишь неловкость на меня, обвиняя в страхе перед боссом?»

SMS улетела. Глеб выключил аварийку, вернулся в поток и очень аккуратно ушёл в отворот на МКАД. Докуренную сигарету он выбросил в окошко. И на МКАДе на него упала новая SMS, будто шлёпнулась на крышу «лексуса» с пешеходного перехода. «Сорри», — написала Орли.

Нифига она не чувствует своей вины, подумал Глеб. И нифига не смирилась. Просто выяснила, чего хотела, и дальше не стала портить отношений. Они испортятся сами, когда история дойдёт до поворота.

Глеб гнал по широкому МКАДу, грязно-серому сейчас и мокрому, гнал как раз мимо отворотов на Рублёвку и Новую Ригу. Нет, ему не добиться, чтобы эти отвороты стали для него своими. В молодости подобные невозможности его просто убивали, как ребёнка доводит до шока мысль о неизбежности смерти. А теперь он притерпелся. Съезд на Новорижское шоссе из разряда социальных проблем переместился в разряд проблем экзистенциальных. В душе воцарилось равновесие: сможет Глеб свора-

чивать с МКАДа на Новую Ригу или нет, решит не Глеб, а Гермес. Но Орли нарушила это равновесие, потому что сейчас решать не Гермесу, а Глебу самому, будет ли он спать с Орли.

По Спасскому мосту Глеб пересёк чёрно-белую и стылую Москву-реку, с которой ветерок срывал ключья какого-то пара, и скатился направо — на Волоколамское шоссе. И тут Глебу стало жалко Орли.

Много ли она хотела? Башню «Федерация» в личное пользование? Нет. Орли хотела просто жить в Москве и работать на интересной работе. Это крамола? Но за такое желание Орли имели и предавали, имели и предавали. Москва превратилась в страсть, ради которой все всех предают. И Глеб сам сейчас признался, что тоже предаст Орли.

Глеб свернул в микрорайоны, где жила Кабуча, и завёл машину в ворота знакомой парковки. С крылечка подъезда Мариши Глеб послал SMS: «Я мало что могу, Орли. Но я постараюсь тебя не кидать».

Почему-то Орли не ответила сразу. Прошёл, наверное, час, и Глеб уже лежал в постели с Маришей, когда на столике звякнул айфон.

— Извини, — сказал Глеб, выбираясь из-под пледа. — Мне это важно.

— Бузюка ты, — обиделась Мариша. — Выключил бы свою ебалайку.

— Выключу, — пообещал Глеб.

Он встал посреди комнаты, повернувшись голым задом к Марише, и прочитал SMS от Орли: «Извини за напряг, но я хочу знать, докуда могу тебе доверять. У нас с тобой между нами что? Чума?»

Глеб подумал, что нельзя эти слова писать в SMS, их надо говорить лично — в офлайне, в реале. Хотя вот Татьяна и Онегин обошлись же письмами... Глеб переключился на английский и ответил Орли: «I love you». По-русски в этих словах слишком много ответственности.

Глеб положил айфон в шкаф и полез на кушетку под плед.

— Убирайся блянях отсюда! — зашипела Мариша, отпихивая Глеба ногами. — Гомзишь мне всё своими опистархозами мажорными!

— Чё гомзю-то, чё гомзю? — весело забормотал Глеб, перетаскивая Кабучу на себя и усаживая верхом.

— Не покажу тебе нихера, какашка! — Мариша демонстративно закуталась в плед, как в паранджу, а Глеб потянул плед на себя.

Мариша сдалась, Глеб оголил её всю и положил руки ей на талию.

— Только бизонить и умеешь, нигрилла! — проворчала Мариша.

Была бы Кабуча актрисой, подумал Глеб, то играла бы в амплуа травести. Видимо, миниатюрность вообще травестировала поведение женщины, как у мужчины вызывала комплекс Наполеона. Маленькая собачка до старости щенок. Со своим жаргоном и манерами Мариша и вправду вела себя подобно тинейджеру. Однако эта вечная молодость лишь издалека выглядела вечной. Глеб протянул руку и отвёл волосы с лица Мариши. Мариша приняла этот жест за ласку.

— Нрава, Глеба, — прошептала она. — Няшки-няшки...

У Мариши был круглый и ровный подростковый лобик, нежные и румяные щёчки, пухлые губки. В лобик — укольчики ботокса, веки поправить блефаропластикой, разгладить личико лифтингом, губки чуточку надуть рестилайном... Глеб приподнял груди Мариши и увидел под ними едва заметные белые ниточки шрамов: лёгкая подтяжка.

Кабуча вовсе не остановилась в своём развитии на этапе журнала «Cool girl», наоборот: она сознательно вернула себя на этот этап и держалась там целой бо́льших усилий. Но Глебу стало жаль Маришу. Ей тридцать пять, выглядит она на двадцать три, а хочет выглядеть на семнадцать. Если бы она хотела выглядеть на двадцать три, ей бы и давали двадцать три, но при заявке на семнадцать её тридцать пять оказывались как на ладони.

— Денька у тебя во сколько вернётся? — спросил Глеб у Мариши.

Она сегодня была дома одна, потому Глеб и приехал на квартиру. Сын у Мариши укатил с классом на базу отдыха в Подмосковье.

— Не менжуйся, он звякнет на сотик.

Вообще-то, Глеб предпочитал не встречаться с любовницами дома: ни у себя, ни у них. К себе он не звал, чтобы подруга не подумала, будто её примеряют на роль жены. А в гости не ходил, чтобы потом его любовнице о нём ничего не напоминало: зачем напрасная грусть?

С Кабучей у Глеба всё отлично получалось на работе в кабинете или изредка, на корпоративных выездах, в разных лесных гостиничках где-нибудь под Наро-Фоминском или за Тарусой. Однако нынче

что-то заставило Глеба поехать к Марише, хотя он понимал, что не надо Марише привыкать к нему на своей кушетке и на своей кухне...

Мариша жила в обычной панельной двушке, которую бывший муж старательно модернизировал до вполне человеческого вида. Денька, разумеется, обитал в отдельной комнате, а Мариша — в проходной гостиной. Свой быт вроде флаконов с парфюмом или постиранных трусиков она прятала так же тщательно, как и свой возраст.

— Теперь давай я буду лошадкой, а ты будешь ковбой, — выдохнула Мариша в ухо Глебу, вытягиваясь рядом с Глебом на кушетке.

Она повернулась на живот и приподняла зад. Глеб взгромоздился на Маришу и немного раздвинул ей ноги и ягодицы — ему было интересно, найдёт ли он следы липосакции. Может быть, вот эти едва заметные и симметричные шрамики?

— В жопкин домик надо язычком попроситься, — лукаво намекнула Мариша, неправильно истолковав манипуляции Глеба.

Глеб, конечно, знал, что подобные разговоры — всегда пошлость, потому старался их избегать. Но дело было не в интимности тематики. Член, нарисованный на гараже, — это непристойно и похабно, однако не пошло. Пошло — это кошечка на иконке в ЖЖ. Непристойность и пошлость — разные вещи. Порно непристойное, а эротика пошлая. Вишнёвый вкус у презерватива и белый фартук горничной в ролевых играх — это пошло, хотя в самом вкусе вишни и в самой чистоте униформы нет никакой пошлости.

Трахая Кабучу, Глеб заявлялся на порно, однако Мариша ухитрилась превратить всё в такую пошлятину, что у Глеба слипались подмышки. Он улёгся рядом с Маришей лицом вниз. Он понял, что не хочет Маришу, несмотря на все дженерики мира. Не потому, что Мариша плохая или там пошлая, а потому что он хочет Орли.

Мариша подождала и приподнялась.

— Что-то случилось, Глеба? — спросила она.

— Да как-то в последние дни у меня всё не так...

Мариша вздохнула и села, подтянув плед на себя:

— Я вижу, что ты каким-то пыпысом заделался.

Квартира у Мариши находилась на шестом этаже, поэтому окна долго не темнели. Потолок отражал свет фонарей внизу на улице и казался сиреневым. Глебу нравилось в гостях у Мариши. Была в её жилье готовность принять Глеба любого, какой он есть.

— Опять мне не пропёрло, глушняк алибастер! — сыпала горохом Мариша, и Глеб успокоился: таким манером Мариша снимала стресс, значит, она примирилась, ссоры не будет. — Всё у тебя, Глеба, через переподвыверт, нормального шэдла замутить не можем... Мейби я какая козьявая, так ты обо-снуй!

— Козьявая ты, Мэри, козьявая, — улыбнулся Глеб и погладил Маришу по коленке. — Это я не козьявый. Может, тебе поменять меня на кого получше? На Борьку того же Крохина.

Глеб сказал это, не успев обдумать, а потом понял: он и вправду хочет оставить Маришу, а потому подыскивает замену себе.

— Он салага, — сказала Мариша, и Глеб понял, что она и сама уже думала об отношениях с Борькой.

Глебу захотелось намекнуть, что если Мариша подаёт себя на семнадцать лет, то Борька старше её, — но, конечно, Глеб промолчал.

— Салага и вообще не вассер, — согласился он.

— Да мне фиолетово, — дёрнула плечом Мариша.

Она слезла с кушетки, надела майку и ушла на кухню. Там вспыхнул свет, потом Глеб услышал щелчок включённого чайника.

В шкафу на полке вдруг дёрнулся айфон Глеба. Глеб тоже встал.

От SMS его бросило в холодный пот. Это писал Слава, приятель Орли. Или сожитель. Или жених. В общем, не важно кто: Слава. Он спрашивал: «Глеб, скажите, у вас и Оли это в правду по настоящему?»

Глеб положил телефон обратно на полку и принялся одеваться. Носки, трусы и майки он заказывал по каталогу Quelle, всё обычное, брюки и водолазка — Giorgio Armani, только ремень Dr.Koffler, чтобы сочетался с бумажником, сумкой или саквояжем. Потом Глеб взял айфон и ответил Славе: «Да». Да, Слава. У него и у Орли это вправду.

«Я не могу поверить», — тотчас сообщил Слава.

Ну, не можешь — так не можешь.

Глеб прошёл в кухню. Взырошенная, грустная Мариша с ногами сидела на кухонном диванчике. На её дизайнерской майке, очерчивая груди, было написано: «Си Си». Сейчас этот креатив казался издёвкой. Мариша пила кофе из большой кружки с «Ирисами» Ван Гога, на колене у неё лежал айпэд, и она нервно водила пальцем по экрану.

— Хочешь посмотреть, что этот алтух мне тут гонит?

— Какой алтух?

— Борька твой Крохин.

— Ты так скажи, — попросил Глеб и сел за стол, думая о своём.

— То бздурю какую-нибудь мастырит, всякие бла-бла-бла, то вдруг быдлячит, как тварина, типа «перепихнёмся, тёлка?», то, как пидор, всулит романтику, самую что ни есть дишманскую...

— Мэри, он пацан, — сказал Глеб. — Его из крайности в крайность кидает. Чего ты там о нём по комьюнити поймёшь? Сходи вон с ним в «Оки Доки», всё станет ясно.

— Ещё я с бебиками по келдымам не джазила.

— Тогда плюнь на него, — равнодушно согласился Глеб. — Он меня просил как-то пособить, чтобы ты с ним законнектилась. Считай, я всё сделал. Дальше сама решай.

— То есть ты, как настоящий друг, меня на острове не бросил? — тихо спросила Мариша и утёрла глаза. — Прислал мне лодочку?

Айфон в руке у Глеба снова дёрнулся. Глеб развернул сообщение. Конечно, это опять был Слава. «У меня мир рушится», — написал он. А что я сделаю? — подумал Глеб. Тут у всех мир рушится, юноша.

Мариша видела, что Глеб всеми мыслями где-то не с ней.

— Я пойду, Мариш, — сказал Глеб, вставая. Он прошёл в прихожую и уже оттуда добавил: — Если будет нужна помощь, скажи.

— Мне нужна помощь. — Мариша стояла в проёме двери на кухню.

Глеб обулся, принялся наматывать кашне.

— Спасибо, — сказала Мариша.

— Вроде не за что, — мрачно признался Глеб.

— Спасибо, что сказал сам. Прислал бы SMS — я бы повесилась.

18

После SMS Славы обязательно должно что-то стрястись. Глеб был уверен в этом на все сто. Вернувшись домой от Кабучи, Глеб не стал переодеваться, а просто сел в кресло и принялся ждать. Скорее всего, грянет звонок от Орли — или он не знает жизни.

Слева над плечом Глеба горел сливочно-янтарный конус торшера, справа у подлокотника на столике стояла чашка свежего кофе. Глеб закинул ногу на ногу и положил на колено айпэд. «Кофе и сигарета — солдатский завтрак», — закуривая, вспомнил Глеб ремарку от Ремарка. Правда, сейчас было время ужина, и общая буржуазность напоминала, скорее, «папашу Хэма», карибская щетина которого так бессовестно обманула детишек контуженных ветеранов Сталинграда и Курска.

Ладно. Глеб закачал в айпэд роман Альбера Камю «Чума» и полез в интернет посмотреть про Камю. По каждому поводу нырять в Сеть за справкой у современного человека стало такой же дурной привычкой, как у поручика Ржевского щипать за грудь любую даму.

Итак, писатель, драматург и философ Камю родился в Алжире в 1913 году, погиб в автомобильной катастрофе во Франции в 1960 году. Во время Второй мировой участвовал в движении Сопротивления: работал в подпольной прессе. В 1944 году написал роман «Чума». Экзистенциалист, хотя сам он с этим определением не соглашался. Его считали «совестью Запада». Дружил, но раздружился с Сартром. В 1957 году стал лауреатом Нобелевской премии. В общем, всё ОК.

«Чуму» в университете Глеб не читал — не успел. Ему рассказали, про что этот роман, и он тогда удовлетворился, а сейчас решил хотя бы просмотреть по диагонали. Как ни странно, давнее поверхностное представление о книге оказалось вполне адекватным. Роман сухо и спокойно рассказывал, как на алжирский городишко Оран обрушилась эпидемия чумы, как жители умирали, боролись и победили чуму. А может, и не победили — просто дотянули до конца эпидемии, не потеряв человеческого облика.

Главная загадка романа заключалась в том, что считать чумой. Буквально болезнь? Это нелепо. Фашизм, «коричневую чуму»? А что с фашизмом не понятно? Зачем его клеймить иносказательно? Критики решили, что чума Камю — комплекс экзистенциальных переживаний.

Глеб вспоминал, что там, в университете, он понял про чёртов экзистенциализм. Толкователи нагнали всякого тумана: «уникальность иррационального бытия», «духовное измерение современности», «индивидуальное психологическое освоение жизни» и так далее.

Глеб не претендовал ни на какую истину, а для себя он объяснял экзистенциализм так. Для человека есть непреодолимые пределы и ограничения. Например, ничего не поделаешь с тем, что ты смертен. Или с тем, что у тебя нет таланта к чему-либо. Или с тем, что тебя не любят. Или с тем, что не наградят, хотя ты достоин. И прочее. Надо как-то ужиться с этими невозможностями. Но как? Способов было великое множество, но самых важных — всего два.

Первый — вера. Она говорила: эти невозможности мнимые, они нужны затем, чтобы натренировать тебя для жизни в загробном мире, где этих невозможностей нет. Потерпи, и бог тебе всё компенсирует.

Второй способ — гуманизм. Он говорил: собственную скорбь от осознания этих невозможностей можно заместить радостью ближнего, ты не заметишь подмены. Работай на благо ближнего, и горя не будет.

Двадцатый век развеял иллюзии обеих технологий. Первая мировая война дискредитировала капитализм как общество разумного эгоизма. Гуманисты уповали на истинно гуманный строй — на социализм, но его развенчала Вторая мировая война. Немецкие национал-социалисты сцепились с русскими строителями социализма так, что камня на камне не осталось не только от гуманизма, но и от веры: гуманизм не остановил и не мог остановить ни Гитлера, ни Сталина, а кочегары Освенцима и вертухаи Колымы лучше Канта доказали, что бога нет.

Как тогда уживаться с невозможностями, если ни бог, ни доброта ничем тебя не утешат? Вот тут и появился экзистенциализм. Он учил, что надо разобраться в сути своих переживаний. Когда суть будет определена, когда границы невозможностей будут очерчены, жить станет легче. В общем, спасение от страданий — сами страдания как пространство для утешающей медитации. Хемингуэй вместо Ремарка.

Если уподобить страдания водке, а экзистенциализм алкоголизму, то культурную ситуацию послевоенной Европы можно обрисовать российской формулой: водка лечит все болезни, кроме алкоголизма, но и его течение значительно смягчает. Однако как алкоголизм не стал медициной, так и экзистенциализм не стал философией.

Неплохо было бы выпить, подумал Глеб, но ведь наверняка скоро за руль... И в этот момент позвонила Орли.

— Глеб, извини... — Она говорила неуверенно, будто не знала, имеет ли право на этот звонок. — У меня... У меня проблема. Ты можешь мне помочь? Если не можешь, я пойму.

— А в чём дело, Орли?

— Слава... Он... Ну, в общем, он в дурку загремел.

Глеб ждал чего-то подобного. Во всяком случае, лучше так, чем если бы Слава избил Орли. Хотя для избиений Слава был жидковат.

— А что с ним? — фальшиво удивился Глеб.

— Нервный срыв. Его в психушку увезли.

— Надо его забрать?

— Нет, он тут останется. — Глеб услышал в голосе Орли облегчение. — Надо меня забрать. Я не хочу заходить домой одна — он там буянил.

— Заберу, без вопросов, — согласился Глеб.

— Я в двенадцатой психбольнице, метро Щукинская, Волоколамка, сорок семь. Может, знаешь: такой жёлто-белый сказочный теремок...

— Пока не знаю, но всё впереди, — сказал Глеб, закрывая файлы в айпэде. — Я выхожу и выезжаю прямо сейчас. Жди, моя хорошая.

— С-с... спасибо. — От неожиданности Орли запнулась на слове.

В «лексусе» Глеб засунул айфон в держалку на панели, вывел интерфейс навигатора, забил адрес и понял, что Раменки, где он живёт, точнее, Фили, и Мневники, через которые надо ехать, — как раз те дурацкие районы Москвы, что находятся бок о бок, но сообщаются или через Центр, или через МКАД. И что тут поделаешь? Москва-река определила экзистенциальную невозможность проехать из Филей в Покровское-Стрешнево без увесистого геморроя.

Москва вообще экзистенциальный город, думал Глеб, сворачивая с Мичуринского проспекта на улицу Лобачевского. Она сама по себе невозможность: велика Россия, а отступать, как известно, некуда. Если ты живёшь в Дальнежопинске и тебя *апатия замучила*, у тебя ещё есть надежда вырваться в Москву, где всё получится. Но если у тебя и в Москве не получилось, значит, надеяться не на что, и жизнь кончена.

На сложной развязке в районе эстакад Кутузовского проспекта и железной дороги, на подъёме

моста перед метро «Кунцевская» Глеб увяз в пробке — хорошо ещё, что не мёртвой. «Лексус» еле полз вперёд, к огням метрополитеновских павильонов и платформ, и в этот момент опять позвонила Орли.

— Я еду, — сразу оправдался Глеб. — Но пробки же. В воскресенье вечером не угадаешь, где запрет. Пока ползу мимо Филёвского парка.

— Я понимаю, — ответила Орли. — Я так, просто звоню... Сейчас ко мне выходил врач, рассказывал всё... Оказывается, у Славки была... — Орли сбилась, и Глеб услышал, как она тяжело дышит, сопротивляясь слезам. — У Славки была попытка самоубийства.

Глеб помолчал, а потом спросил:

— Таблетки? Вены?

— Он выбрасывался из окна. Уже здесь, в больнице, а не дома.

Глебу не было жалко Славу. Точнее, так: Глеб не жалел Славу, которого бросила Орли, но жалел Славу, который пытался вернуть Орли такими вот мелодраматическими средствами. Однако для Орли Глебу надо было изобразить сочувствие к её несчастному жениху.

— А какой этаж?

— Третий, — мрачно сказала Орли. — Но он не знал, какой там этаж.

Покончить с собой в Москве, выбросившись с третьего этажа, — всё равно, что повеситься на «Титанике». А вообще, сколько Славе лет? Двадцать пять — тридцать, где-то так, наверное. В этом возрасте из-за женщины руки на себя может наложить только идеалист. Или дитя благополучия.

Из благополучия некуда бежать. Потому в благополучных странах и городах так высок уровень суицида. Суицид происходит, когда не остаётся путей к спасению. Когда твой мир тебе невыносим, но нет мира лучше, чем твой. Разумеется, благополучие consumer society — цель, итог и финал усилий человечества. Но финал в том числе и в смысле «тупик», «ловушка», «загон», «стенка для расстрела».

— Орли, я правда не хотел ничего такого, — признался Глеб. — Но и соврать ему я ведь тоже не мог.

— Ты о чём? — удивилась Орли.

— Я сегодня переписывался со Славой смсками. Боюсь, что он узнал нечто неприятное. Потому и случилось то, что случилось.

— Всё равно не понимаю.

Глеб размышлял, разглядывая освещённый красными огнями зад маршрутной «ГАЗели», что стояла перед «лексусом» в пробке.

— Давай я тебе перешлю эти смски, Славины и мои, — предложил Глеб. — Я их сохранил. Почему-то я сразу подумал, что мне придётся показать их тебе, и не стал удалять.

— Н-ну, пришли, — неуверенно согласилась Орли.

— О'кей, жди.

Глеб отключился, отыскал в памяти айфона свою переписку со Славой и перегнал её Орли.

Похоже, пробка расцеплялась, машины уходили вперёд, и скоро Глеб уже свободно покатил по Рублёвке вдоль сверкающих огнями высоток, заслонивших чёрные кроны Филёвского парка. Потом он свернул направо, на Крылатскую улицу. Улица вы-

вела на мост через Москву-реку. На мосту у Глеба зазвонил айфон.

— Мне уже минут пятнадцать осталось, — сказал Глеб.

— Я прочитала ваш разговор, — ответила Орли, словно не слышала слов Глеба. — Глеб, а ты решил, что Славка спятил из-за несчастной любви, да? Получил твои смски — и башню снесло?

Глеб оторопел. А разве не так?

— А разве не так? — глупо спросил он.

— Глеб, — внятно и веско произнесла Орли, — Слава спрашивал у тебя, вправду ли у нас с тобой есть что-то общее и тайное от него, да?

— Да.

— Глеб, он спрашивал не про любовь. Он спрашивал про чуму.

Глеб едва не вылетел на обочину.

Орли молчала, и Глеб не знал, что сказать.

— Я сейчас перешлю тебе ссылку, — наконец сообщила Орли. — Эта ссылка из айфона Славки. Мне врач отдал Славкин айфон, и я там увидела эту ссылку. Ты остановись сейчас и прочитай, о'кей?

Орли отключилась. Глеб увидел справа заправку и завернул на неё, припарковался возле красного пожарного ящика. Ссылка от Орли уже прилетела. Глеб ткнул в неё пальцем и положил айфон набок, чтобы удобнее было читать. Статейка называлась «Лазарет».

«В венецианской лагуне лежит маленький остров Лазаретто. Здесь возвышаются руины старинных строений, но никто на острове не живёт. Он необитаем уже около пятидесяти лет. Почему?

Его история началась в 1348 году. На Европу обрушилась Чёрная Смерть — пандемия чумы, самая страшная пандемия за всю историю человечества. Государства сдавались чуме как непобедимой армии. В городах бушевали грабежи, насилия, изуверства фанатиков и оргии отчаявшихся. И лишь Венеция решила держать оборону.

Дож Андреа Дандоло железной рукой навёл порядок и установил особые правила жизни осаждённого города. Он запретил пьянство и азартные игры. Закрыв кабаки и публичные дома. Обязал чиновников и вельмож оставаться в городе. Дож боролся с мародёрами и, говоря сегодняшним языком, с нелегальными мигрантами. Был налажен сбор мертвецов, которых хоронили в специально отведённых местах. Чтобы не нервировать людей, Совет Венеции запретил горожанам публичную демонстрацию скорби по умершим и ношение траура. Дож распорядился даже про любовниц любвеобильных венецианцев: надо было или отослать их прочь, или взять в жёны.

А самым страшным местом в городе оказался островок в лагуне, где Дандоло устроил карантин. Он длился сорок дней — в память о сорока годах, когда Моисей водил евреев по пустыне. На остров ссылали тех, кто заболел, и тех, кого заподозрили в болезни, и тех, кто был с ними в контакте, и всех членов их семей. Ссылка на этот остров означала смертный приговор даже для совершенно здоровых людей.

За сосланными на остров ухаживали монахи из братства святого Лазаря, поэтому остров прозвали

Лазаретто. Так и появилось слово “лазарет”. Во время чумы этот лазарет был хуже ада. Случалось, что люди совершали самоубийство, лишь бы их не увозили сюда. Спасение города от чумы стоило жизни всем узникам печального Лазаретто».

19

Орли сидела рядом, и у Глеба было тёплое ощущение полноты, завершённости, укомплектованности жизни. От больницы по запутанной Москве навигатор прочертил почти прямую линию, и это тоже казалось символичным: Бирюзова — Народного Ополчения — Нижние Мневники — Крылатская — Ярцевская — Боженко — Кубинка.

«Лексус» мягко и ровно летел по горящим в темноте улицам мимо тяжёлой снегоуборочной техники, что выстроилась на обочинах дорог. Все эти огромные машины — оранжевые и полосатые, с вертящимися фонариками и растопыренными лапами, с пузатыми бункерами и рубчатыми колёсами, — все они казались добрыми великанами, что по ночам выходят делать зиму красивой.

— А что со Славой было? — спросил Глеб.

— Со Славой? — Орли курила. — Трудно сказать... Я была на работе, в редакции. Он ездил навещать маму. Вернулся. Сидел дома часа два. Потом с улицы охранник на автостоянке услышал, что Славка кричит из окна лоджии. Позвонил в полицию. Она приехала. Дверь была не заперта. Славка был один. Орал, метался. Вызвали скорую, которая

психиатрическая и наркологическая. Врачи приехали. Сказали, что у Славки нервный срыв, алкоголя и наркотиков в крови нет. Ну, это уже потом установили, конечно. А тогда просто в больничку увезли.

— Больнички на зоне, — поправил Глеб. — В обычной жизни кладут в больницу. А что Слава — он сам сдался?

Глебу почему-то казалось, что, должно быть, дюжие санитары с волосатыми руками уволокли Славу в смирительной рубашке.

— Он же адекватный, — с лёгкой обидой пояснила Орли. — Он сам понимает, что у него в голове какая-то хрень. Он оделся, дверь запер.

— А что он делал часов в шесть? Ну, когда мне смски писал?

— Уже в палате был. Вроде бы успокоился. А после смсок вдруг бросился к окошку. Там сетка и сигнализация, его сразу перехватили.

— Может быть, у него вовсе не суицид был, — предположил Глеб. — Может, он просто сбежать хотел?

— Может, — задумчиво согласилась Орли. — Его транквилизаторами обкололи, сейчас он какую-то пургу несёт, ничего толком не узнаешь.

— А тебя как вытащили?

— Врач со Славкиного телефона и позвонил.

— Родители у Славы в курсе, что сынулька в дуре?

— Тут ничего смешного нет! — обиделась Орли.

— Извини, — сказал Глеб. — Но я правда не могу ему сочувствовать. Он цел — значит, оклемается. Подумаешь, нервный срыв. Всю жизнь, как ёлочный шарик, на вате пролежал...

— Ты что, ревнуешь его?

— Фиг с его благополучием, — Глеб дёрнул плечом, — но достаёт, когда они за одну только прописку получают таких женщин, как ты.

Орли усмехнулась и отвернулась.

«Лексус» выкатился на Кубинку. Глеб завернул в уже знакомый проезд и остановился возле уже знакомого дома.

— Мне здесь подождать? — спросил Глеб и пошлёпал по рулю.

— Я боюсь одна. Пойдём вместе.

Обледенелые ступени крыльца. Кодовый замок на железной двери. Жёлтые и синие кафельные квадраты площадки перед лифтом.

Глеб смотрел на Орли. Какое красивое, тонкое, библейское лицо. Ресницы. Кудри. Чёткий очерк чёрно-красных губ. Неужели скоро эта недоступная девушка разденется догола и ляжет с ним в постель?

— Я поеду с тобой и переночую у тебя, — в лифте сказала Глебу Орли, — но это будет просто ночлег. Нельзя, когда Слава в больнице.

Посмотрим, подумал Глеб.

В квартире везде горели лампы. Глеб присвистнул. Похоже, Слава буянил не на шутку. В прихожей вся одежда была сорвана с вешалок и валялась поверх обуви. В комнате на ковре рваные книги лежали в ворохах белья. В кухоньке пол был усыпан битой посудой, ложками и вилками. Слава сорвал дверки со шкафов и повалил стулья. Оба окна были открыты. Они выходили на лоджию, и это уберегло квартиру от снега, хотя и выстудило так, что в чайнике замёрзла вода. Одно окно Слава пытался раз-

бить, и в пластиковом стекле, пробив ножками две дырки, висел стул. Ночлег в таком разгроме угнетал бы психику.

— Н-да, юноша не мелочился, — задумчиво сказал Глеб.

Орли сняла пальто, бросила его на тахту и прошла в комнату в сапогах. Квартира уже не казалась жильём.

— А мне как? — спросил Глеб. — Разуваться или не надо?

— Наверное, не надо.

В первое своё посещение, пьяное, Глеб не рассмотрел жилище Орли, а теперь навестал упущенное. Квартира была двухкомнатная, похожая на квартиру Кабучи. В проходной комнате — в гостиной — обитали постояльцы, а во вторую комнату, судя по всему, хозяева стащили неприкасаемое имущество и заперли от жильцов на ключ. На двери висела картинка: девушка-тайка, спустив шорты, присела на корточки по малой нужде за большой и обшарпанной статуей Будды. Креатив, бля, подумал Глеб. — А там что? — спросил Глеб, подёргав запертую дверь за ручку.

— Там девушки писают. Видно же. Ты посиди на кухне, пока я тут приберусь и шмотки себе скидаю...

Глеб прошёл на кухню, хрустя осколками посуды. Совсем недавно он сидел тут с Орли и Славой, пил виски... На кухонном столе лежал раскрытый ноутбук Славы. Усаживаясь за стол, Глеб случайно задел клавишу, и экран ноутбука засветился. Глеб увидел ало-фиолетовую заставку «ДиКСи» и разметку страницы в «ДиКСи-нете». Его собственной

страницы. Похоже, Слава уехал в дуру из комьюнити Глеба про чуму.

— У вас со Славой у обоих «ДиКСи»? — спросил Глеб в комнату. — Не дороговато на двоих? Портал-то платный.

— Не для дочери Гурвича, — ответила из глубины Орли.

Ну да, конечно, подумал Глеб. И Орли, и её жёниху все услуги «ДиКСи» наверняка предоставили бесплатно. Он сам тоже пользуется сервисами «ДиКСи» бесплатно как сотрудник конторы. И многие другие — Кабуча, например, Борька Крохин.

Глеб посмотрел, чего там читал Слава перед сумасшествием. Слава уходил из комьюнити по ссылке на статью «Миазмы».

«Великий Гиппократ и “шейх врачей” Абу Али ибн Сина, он же Авиценна, утверждали, что ужасную чуму порождают ужасные запахи — миазмы. По мнению мудрецов Средневековья, миазмы содержат некое вещество — “пневму”. Это оно отравляет воду, воздух и вещи и убивает вдохнувших его людей.

Происхождение миазмов учёные Средневековья объясняли двумя теориями. Первая — теллурическая: миазмы порождены ядовитыми болотами Азии. Вторая — сатурническая: миазмы спускаются с неба, от планеты Сатурн, которую отождествляли со всадником Апокалипсиса.

При средневековой антисанитарии вони хватало в избытке. Рискавя навлечь гнев читателей, скажем, что в Париже существовали улицы, в переводе на современный русский, Говняная, Говновая, Говён-

ная, просто улица Говна, Воняющая Говном и улица Мочи.

Церковь не одобряла частого мытья, потому что мытьё — оголение тела, а голое тело наводит на греховные мысли. Доктора требовали от своих пациентов в первую очередь покаяния. Хирургия была под категорическим запретом как пролитие крови, противное миролюбию церкви. А компетентные врачи, которые обслуживали сильных мира сего и имели высокие гонорары, были объектом охоты инквизиторов.

Миазмы стали предметом осмысления средневековых схоластов, известных вопросом «сколько ангелов помещается на кончике иглы?». Схоласты не могли понять: зловоние чумы невыносимо отвратительно или невыносимо прекрасно? Споры философов о сущности миазмов привели к тому, что олицетворения чумы у художников были и ужасными, как ожившие мертвецы, и прекрасными, как Святая Дева.

Считалось, что миазмы — переносчики “пневмы”. При заражении чумой “пневма” убивала свою жертву и вновь выходила из мёртвого тела со смрадом разложения — вторичными миазмами. Смердящие трупы считались смертоносными, хотя на самом деле чумные трупы не заразны: они могут быть лишь рассадниками инфицированных блох.

Спасением от миазмов было очищение воздуха. Города постоянно окуривали. Считалось, что воздух очищается звоном колоколов или канонадой. В домах испаряли молоко, дымили ароматными травами, держали пауков, чтобы они паутиной сгребали

смерд, и птиц в клетках, чтобы они перемешивали воздух крыльями. При чуме люди ночевали в конюшнях, потому что дыхание скотины тоже очищало воздух. Женщины обливались духами и носили ожерелья из цветов.

Бытовали и практики “от противного”: азиаты разбрасывали по улицам собачьи трупы, а европейцы держали дома вонючих козлов».

Глеб вспомнил, как недавно в машине его душило зловоние... Оно тоже было призраком чумы.

— Я знаю, зачем Слава открыл все окна, — сказал Глеб, уверенный, что Орли его слышит. — Слава прочитал про зловоние чумы. Я увидел его ссылку в комьюнити. Ему померещилось, что здесь тоже чума, и он проветривал квартиру.

Орли вошла в кухню с веником и совком в руках.

— Я уже собралась, — сказала она Глебу, — но не могу оставить тут весь этот срач. Посиди в комнате, плиз.

— А курить там можно? — спросил Глеб, вставая.

— Можно. Пепельница на журнальном столике.

Глеб перешёл в гостиную, взял пепельницу и сел на тахту:

— Никак не прокомментируешь?

— Возможно, ты прав, — из кухни сказала Орли. Глеб услышал шарканье веника и звяканье сметаемых осколков. — А мне он сказал, что сошёл с ума, потому что увидел меня мёртвую.

— Чего?! — изумился Глеб.

Орли показалась в коридорчике. Она была в джинсах и свитере с поддёрнутыми рукавами, кудри её были забраны сзади в хвостик, но пара чёр-

ных спиралей выбилась из-под резинки и висела на виске. Орли раскраснелась от работы в наклон, словно после секса. Тёмные губы надулись, глаза горели. В руке Орли держала веник.

— Слава мне сказал, что сидел на кухне и вдруг услышал что-то в комнате. Он заглянул и увидел, что в комнате — я, стою там, у зеркала. Голая. Он удивился, подошёл ко мне и понял, что я — мёртвая. У меня глаза вытекли и гнилая дыра в животе. Он выбежал на лоджию. Хотел через окно залезть в кухню, выскочить в коридор и дальше в подъезд, а я вот встала на это место, где сейчас стою, и не пустила его. Тогда он с лоджии начал кричать. Вот и всё, что он помнит.

— Кошмар какой... — пролепетал Глеб.

Орли повернулась, ушла на кухню, и там опять зашаркал веник.

Глеб подпрыгнул на тахте и замахал рукой: сигарета дотлела до фильтра, и Глебу обожгло пальцы. Глеб бросил окурочок в пепельницу.

Славе явился всё тот же демон, — подумал он. Демон Абракадабра. Тогда в клубе HLEB Абракадабра тоже ведь был в облике Орли... Он увязался за Глебом и проследил дорогу от клуба до этого жилья. А здесь... Ну, не знаю... Как-то укрылся. Например, спрятался в запертой комнате, за дверью с тайкой и Буддой...

Глеб почувствовал, что по холодной комнате лёгким сквозняком пролетело зловоние — словно алый и прозрачный шарф Девы Чумы в немецком замке Гогенцоллерн. Глеб посмотрел на дверь в запертую комнату. Голозадая тайка смотрела на Глеба. И Буд-

да тоже смотрел на Глеба пустыми каменными глазами. Тонкий смрад из-под двери был даже отвратительнее, чем вязкая жирная вонь. С кухни доносилось шарканье веника. Что там, в комнате? — думал Глеб. Птица залетела и сдохла? Крыса? Или там по-прежнему прячется демон?..

Дверь начала потихоньку приоткрываться. Глеб глядел, точно был под гипнозом, хотя понимал, что надо помотать головой и стряхнуть с глаз этот морок. В тёмном проёме что-то светлело. Там, наполовину укрывшись за косяком, стояла Орли — хотя нет: конечно, демон. Голая белая Орли-демон. Глаза были целы, но теперь вместо рта чернела подрагивающая щель. Из округлой девичьей груди заострённой пулей торчал чёрный сосок.

— Сгинь! — беззвучно крикнул Глеб, вскочил с тахты и вылетел из комнаты в коридорчик.

На кухне Орли сметала веником с совка в ведро остатки мусора. Глеб молча уставился на Орли. Потом оглянулся на запертую дверь в гостиную. Конечно, просто дверь с креативной фоткой тайки, которая присела пописать за статуей Будды. Орли с шумом вытащила из ведра одноразовый мешок с мусором и протянула его Глебу.

— Выброси, — попросила она. — Мусоропровод на площадке.

Глеб взял мешок и пошёл из квартиры. Обычный подъезд. Стены, покрытые жёлтой и синей кафельной плиткой. Лампа. Двери квартир. Чёрное окно. Железные перила лестниц. Труба мусоропровода. Над бункером на скотч за уголки приклеена распечатка: «Господа жильцы! Мы вступили в компанию

по раздельному сбору мусора. Новые баки возле бойлерной. Любите свой город!»

Мешок Глеба с грохотом и гулом улетел вниз по толстой трубе.

Глеб вернулся в квартиру и сразу понял: что-то стряслось. Дверь с тайкой и Буддой, прежде запертая, теперь была распахнута. А Орли нигде не было. Будто демон схватил её и утащил в комнату, а там — всё: бездна, тьма, гибель, преисподняя.

— Орли! — отчаянно крикнул Глеб.

Она сидела в тёмной комнате на полу и плакала, растирая плечо.

— Я сапог подтянуть чуть-чуть прислонилась, а тут всё сломалось, — сказала она. — Прямо боком и головой об этот угол как ёбнулась... Ну что же за несчастья на меня?.. Почему же мне всю жизнь-то не везёт?

20

Орли сама разделась и залезла к Глебу в ванну. Конечно, сегодня утром, принимая душ перед поездкой к Марише, Глеб никак не мог подумать, что ночью он окажется в ванне с совсем другой женщиной. Но тем лучше. Значит, он действительно добился в жизни того, чего хотел. И речь была, естественно, не только об отношениях с Орли.

Орли прошла по квартире Глеба как по галерее, где оценивала не шедевры мастеров искусства, а значительность собрания. Она и не скрывала своего потребительского отношения. Она так и сказала,

что хочет получить от судьбы всё то же самое, а потому ей любопытно посмотреть желаемое в уже укомплектованном виде. Её интересовали район, время постройки дома, метраж квартиры, система отопления, лифт, вид из окна — то есть то, чего уже не поменять.

А Глеб нуждался в ритуале. В этой квартире он жил около трёх лет, здесь побывали многие его друзья и кое-какие подруги, но не случилось события, которое повенчало бы хозяина и его жильё, как это делает, к примеру, праздник новоселья. Устраивать традиционную попойку Глебу казалось как-то архаично. И теперь Орли с её чистой, радостной завистью и откровенным меркантилизмом словно заменила собой недостающий жест: она стала чем-то вроде кошки, которую на счастье запускают в новый дом.

— Ты это купил? — спросила Орли.

— Пока что нет, — усмехнулся Глеб и, увидев разочарование Орли, сразу пояснил: — Квартира принадлежит «ДиКСи». Через какое-то время мне разрешат её приватизировать.

— Через какое время?

— Я думаю, когда «ДиКСи» выйдет на новый уровень капитализации.

— И когда это будет?

— Не знаю, но может быть хоть завтра. Государство купит часть активов «ДиКСи», и компания совершит качественный скачок.

Эта информация Орли устроила. Ей, похоже, вообще понравилось всё. Понравилась квартира — новая планировка, две большие комнаты с па-

норамными окнами, просторная кухня. Понравился Глеб: приятный и модный мужчина под сорок, на хорошей работе и с перспективой, self-made-man и джентльмен — хоть с ипотекой, но без алиментов.

Как бы убого и банально это ни звучало, но квартира в Москве оставалась основным критерием оценки человека, неким дефайном. Есть квартира в Москве — человека можно рассматривать в качестве партнёра, нет квартиры в Москве — прости и прощай. Разумеется, если ты ищешь партнёра для серьёзного дела.

Этот критерий был освящён Булгаковым, который написал о «квартирном вопросе», и оплачен миллионами судеб безымянной лимиты и безвестных лузеров. Конечно, бывало немало исключений, но Глеб знал про себя, что он не талант и не везунчик, ему не следует надеяться на милость фортуны. Для него жильё в Москве было как таинство крещения, без которого невозможно царствие небесное.

Сейчас, показывая Орли свою квартиру, Глеб словно бы проверял: выросла у него женилка или ещё нет. И плевать, что такой критерий уравнивал волевого и тёртого «селф-мейд-мена» с рохлей-москвичом типа Славы, которому победа досталась точно от мамы бутерброд на завтрак. Важно, с кем в итоге останется такая женщина, как Орли.

Орли — жизнь, которую Глеб хотел иметь в прямом и переносном смысле. Полезная жизнь премиум-класса. Когда, хорошо выспавшись, пробуждаешься в мягкой постели и в комфортной квартире. Когда на столе тебя ждёт хороший кофе и омлет

с ветчиной. Когда ты едешь на хорошую работу в качественном автомобиле и весь день производишь качественный продукт — но немного больше, чем сам и потребляешь за день. Когда вечером, отдыхая, ты смотришь качественный фильм по качественному телевизору, а потом наслаждаешься качественным сексом с хорошенькой молодой женщиной, твоей законной женой.

Глеб не рвал жилы, стремясь к этой жизни. С порванными жилами вести такую жизнь невозможно. Однако Глеб никогда не терял из виду этот идеал. И сейчас идеал был рядом. Одна его часть рассматривала другую, словно примеряясь: совместятся ли они — или требуется ещё чуть-чуть подшлифовать? Вроде всё совмещалось...

Сначала они сидели в гостиной и пили крепкое вино «Контадор».

— Но ведь сейчас не просто вечер, и это не просто вино... — сказал Глеб задумчиво. — Соблюдением приличий не замаскировать выбор.

Орли крутила вино в бокале.

— И что из этого следует? — спросила она. Глаза её смеялись.

Конечно, кто объявит правду — тот и виноват. Но это ведь не Глеб изменял человеку, с которым жил. Однако Орли не хотела называть вещи своими именами. Это Глебу надо было расставить точки над «i».

— Жалко Славу, — уклончиво сказал Глеб. — Он в больнице...

— Я могу поехать к нему, подежурить ночь у кровати.

— А я тебя не пушу, значит, я буду злодеем, — завершил Глеб.

Орли кивнула в знак согласия. Н-да. *Мы скорбящие, но не лохи.*

— Слава — прекрасный человек, — сообщила Орли.

Да, конечно, подумал Глеб. Ведь Слава всё равно остался при своих достоинствах. Он не проиграл. Он просто в этот раз не выиграл.

— А Слава понял про моё отношение к тебе? — спросил Глеб.

— Даже не знаю. — Орли усмехнулась. — Славка ведь блаженный... У него все хорошие. Все честные. Вряд ли он заподозрил уважаемого и солидного господина в том, что тот решил соблазнить его жену.

— Его ожидает шок.

Орли пожала плечами:

— По-моему, я просто пью с тобой вино. Я ещё ничего не сделала.

Орли легко сбивала Глеба с панталыку. Она хотела быть хозяйкой в таком положении, в каком женщины обычно не бывают хозяйками.

— А что ты Славе рассказала про себя и про меня?

— Рассказала, что мы с тобой оба слегка спятили. Точнее, каждый по отдельности, но одинаково. Видим всякие ужасы чумы.

— Слава поверил?

— Я тебе говорю, он блаженный. Он всему верит.

— И что же видела ты?

Орли выпила вино и не поднимала на Глеба взгляд:

— Особенного, конечно, ничего. Но это трудно выносимо.

— Расскажешь?

Орли встала и подошла к панорамному окну. Из гостиной у Глеба открывался дивный вид на высвеченную прожекторами высотку МГУ.

— Давай так, — сказала Орли. — Я расскажу тебе об этом в ванной. Ты сделай пену и сам залезай. Свет погаси, зажги свечку, я уже увидела, у тебя там есть. А я приду к тебе.

Глеб выполнил всё, как заказала Орли. Он лежал в воде, курил и ждал. Ванная комната у него имела два выхода — в гостиную и через туалет на кухню. Дверки были прозрачные, в ало-янтарных разводах. Свет торшера из гостиной, багрово затлевший в стёклах, и свеча, что отражалась в запотевшем зеркале, подожгли воздух пламенем тайны и страсти, словно от камина. «На озарённый потолок ложились тени, скрещенья рук, скрещенья ног, судьбы скрещенья», — вспомнил былой филолог. Хипстер вполне оценил качественный саундтрек бэк-поэзии.

Орли сначала принесла бутылку и поставила возле ванны, потом ушла и вернулась голая, с двумя бокалами, полными красного вина «Контадор». Глеб рассматривал Орли, пока она забиралась в ванну: сначала перебросила ногу через бортик, попробовала дно, а потом, выпрямившись, шагнула на всю тяжесть, с бокалами в обеих руках, словно бы разведённых для равновесия. Подождав, пока Глеб увидит её всю, Орли медленно опустилась в пену и протянула бокал Глебу.

— Мне теперь, в общем, некуда деваться, — признался Глеб.

— Для этого я и разделась.

Они сидели в ванне в кучах пены друг напротив друга.

— До чумы ли нам сейчас? — спросил Глеб.

— Но ведь не в чуме дело, — улыбнулась Орли. — Мне страшно. Я тебе расскажу, а ты мне ответь, что я маленькая трусливая девочка.

В прошедшую субботу ей предложили сделать репортаж с какого-то флешмоба. В тот день в Москве намечался грандиозный митинг оппозиции, прессу интересовал только он, и пойти на флешмоб было попросту некому. К тому же и мода на флешмобы давно миновала.

Глеб понял, что Орли получила худшее из возможных заданий. В родном городе она стала лучшей, чтобы здесь получать худшие задания. Это оскорбительно. Но выбора не было, и Орли согласилась.

Флешмоб проводили в одном из подземных переходов под Пушкинской площадью. Флешмоб был «классический», «мягкий», то есть без особенного эпатажа, почти для своих. Длился он пять минут. Ровно с 14 часов ровно до 14:05 мобберы шли по переходу в одном направлении и делали вид, что звонят по телефону, но никак не могут дозвониться. Они должны были говорить в трубку: «Алло! Алло! Дима-Саша-Маша, алло, я не слышу!» Всё. Кричать, спешить, толкаться, вообще как-то привлекать внимание не следует.

Орли рассказывала, а Глеб вспоминал, как в середине нулевых СМИ визжали от восторга по по-

воду флешмобов. Сколько глубины и смысла в этой ерунде накопили модные журналисты... Это и креатив, и самоутверждение, и групповая психотерапия, и антидепрессант... Кто-то там с умным видом рассуждал, что флешмобы — новая форма самоорганизации социума. Типа как раньше люди объединялись в классы на базе отношений к средствам производства, а отныне — в комьюнити на базе отношений к информационным потокам. Правильно говорил Гермес: *новая технология — новая идеология*.

Флешмобы выскочили из моды раньше, чем их обесценила жизнь. Они держались на убеждении, что телеком превращает коллективное бессознательное в коллективное сознательное. Абсурд акций должен был проиллюстрировать этот тезис, ибо полная бессмыслица не может объединять незнакомых людей. Но флешмоб оказался фальшивкой, забавой для сытой молодёжи. Его смысл сгорел в Арабской весне.

Пожар бунтов и революций, полыхнувший по исламскому миру с конца 2010 года, распространялся через интернет, через телеком. Но ведь не телеком был сутью Арабской весны. Арабы восставали не за телеком, а за вполне обычные блага: за свободу, за выгоду, за власть, за месть, за перемены. Телеком был только средством коммуникации. Более совершенным, чем письма, гонцы или телеграммы, но не более. Мусульманский мятеж по организации был аналогичен флешмобу — и не проявил ни одной черты, заявленной как суть флешмоба. Потому что эта суть была искусно вживлена во флешмоб, а не

присуща ему от рождения. И поверить во флешмоб могла только аудитория «Афиши».

Редакция «Афиши», кстати, находилась рядом с Пушкинской, но флешмоб, на который пошла Орли, уже считался отстоем.

Орли заняла место на ступеньках спуска в подземный переход, чтобы сверху увидеть всё. В пакете у неё лежал готовый к съёмке недорогой аппарат Canon: Орли прятала фотик, потому что участники моба могли и не хотеть, чтобы их фотографировали. Орли ждала. Мобберы должны были идти ей навстречу.

День был пасмурный и грязный, былой снег везде растаял. Толпа шла вверх и вниз по лестнице перехода. На площади шумели машины, из-под земли доносилось неумолчное шарканье шагов.

Айфон у Орли гутукнул будильником: ровно четырнадцать ноль-ноль. Орли приготовилась достать фотоаппарат. Со своей ступеньки она видела переход метров на тридцать вглубь.

В толпе, которая шла Орли навстречу, человек десять одинаково подняли руку, поднося к уху телефон. Начался флешмоб — и вместе с ним в этот же миг началась чума.

Орли увидела, что у людей с телефонами белеют и надуваются глаза, как сваренные и облупленные яйца. Орли увидела, что лица мобберов вокруг глаз чернеют и заливаются тьмой, а черты кривятся и разъезжаются, искажённые опухольями бубонов. Все чумные мобберы становились одинаковыми. Стильный юноша с клетчатым шарфом... Девушка

в кепке набекрень и с торчащими патлами... Молодой человек с хвостиком и косичкой вместо бородки... Девушка в вязаном капоре. Парень в большом шерстяном берете художника и в круглых очочках а-ля Джон Леннон... Девушка с большими дизайнерскими серьгами, похожими на парусные корабли... И другие. И другие. Все они превращались в чумных чудовищ, чернорылых и белоглазых.

Эти кадавры, рассеявшись в толпе, шагали навстречу Орли по тоннелю подземного перехода под Пушкинской. Никто, кроме Орли, их больше не видел, а они, словно издеваясь, говорили в выключенные телефоны: «Алло! Дима-Саша-Маша! Алло! Я не слышу! Я не слышу!»

— Я просто убежала, — сказала Орли Глебу. — Я ведь одна там была. Испугалась. Забыла обо всём и убежала.

Она зашевелилась в ванне, подтягивая ноги, плеснула водой, меняя положение, и поползла к Глебу, ворочая огромные глыбы пены.

Глеб смотрел в горящие во тьме глаза Орли и думал, что телеком не преобразует коллективное бессознательное в коллективное сознание. Коллективное бессознательное телеком преобразует в чуму. И с ней каждый встречается уже в одиночку.

А Орли долезла до Глеба, повернулась спиной и навалилась, уверенная, что так и надо: её ждут и немедленно приласкают. Глеб мягко облапил Орли. Её мокрые кудри налипли ему на губы и скулу.

— *Счастье — это когда тебя обнимают,* — проурчала Орли.

21

Посреди ночи Глеб проснулся и вышел в кухню покурить. Чтобы не скучать, он включил айпэд. А там кипела жизнь. Комьюнити продолжало работать, отыскивая всё новые и новые истории, — как машина, которую завели и оставили без присмотра.

KozaDereza: Карбункул это такой гранат особо ценился ввремя эпидемий чумы. Когда мимо него проходил больной по которому не видно что он больной камень бледнел. Предупреждал хозяена
L-a-p-k-a: У меня в децтве было кольцо с гранатом! У всех камней есть своя мефология! Это ужастно интересно!!!

Kuporos: Оказывается, у чумы был свой святой. Чумоборец. Рох из Монпелье. Зацените со ссыли.

Похоже, подумал Глеб, что гуглоголовый Кирогос уже не может ни есть, ни спать, — мониторит Сеть до полного самоотречения. Для таких людей интернет — спасение души. Где им ещё самовыражаться?

Глеб прошёл по ссылке на статью «Святой Рох».

«Будущий святой родился в 1295 году в семье градоначальника города Монпелье. С младенчества он был отмечен особым знаком — красным крестом на груди. В 20 лет он осиротел, лишившись обоих родителей, раздал имущество и пошел в паломничество в Рим.

В это время в Италии бушевала чума. Рох начал лечить больных молитвой и крестным знаменьем. Он совершал подвиги в Мантуе, Римини, Модене, Парме и в других городах. В Пьяченце он сам заразился чумой и был изгнан из города.

Рох остановился в лесной хижине, чтобы умереть. Но некий Готтард, дворянин из Пьяченцы, сжалился над ним и послал к нему собаку с куском хлеба. Рох съел хлеб — и встал, исцелившись от чумы. Пораженный этим чудом, Готтард пошел в помощники Роху.

В Италии Рох спасал людей от чумы, а когда эпидемия утихла, он вернулся в Монпелье. Из смирения Рох не назвал себя, ведь он был сыном градоначальника и получил бы подобающие почести. Новый градоначальник, дядя Роха, приказал бросить бродягу в застенки как шпиона, который хотел принести в Монпелье чуму из Италии.

Рох просидел в застенке пять лет и умер в 1327 году в возрасте Христа. При его смерти стены узилища вдруг озарились светом, и рука ангела написала на камне над головой усопшего: “Защитник от чумы”. Роха опознали по красному кресту на груди».

Prizel: Как историческое лицо, Рох недостоверен. И в 1327 году в Европе еще не пришло время Черной Смерти. Культ святого Роха существовал только в Монпелье и в северной Италии.

Kuporos: Prizel, вы правы. Поглядите, что я нагуглил. Статья «Тайна собора Сан-Рокко». Плиз.

«Каждый год 16 августа в Венеции проходит карнавал, который завершается литургией в соборе Сан-Рокко. Этому обычаю 500 лет. Но как языческий праздник слился с христианским богослужением?

Всё дело в том, что в Средневековье торговая Венеция активнее прочих городов общалась с Востоком и часто завозила к себе оттуда эпидемии, осо-

бенно — эпидемии чумы. И жители решили обзавестись небесным защитником от мора. Таковой был в городе Монпелье.

Венецианцы уже знали, что такое кража святого. В 828 году хитрые купцы вывезли из Александрии мощи святого Марка, спрятав их в корзине под свиными тушами, к которым не могли прикоснуться мусульмане-сарацины. В 1485 году венецианцы украли из Монпелье мощи чумоборца — святого Роха.

Култ святого Роха распространился по Европе во время пандемии Черная Смерть с ее возвратами. В 1416 году обращение епископов к Роху отвело чуму от города Констанца, где в это время заседал очень долгий Вселенский собор. Он был необыкновенно важен для всего католичества, потому что прекратил раскол внутри церкви. И церковь была благодарна Роху. В 1478 году было написано Житие Роха.

Венецианцы, укравшие мощи, провозгласили Роха покровителем своего города. В 1508 году в Венеции была построена церковь Сан-Рокко. Неканонизированного святого, спасителя от чумы, горожане почитали по-язычески — карнавалами. Святой Рох был канонизирован папой Урбаном VIII только в 1629 году.

Классическое изображение Роха — с посохом паломника. Святой указывает на чумную язву на своем левом бедре. У ног святого сидит собака с куском хлеба в пасти».

D-r_Pirpez: Понил, бляааа!!! Рокки Сталлоне от святого Роха!!!!

L-a-p-k-a: Вспомнела, где я про это слышала! Мы с мужем на медовый месяц ездили в Прагу, там нам показывали статую светого с собакой и рассказывали! Такая еще странная собака, как мутант!

Nan_Madol: Господа, скажите, а с вами в последние дни не случилось чего-либо странного или неприятного, что связано с чумой?

Глеб даже перечитал этот маленький пост. Что такое? В чём дело? Неужели он не один ощутил присутствие чумы в своей жизни? Хотя как же он один, если рядом — Орли с мобберами и Слава с демоном?..

Miroed: Вы почему спрашиваете?

Kuporos: Как я понял, священники не любили Роха. Дело в том, что во время эпидемий далеко не каждый священник осмеливался приблизиться к больному чумой или к трупам умершего от чумы, чтобы совершить обряд. А святой Рох не боялся. Такое сравнение шло не на пользу священникам.

Prizel: Вы правы, Kuporos. На такие случаи в дверях, ставнях окон или даже в стенах комнат делали специальные прорезы. Священники просовывали в них палки, к концам которых были привязаны ложки или вилки. В ложку подносили вино для причастия, в вилку — хлеб или губку, смоченную в елее. Такие прорезы назывались чумные щели.

D-r_Pippez: Оойооооо!!!! Я такую чумную щель знаю!!!!!!

Nan_Madol: Господа, мне никто не ответит?

Глеб посмотрел по таймеру время вопроса: да, Nan_Madol не получил ответа ни от кого. Вменяемого ответа, во всяком случае.

УМНЕЕВСЕХ: ты вообще молчи будь ТЫ ПРОКЛЯТ!!!!!!

Этот «Умней-всех» — тролль, хам и придурок, подумал Глеб. Было бы неплохо его забанить, но Глеб не знал, как сделать это в «ДиКСи», ещё не приходилось. Но почему «ДиКСи» пропускает этого идиота? Ведь «ДиКСи» — семантический портал, который сам вычисляет и вычищает пустопорожнюю рекламу и посты троллей. Неужели «Умней-всех» чем-то родствен «ДиКСи», отчего и не подлежит убийству на месте?

KozaDereza: Про карнавал написали я вспомнила... У По новелла Маска Красной Смерти тоже наверное про чуму. Там герой какойто герцог что ли прячется в замке с друзьями и подругами от эпидемии Красной смерти. Почти как Черная Смерть. Веселится день и ночь долго долго. Вдруг среди них появляется самая красивая девушка в маске. Все за ней ухаживают. Герцог самый голантный кавалер. Он уеденяится с девушкой в маске, и девушка снимает ее. И оказывается что под маской сама Красная Смерть! Она проникла в замок!

Prizel: Не совсем правомерно отождествлять Красную и Черную смерть, но почему бы и нет? Кстати, этот рассказ По тоже написал примерно тогда же, когда Пушкин написал «Пир во время чумы».

Nan_Madol: Господа, я все же хочу привлечь ваше внимание! Это важно! Пусть это будет выглядеть покушением на лавры святого Роха, но у меня

дурные ощущения! Господа, вам не кажется, что у нас чума?

Кажется, подумал Глеб, зажигая новую сигарету Marlboro. Да, всё в жизни прекрасно. Дело, доход, машина, квартира, здоровье. В его постели спит желанная женщина. Но почему же так тягостно? Что не так? Чего не хватает? Зачем он сидит ночью на кухне и читает о чуме? Что это, к чёрту, за тема для успешного человека?!

Miroed: От чумы умерли Мрк Аврелий, Тицан, Беатриче, Ян Жижка, жна и дети Нострадамуса

Kuropos: Интереснейшие факты! В живописи Средневековья и Ренессанса чума и смерть были равны друг другу. Живопись, которая возникла как способ передать красоту жизни, чума обратила на изображение смерти, страданий, жестокости и безумия. Почитайте!

Kuropos дал ссылку на огромную статью «Искусство после чумы».

D-r_Pippez: Многа букафф!!!

Nan_Madol: Чувствую себя не святым Рохом, а вопиющим в пустыне. Хорошо. Господа, нас 16-ть человек. Hubble открыл тему, это его комьюнити, но сам он не пишет. Кгоховог поставил фотоснимок, но сам тоже не пишет. Сообщили, что Outsider погиб, несчастный случай. Итого 13-ть участников. Я посмотрел посты с 10-го числа. Нет постов от 5-ти участников. Господа Kabu4a, Slava, Orli, Infarkt, Zitadel ! Вы живы? Я прошу вас, отзовитесь!

Слава сейчас в больнице, подумал Глеб, Кабуче после разрыва с ним как-то не до комьюнити, да

и Орли написала всего один пост, она не из ЖЖ-болтунов, и ей общение в «ДиКСи-нете» не интересно. Но Infarkt и Zitadel реально пропали. Глеб посмотрел комьюнити до конца — это двое так и не появились, не отозвались на зов «Нан-Мадола».

Kuporos: Поясняю, кому трудно читать. Для Средневековья и Возрождения понятия «смерть» и «чума» были одним и тем же. И в живописи появились три постоянных сюжета о смерти, то есть, о чуме. Первый сюжет — «Триумф смерти». Обычно изображался какой-нибудь город или селение, где все жители погибали так или иначе.

KozaDereza: Я по википедии смотрю картина пиктера брейгеля Старшего 1562 кошмар какой то!!!

Miroed: Там не только чума. Там вообще разные смерти, виселица, мечем голву отрубают, на костре жгут

KozaDereza: Костер это наверное окуривают при чуме

Prizel: Это картины не про чуму, а про смерть. Просто тема смерти в европейском искусстве стала значимой после Черной смерти. Смерть — это телесность, а телесность искусства — эпоха Возрождения.

Kuporos: Второй сюжет — это «Встреча трех». В прямом смысле встреча трех. Изображалось как три живых человека, обычно молодые, красивые и богатые вельможи, встречают трех мертвецов. Один мертвец как человек, недавний. Другой полуистлевший. Третий совсем скелет. Мертвецы говорят живым: «Прежде мы были такими, как вы, после вы будете такими, как мы».

Похоже, это сообщение пробило хулигана «Доктора Пиппец».

D-r_Pippez: Йопт!!!! Недавно аж по каналу «Культура» показали фильм Ромеро «Ночь живых мертвецов», стилизацию под кино 50-ых. Там еще Разлогов утверждал, что это явление искусства, а не стеб или треш. В финале фильма там звучит главная мысль про мертвецов: «Они — это мы!» Вот, значицо, откуда этот ужжос!!!!

Nan_Madol: Господа Kabu4a, Slava, Orli, Infarkt, Zitadel ! Я прошу вас, отзовитесь!

«Нан-Мадол» не оставлял попыток достучаться.

Kuporos: Третий сюжет «Пляска смерти». Он имел два варианта. Первый вариант пляска скелетов. Второй вариант шествие, когда дух смерти уводит процессию живых к могиле или к пропасти. Это было навеяно чумой, низвергавшей людей в смерть десятками тысяч.

L-a-p-k-a: Крысылов уводил детей тоже цепочкой!

KozaDereza: Опять википедия Пляска смерти одна из самых известных работ гравюра великого художника Гольбейна Младшего. Написана в 1526 году. Сам Гольбейн погиб от чумы в 1543 году

Kuporos: Лишь в 19 веке чуму стали изображать как болезнь, поразившую людей, то есть реалистично, а не аллегорией. Вершиной этого направления стало полотно художника-академиста Антуана-Жана Гро «Наполеон возле больных чумой в Яффе», 1804. Картина имела огромный успех, сейчас висит в Лувре. Ссылка.

Глеб сходил по ссылке. На картине Наполеон стоял в толпе под какой-то мавританской колонна-

дой и, сняв перчатку, трогал чумные бубоны под мышкой у полуобнажённого человека.

Prizel: Гро был друг Жозефины Богарне, любовницы Бонапарта, а потому стал художником императора. На картине изображён эпизод египетской кампании Наполеона. В 1799 году французское войско штурмом взяло город Яффу. Яффа — древний еврейский и античный город Средиземноморья, где Персей спас Андромеду, а Ной построил ковчег. Во времена Наполеона Яффа принадлежала сирийцам. По пятам армии Наполеона шла чума. Император приказал устроить в Яффе госпиталь для своих солдат, подхвативших заразу. Чтобы убедить их остаться в госпитале и не обременять собою армию, Наполеон сам посетил чумных больных, доказывая, что госпиталь — это не смертельно. Этот эпизод и запечатлел Гро.

L-a-p-k-a: Он же мог заразиться и умереть! Мужественный человек!

KozaDereza: Спасение от чумы пить красное вино в котором послековки остывали сабли

D-r_Pippez: Книга о борцах с чумой: «Как охлаждалась сталь»!!!!

Nan_Madol: Господа, я устал призывать вас обратить внимание! Позвольте мне сделать заявление большой важности! Я говорю весьма ответственно! Это не пустые слова! Я приглашаю всех участников этого комьюнити на встречу: завтра, в 16 часов, в клуб «ArteFAQ», это метро Чеховская, Большая Дмитровка, 32, во дворе.

D-r_Pippez: Эй, а если не все москвичи?

Nan_Madol: Тогда я объявляю тут сразу, господа.
Чума бывает разная, но всегда она — смерть.
И наше комьюнити — зачумлено.
YMHEEBCEX: гори ты В АДУ !!!!!

22

Для успеха у него не было другого козыря, кроме серьёзности. Глеб знал про себя, что он не талантлив, не красив и не удачлив. Он — добропорядочная и качественная человеческая середина. А стратегию успеха надо выбирать из тех средств, что имеются. Глеб выбрал серьёзность. Он и вправду ко всему относился серьёзно: к работе, к выпивке, к женщине, к фасону галстука. Вот и результат — он получил то, чего добивался. Не отступился от серьёзности своего взгляда на жизнь и теперь имеет и Москву, и деньги, и статус.

К чуме Глеб отнёсся так же серьёзно. Эта чума, конечно, штука странная, но чем чёрт не шутит? Лучше разобраться основательно, пусть и покажешься смешным, чем проворонить реальную опасность. Поэтому Глеб решил идти на встречу с Нан-Мадолом и притащить из своего комьюнити всех, кого сможет, то есть Кабучу и Бобса. Глеб написал им SMS, приглашая для разговора в зону отдыха «ДиКСи».

Когда Глеб добрался до зоны отдыха, Кабуча была уже там. Она сидела по-турецки прямо на столе и играла на айфоне. Одета она была в рыжий бадлон — длинный балахон вроде футболки, но с рука-

вами и горлом как у свитера. На бадлоне было написано: «Drill».

— Привет. — Глеб сразу повернулся к кофемашине. — А Борька где?

Общаться с Маришей один на один Глебу было как-то тяжело. Если уж он передал Кабучу Борьке, пусть Бобс и служит буфером.

— Сейчас придёт. А ты чего нас позвал?

— Комьюнити моё читаешь? Про чуму?

— Ну, бывает, — пожала плечами Мариша. — Решил, что ли, принять приглашение на обед в «Артефаке»? Там, тык-скать, театр ёперный.

— Дело не в ресторане. Дело в чуме. Нам всем надо определиться.

— Нам всем — это кому?

— Ну, кто в комьюнити.

Глеб налил кофе в чашку с надписью «DiCS» и сел на диван.

— Там и твоя Орли, — не отрываясь от игрушки, сказала Мариша.

— И она тоже придёт на встречу.

Мариша помолчала, доигрывая, а потом выключила игрушку.

— Глеба, ты чего такой наивняк? — Она захлопнула экран айфона крышкой чехла и прыгнула со столешницы. — Какая, нах, чума? Я не пойду на пати, где эта красопеточка твоя трётся.

— В чём дело, Мариш? — делано-недоумённо спросил Глеб.

— А ты не вкуливаешь, да? — Мариша под села к столу на стул. — Я не хочу видеть басявку, ради которой ты бортанул меня.

— Мариша, не говори так. Это неправда.

— Да што тэ-э? Правда всё это, Глеба. Девочка-то как раз в твоём вкусе: с тряпоцками. Ты же пошляк.

«Вот уж кто пошляк, так это ты», — подумал Глеб про Кабучу, но, конечно, не стал произносить вслух.

— Я так и почуяла, когда в первый раз её увидела там, у Гурвича: соска ровно для тебя, Глеба. И ещё порадовалась, что вы не знакомы. Жаба она гончая. Из еврейцев.

— Не думал я, что ты ко мне... меня... — немного растерялся Глеб.

— Только не надо фуфлогона, — поморщилась Мариша.

— Прости.

— Интересно, где вы закомонились? — Мариша забарабанила по столу наманикюренными ногтями. — Знаю, что Гермес ей всякие колясы гнал, то-си-боси там, типа как по завещанию отца всё отдам, дерибан по честняку проведем... Только ведь хер. Я была уверена, что после похорон Гурвича Гермес этой дуське такой съебатор включит — на ракете не догонишь. А она прямо тут нарисовалась, не заперделась!

— Нас Гермес после похорон и познакомил, — пояснил Глеб.

— А-а... Ох, Глеба, помяни потом слова девчи, которая тебе только добра желала: эта подруга тебя кинет, и кинет жестоко. Отвечумба. — Мариша смотрела на Глеба, сузив для значительности глаза. — После тех сифилияриев, через которые эти сельбанки проползают, пионерить они умеют пиз-

же некуда! Ведь ты для неё тупой красафчег. Она себе ломит Мосвегас. Прописку. Флэт. Связи. Джобер. И тэ дэ.

Глеб подумал, что оскорблённая Мариша тешит себя надеждой, что Орли поквитается с Глебом, расплатится той же монетой. Как Глеб бросил Маришу, так Орли бросит Глеба. Марише действительно не было нужно от Глеба ничего, кроме самого Глеба. Орли — иное дело. Но Глеб верил Орли. Конечно, выгода никуда не делась, и она весьма основательно подкрепляет сердечный интерес, но всё-таки готовность любого отдать за Москву даже свою бессмертную душу казалась Глебу страшилкой москвичей, что бояться понаехавших. Мариша пыталась оставить Глеба себе — или хотя бы отравить ему радость отношений с Орли, — дискредитируя удачливую соперницу намёками на её корысть.

— Мариш, давай не будем об этом, — мягко попросил Глеб. — Я тебя прошу пойти на встречу, потому что искренне боюсь за тебя. За всех боюсь, а за тебя в отдельности. Вдруг эта чума и вправду беда?

— Я не хо-чу видеть твою тварину! — с болью сказала Мариша. — Я не пойду! Досвидос, Глеба!

— Но я же смотрю на Борьку! — возразил Глеб.

— Слушай, ты не равняй!.. — разозлилась Кабуча.

В это время в проходе появился Бобс.

— Куда не равнять? — спросил он. — Конь, это я не тебе! — Борька, как всегда, с кем-то параллельно говорил по трубке: — Ты сначала чо надо в Фотошопе нахуячь, сохрани малявы отдельными файла-

ми с расширением PNG, а потом в Адоб Ремьере или в Сони Вегасе наложи их поверх видео и анимируй, вот и ёбли-то всего.

Маришу будто переключили: за столом сидела беззаботная и задиристая Кабуча, бойко тарахтевшая по-инопланетянски.

— Да вон Глеба нас подбивает на какой-то боян.

— На какой? — спросил Бобс, убирая телефон.

— Ты комьюннити моё читаешь? — спросил Глеб.

— Ну, так, — скривился Борька. — У тебя там какие-то загибоны потянулись про историю, мне это уже фиолетово...

— Короче, не важно. Ты всё равно участник моего комьюннити, потому тебе надо съездить со мной на встречу с одним человеком.

— Если ты повезёшь туда-сюда и обед оплатишь...

— Повезу. Оплачу.

— Бобс, тебе не а-е-е на всяких долбьяках комониться? — агрессивно спросила Кабуча.

Почему Мариша против поездки Борьки? — подумал Глеб. — Из-за Орли? Что, Орли и Борьку у неё уведёт, что ли?

— Ладно, чо ты, — извиняясь, улыбнулся Борька, подошёл к кофемашине и принялся готовить себе кофе. — Глеб, а нафига тебе я?

— Если ты зарегистрирован в комьюннити, значит, участник. А ведь ты регистрировался, когда фотожабу ставил.

— А-а... Так жабу-то Гермес подсказал.

— Но ведь не он регистрировался, а ты.

Борька взял чашку и сел за стол по соседству с Маришей.

— Мань, да чё ты, — примирительно сказал он. — Я съезжу.

— Жаль, что ты не смотрел комьюнити, — перевёл тему Глеб. — Мне интересно твоё мнение.

— Я смотрел, — возразил Борька. — Только говорю, не цепляет. Ну, чума. И чё? Я и не такое видал. Ты по свингер-сайтам шарил?

— За такое-то я тебе уши пообрываю, — сварливо сказала Мариша.

— А не боишься, что сдохнешь от чумы?

— Ой, да ладно. — Борька шумно, как лошадь, отпил горячий кофе.

— То есть ты в чуму не веришь?

— Да чё не верю-то? — никак не мог понять Борька. — Верю! Как в неё не верить? Вы вон там хер знает какую кучу всего навываскивали!

— Борька, а ты в пришельцев веришь? — спросил Глеб.

— Верю, — признался Борька. — Я сам видел НЛО. В прошлом году. В июле. Ночью на балконе курил и видел над Измайлово.

— А в путешествия во времени?

— Не верю. Потому что если они возможны, то они есть всегда, и в данный момент тоже. А мы их не видим.

— А в снежного человека веришь?

— Верю.

— А в динозавров?

— Ну, может, где-то есть.

— А в чупакабру? — подсказала Мариша.

— В чупакабру верю, — ответил Борька. — Чупакабра — это ты.

Мариша была страшно польщена. Глеб заметил, что Бобс тихонько ласкает Маришу по задку, уверенный, что заслонён от Глеба столом.

— А в вампиров веришь?

— Ты серьёзно или как? — не выдержал Борька.

— Конечно серьёзно, зуб даю. — Глеб цокнул ногтем себе по зубу. — Мне интересно, во что верит продвинутый сисадмин.

— Я верю в то, что можно сгенерить, — заявил Борька. — Вампира можно сгенерить. Машину времени — нет.

— А в оборотней?

— Отъебись.

— То есть ты, человек двадцать первого века, веришь в то, что подчиняется формальной логике, так?

— Формальной, но многовекторно непротиворечивой. То есть такой, чтобы в ней могли участвовать сразу несколько пользователей.

— Ребзя, вы чё тут концептуалите? — обиделась Мариша, которая перестала понимать разговор.

— Переведи, — потребовал Глеб.

— Представь, например, «Варкрафт». Если я в нём построю себе машину времени и вернусь в общее позавчера, переиграю там свою игру, то окажусь на ветке, в которой я один. Персонажи без игроков не действуют, а игроки — все в сегодня. Значит, в машине времени нет смысла, поэтому в «Варкрафте» нет такой опции. Хотя её несложно сделать, ведь прошедший статус в онлайнe подлежит восстановлению.

— Понимаю, — сказал Глеб. — То есть если ты добавишь такую опцию, как, например, вампиры, то

твое комьюнити не пострадает: все останутся в игре. Сохранение комьюнити — критерий реальности.

Человек — это его айфон, вспомнил Глеб.

— Ну вас в шахту, гандилы! — обиделась Мариша, вставая. — Вы уже тут кубатурить пошли, а по мне так переджазили! Я сваливаю! Когда вы поедете в «Артефаку», Глеба?

— Да сейчас и поедем.

— Тогда пока.

Мариша повернулась, и Борька тотчас ловко хлопнул её по задку.

— А если по еблищу? — оглянувшись, злобно спросила Мариша.

Борька довольно заржал.

Глеб подождал, пока Борька допьёт кофе, и они пошли вниз, во двор комплекса, где разрешили ставить автомобили сотрудников.

В «лексусе» Глеба Бобс тотчас же принялся настраивать переднее кресло под себя: сдвинул его назад, изменил наклон спинки и высоту подголовника, перенаправил потоки тепла из кондишна.

— Слушай, я спросить хотел, — Борька всё елозил, устраиваясь, — а Кабуча у тебя чё делала?

— В смысле? — не понял Глеб.

— Ну, в ёбле.

— Проблемы появились? — позлорадствовал Глеб.

Ему тоже было отчасти досадно, что Мариша так легко заменила его противным и хамским Бобсом.

— Это не проблемы, но всё равно прикольно знать, как она. У меня пока чё-то вяло, не заводная какая-то. Я думал, круче будет.

Похоже, Борька воспринимал Маришу как компьютерную игрушку, где все технологии заработают, когда найдёшь способ активировать.

— Подожди, и будет круто, — сказал Глеб. — Марише ведь надо привыкнуть к тебе. Это программы не привыкают к пользователям, сразу включаются, а человек с человеком сходится не в один миг.

— Пока она привыкает, я отвыкну, — цинично заметил Бобс.

— Ты, Бориска, шибко приткий. Есть правила общения, и нельзя их нарушать, если хочешь иметь результат.

— Нахера эти правила нужны? А то не ясно, чего мне от неё надо, чего ей от меня? Фиг ли изображать целочек?

Что Бобсу от Кабучи надо, Глеб знал.

— А чего Марише надо от тебя? — спросил он.

— Чтобы я вокруг неё скакал, а она от этого себя молодой считала, будто первый раз даёт.

Бобс бил не в бровь, а в глаз. В Маришину фичу.

— Короче, Борька, ты Маришу не обижай, — сурово заговорил Глеб. — Я её тебе уступил, конечно, но не для того, чтобы ты изгалялся.

— Да иди ты, — хмыкнул Борька. — Жалеешь — не отдавай, вот и всё. Свою эту чёрненькую жалеи. Её-то небось хорошо пежить, молодая ещё, не то что Кабуча. Такая классная тёлочка... Сисечки, бя, жопка, симпотная такая, с кудрявками. Всегда тебе лучшее достается...

— Борька, я тебя сейчас выброшу из машины, — пообещал Глеб.

— Боишься, что отожду тебя? — самоуверенно спросил Борька.

— Противно слушать.

— Нифига тебе не противно. Тебе приятно: я же завидую дяденьке начальнику, который всех секретарш переёб, — нагло ответил Борька. — Так что не выбросишь ты меня. Смотри сам не выпади.

23

— Может, мы чего-то не поняли? — озираясь, спросил Бобс.

— Пробки же, — пояснил Глеб. — Придут ещё люди, не дёргайся.

Они вдвоём сидели за большим круглым столом, застеленным красной скатертью. Стол был рассчитан человек на восемь. Пока что, кроме Глеба и Борьки, никто из участников комьюнити не явился.

Клуб ArteFAQ представлял собою очередной московский аттракцион, когда, что называется, ни слова в простоте. Тесноватый лабиринт низких залов с выгнутыми потолками, кирпичных переходов, лестниц с перилами, внутренних балконов и террас был превращён в сплошное приключение бесконечным креативом с каждой мелочью. Плотное узорочье и яркое пестроцветье напоминало не столько двадцать первый век, сколько стрелецкую Москву времён Алексея Михайловича.

— Бля, надо вон туда пересесть, — заволновался Борька. — Смотри, там на балконе в полу стёкла вделаны! Под юбки будем смотреть!

— Борька, всё равно зима, — поморщился Глеб. — Чего ты под юбками увидишь? Штаны с начёсом?

В проёме входа показалась Орли. Она была всё в том же белом свитере и в джинсах, теперь в чёрных. Глеб помахал рукой.

— Забавный кабачок, — подходя, сказала Орли. — Привет, Боря.

Бобс широко заулыбался, будто Орли пришла к нему.

— Ты сделал мне флэшку, которую обещал?

— Ну, попозже перетрём, ладно? — завертелся Борька.

— А мы что, втроём?

— Пока да, — кивнул Глеб. — Как-то странно. Даже этого нету, Нан-Мадол, который сам же всех и пригласил.

— Слышу, про меня говорят?..

К столу пробирался высокий и моложавый старик.

— Нан-Мадол — это я, — дружелюбно сообщил он и протянул руку Глебу. — Генрих Иванович Дорн.

— Глеб Тяженко. Борис Крохин. Оля Телегина, — представил всех Глеб, пожимая крепкую руку Дорна.

— Присаживаемся? — спросил Дорн, потому что Глеб ещё стоял.

— Да, конечно, — спохватился Глеб.

Они расселись. Подошёл официант и долго записывал несложный заказ — кому какой кофе. Глеб старался не рассматривать Генриха Дорна напрямую, это невежливо. На стенах ресторана висели ко-роба вентиляции, пеналы кондишнов, длинные де-

ревянные футляры часов с маятниками и картинки. Подоконники были заставлены кальянами, стопками книг и всяким хламом. Кирпичные арки, рога-тые вешалки, фисгармония, этажерки, настольные лампы, диваны, вентиляторы под потолком, длинноногие стулья, горшки с тропическими деревцами... На полу возле стойки бара было нарисовано женское лицо.

— По образованию я историк, МГУ, по профессии искусствовед, — сообщил Дорн. — Ныне работаю научным консультантом в московской лаборатории Континентального музейного фонда. Фонд — одно из многих подразделений ЮНЕСКО. Людей моего рода деятельности в быту иногда называют дэнжерологами. Мы, э-э... занимаемся поиском и спасением культурных ценностей от населения — а иногда и спасением населения от культурных ценностей. — Генрих Иванович Дорн искренне рассмеялся.

— Никогда не слышал о таком, — сказал Глеб.

Он подумал, что эти дэнжерологи, видимо, ищут раритеты, что-то вывозят в музеи, а что-то берут себе для реставрации и дальнейшей продажи. Деятельность вполне коммерчески благородная.

— А вы, господа, кто?

— Я сисадмин, — буркнул Борька и поглядел на Орли.

— Я журналист, — сказала Орли. — Фриланс.

— А я...

— А вас я знаю, Глеб Сергеевич, — мягко перебил Дорн. — Я клиент «ДиКСи» и в курсе, кто входит в топ-менеджмент компании.

— Как-то нас мало для шестнадцати членов комьюнити, — хмыкнул Глеб. — Никого вы не напугали своей чумой, Генрих Иванович.

— Чума там не моя, — улыбнулся Дорн.

Он был приятным стариканом. В его манере одеваться было что-то филармоническое: клетчато-серый пиджак Marc O'Polo, синие джинсы и бордовая рубашка. Круглые весёлые глаза, нос крючком и копна седых волос делали его похожим на старого мудрого попугая.

— Боюсь, что сейчас даже для участников нашего комьюнити есть вещи поинтереснее, чем чума.

— То есть? — удивился Глеб.

Дорн поглядывал то на Орли, то на Бобса, но разговаривал только с Глебом. Он сразу считал расстановку персонажей: Борька — никто, Орли — тёмная лошадка. За всех тут говорит Глеб.

— Предполагаю, что новости вы смотрите в «ДиКСи-ньюсе»?

— Конечно, — согласился Глеб. — Сапожник заодно должен быть ещё и ходячей рекламой своих сапог.

— Что нам не интересно, того в мире не существует, — усмехнулся Дорн. — Солипсизм общества потребления. Уважаемый Глеб, Москва уже неделю живёт митингами. Сейчас это всем интересно и занимает с головой всех: и правозащитников, и простых граждан, и бизнес-элиту, и власть, и даже богему. «Богема на баррикадах» — такое не снилось и Делакруа. А чума никому не интересна. Даже тем, кто болен чумой.

— Но мне интереснее чума, — мрачно сказал Глеб.

— И мне, — улынулась Орли. — Хотя я журналист.

— А мне вообще всё пофиг, — заявил Борька. Он всё время паялся на Орли, и легко было поверить, что остальное ему пофиг.

— Поэтому, господа пользователи, «ДиКСи-ньюс» не показывает вам скучные для вас новости о массовых волнениях в Москве, вы про них ничего не знаете, и в вашем мире их не существует.

Каждому, бля, по потребностям, подумал Глеб.

— Наберите в «ДиКСи-поиске» — «Митинги 2011», — предложил Дорн.

Глеб вздохнул, достал айфон, вывел поисковик «ДиКСи» и набрал предложенную фразу. «ДиКСи» выбросил дайджест из дюжины статей. Глеб пробежал глазами по заголовкам и ошалел: из «Коммерса» ушли Максима Ковальского и Демьяна Кудрявцева! Ниф-фига себе! Это чё творится, если таких профи выдавливают?.. По работе Глеб немного знал Максима и Демьяна, надо позвонить им, всё выяснить, а то он, как дурак, прозевал такие дела... Ладно, позже. Глеб закрыл айфон:

— Генрих Иванович, давайте перейдём ближе к нашему делу.

Глебу стало неприятно, что его ткнули носом в недостатки семантического интернета. Он торговал этим интернетом, а торговать некачественным товаром некрасиво, неконкурентоспособно и вообще.

— Хорошо, Глеб Сергеевич, — улыбнулся Дорн. Официант принёс кофе.

— Итак, господа, — подняв чашку, торжественно начал Дорн. — Я пригласил вас, чтобы сообщить вам...

— ...пренеприятнейшее известие, — улыбаясь, закончила Орли.

Ей явно нравился артистичный и великосветский старик.

— Да! — просиял Дорн. — Пренеприятнейшее известие! У нас чума! Мы с вами участники комьютини, которое зачумлено.

— И чё? — хмыкнул Бобс.

— А то, молодой человек, что чума — это смертельная, скоротечная и практически неизлечимая болезнь.

— Мы сдохнем, что ли, все?

— По теории — да! — Дорн осветил Бобса белизной прекрасных зубов.

— Ну ша, — скривился Бобс. У него явно были другие планы.

— Чума — это бубоны, температура, судороги и так далее, — сказал Глеб. — А я чувствую себя прекрасно.

— Конечно, господа, речь идёт не о биологической чуме с обычной её клинической картиной. Я бы сказал, что речь идёт о ментальной болезни. Эпидемии, если хотите.

— Компьютерный вирус? — вскинулся Борька.

— Нет, компьютерный вирус повреждает компьютеры. Обычный вирус наносит органические повреждения. А нам повредили картину мира. — Дорн изящно постукал себя пальцем в лоб.

Глеб обратил внимание, что ноготь у Генриха Ивановича обработан до блеска и покрыт бесцветным лаком.

— Идеологическая диверсия? — заинтересовалась Орли. — Или, может, нейролингвистическое программирование?

— Браво, милая барышня! Но тоже нет. Идеологическая диверсия — системная ложь с определёнными целями. НЛП, зомбирование, гипноз тоже подразумевают некую волю, которая руководит вами прямыми приказами или опосредованными установками. Всё это не то.

— Попробуйте объяснить через пример, — предложил Глеб.

Дорн изобразил глубокую грусть.

— Господа, я хотел бы избежать аналогий, — вздохнул он. — Дело в том, что сравнение — не аргумент, но всегда используется именно как аргумент. Потому предлагаю просто принять факт: комьюнити наносит своим участникам ментальную травму. Как и почему — это отдельный разговор. Но участники комьюнити начинают видеть феномены чумы и этим доводят себя до катастрофы.

— Все? — невинно спросил Бобс.

— Видимо, все. Но не единомоментно.

Глеб подумал про себя, про старуху-минетчицу в «девятке», про демона в клубе HLEB. Потом подумал про Орли и страшных мобберов, про Славу, загремевшего в больницу с психозом...

— А вы сами видели? — ухмыльнулся Борька.

И тут Дорн стал серьёзным и грустным.

— Увы, да, — признался он. — Иначе бы я не затеял эту встречу.

— А чего вы видели?

— Борька, это бестактно, — осадил Глеб.

— Да, Борис, о таких вещах не хочется рассказывать, — согласился Генрих Иванович. — Но вас, как я вижу, сия беда пока не зацепила?

— Я не шизанутый.

Дорн грустно вздохнул.

— И чего вы хотите? — спросила Орли. — Всех спасти?

— Я хочу выжить, я ведь тоже участник комьюнити. Для этого мне нужно понять, что произошло с комьюнити. А когда пойму, вероятно, смогу и обезопасить этот странный механизм уничтожения.

— Опасность, danger, — задумчиво произнесла Орли. — От этого ваша профессия называется дэнжеролог?

— Да. Я специалист по артефактам искусства и культуры, которые могут представлять опасность для людей. Мы с вами существуем в мире информации. Артефакты культуры — информационные комплексы огромной ёмкости. Если развернуть их безрассудно, можно пострадать. Видимо, это и произошло. Кто-то дёрнул гранату за кольцо.

Глеб закурил.

— Скажите, Генрих Иванович, — осторожно подступился он. — А вот эта вся чума — она реальна или нет?

— Что вы имеете в виду под реальностью? — Дорн по-лекторски поднял бровь. — Доказывают ли эти события существование бога, то есть трансцендентного?

— Если есть демоны, — значит, есть ангелы, — пожал плечами Глеб. — Если есть Сатана, — значит, есть Бог.

— Есть Максвелл и есть его демон. Семантический интернет — это программа демона Максвелла. Никакой чертовщины. Никакого Бога.

— Что за демон Максвелла? — спросила Орли.

— Умозрительная сущность, которая производит целенаправленное действие без затраты энергии. У физика Максвелла демон сортировал по разным ёмкостям горячие и холодные молекулы газа. В «ДиКСи» демон для вас сортирует интересные и неинтересные факты.

— «У алжирского дея под самым носом шишка»... — пробормотал Глеб, вспоминая героя классики, лишённого услуг демона Максвелла. — Значит, чума — не от сатаны... Но что же она такое? Можно ли чумных демонов потрогать руками? Ну, застрелить, дать в ухо... Это реально?

— Ну, вот так напрямую — вряд ли, — улыбнулся Дорн. — Вы ещё спросите, как окропить интернет святой водой.

— Можно спросить, какое заклинание заменит кейджн для любой проги, — вставил Борька, покосившись на Орли.

— Обрядами против чумы всё наше комьюнити полно, — продолжал Дорн. — Хотя должны существовать какие-то механизмы воздействия на ситуацию и в онлайне, и в оффлайне. Вот мы их и поищем.

— «Ежели один человек чего собрал, другой за всегда разобрать сможет», — сказала Орли. — Цитата из фильма «Формула любви».

— «Если его можно ранить, то можно и убить», — сказал Борька, красуясь перед Орли. — Так Шварценеггер говорил в «Хищнике».

— В общем, профессиональная интуиция подсказывает мне, что чума связана с «ДиКСи», — завершил Генрих Иванович.

— А вы в этих вещах, ну... соображаете? — спросил Борька.

— По нынешним-то меркам, наверное, уже нет, — засмеялся Дорн. — Вы, молодой человек, уложите меня на лопатки как ребёнка. Но когда-то, в восьмидесятых, был я аспирантом, жил я в кампусе Стэнфорда близ Пало-Альто и дружил я тогда с хиппующими фантазёрами Рэем Курцвейлом, Джароном Ланиром и Чаком Бланшаром, теми парнями, которые придумали и смастерили первую виртуальную реальность. Мозги мне ставил Гриша Громов, культуролог из Кремниевой долины. Так что кое-чего я понимаю, но укатали сивку крутые горки...

Глеб подумал, что Бобс разбирается в этих вещах меньше, чем Дорн. Борька легко сумеет пофиксить демки или даже запустить свой стартап в Сети, но ему скучны философия и метафизика виртуала. Для него виртуал не пространство смыслов, а пространство манипуляций.

— Вы считаете, «ДиКСи» — причина чумы? — Орли смотрела на Дорна.

— Причина чумы, милая барышня, мой приятель Лёва Гурвич.

24

— А можно про Гурвича подробнее? — спросила Орли.

— Я могу подробнее про себя. — Дорн улыбнулся специально для Орли. — Дело в том, что я — видимо, как и все здесь присутствующие — имею лишь несколько пазлов от общей картинке. Картинку составил, скорее всего, Лев Гурвич, и он один знает доподлинно, что же там изображено. А мы все можем только догадываться по тем фрагментам, что нам выпали. С большей или меньшей степенью правдоподобия. Поэтому я не рискну говорить за Гурвича. Я бы описал то, что знаю сам. Свои пазлы. Но без выводов обо всей картинке в целом.

— Нам было бы чрезвычайно интересно, — вежливо пригласил Глеб.

— Однако предупреждаю. Я не знаю, что происходит. Не понимаю, что нарисовано на картинке, разделённой на пазлы. Я так и не открыл замысел Гурвича или кто там участвовал в создании этого положения. То есть что я хочу сказать: причинно-следственные отношения между отдельными ситуациями, взаимосвязь между разными пазлами, — они мне не ясны. Единственное, что ясно, — наличие такой взаимосвязи.

— Давайте попробуем поискать принципы вместе, — сказал Глеб. — Сложим и ваши пазлы, и наши. Что окажется на картинке?

— Тук-тук, кто в домике живёт? — тихо добавила Орли.

Дорн начал рассказывать.

Года два назад Гермес проводил презентацию очередного продукта «ДиКСи», и на праздник привезли Джарона Ланира — автора термина «виртуальная реальность» и самой виртуальной реальности,

консультанта Microsoft, преподавателя университета в Беркли, программиста, музыканта и писателя. Переводчиком Ланир взял Генриха Дорна, своего старого знакомого по Стэнфорду. Так Дорн, культуролог и искусствовед, познакомился с менеджером Гермесом и IT-инженером Гурвичем. Тогда, кстати, Дорн стал и клиентом «ДиКСи».

Знакомство на презентации аукнулось в конце лета 2011-го. Дорну позвонил Гермес и пригласил для разговора. Слушая рассказ Генриха Ивановича, Глеб настучал Орли SMS: «Как похоже на твою историю». Орли прочитала послание и чуть заметно кивнула в знак согласия.

Гермес привёл Дорна к Гурвичу.

— А как вам Гурвич показался в личном общении? — спросил Глеб.

Он хотел услышать со стороны мнение о здоровье Гурвича.

— Я ведь не врач. — Дорн виновато пожал плечами. — Ну, странный человек, конечно... Нервный, дёрганный, ему очень трудно было взять себя в руки и сосредоточиться... Но не буду ничего утверждать. Все мы по большому счёту странные. Вот сейчас сидим здесь, в ресторане, и обсуждаем не митинги и не праздники, о чём вся Москва говорит, а чуму. Это разве нормально?

Гурвич попросил Дорна о культурологической консультации: ему были нужны образы смерти, уничтожения и разрушения, которые бы имели в культуре обширный свод специфических текстов и развитую иконографию. Задача показалась Дорну очень интересной.

Можно было предложить Гурвичу, скажем, классического робота Терминатора: стальную эринию, рождённую онтологической ошибкой отождествления фатума и футурума и сюжетной уловкой превращения будущего в прошлое. Но Терминатор, неотделимый от Шварценеггера, был слишком конкретен и однозначен.

В итоге Дорн представил Гурвичу четыре кластера: природная гекатомба, холокост, апокалипсис, пандемия. Гурвич сразу зарубил холокост как тему, которая будет сведена к проблеме антисемитизма. Потом Гурвич и Дорн зарубили апокалипсис как тему, которую сведут к христианской эсхатологии. После долгих размышлений Гурвич и Дорн забраковали и сценарий катастрофы: на практике его не осознают акцией возмездия — природная катастрофа будет выглядеть совпадением, стечением обстоятельств. И осталась только тема пандемии. А самая страшная пандемия — чума. Она имела великое множество сюжетов, образов и прочтений.

— А как конкретно выглядела ваша рекомендация? — спросил Глеб.

— Набор материалов. Точнее, файлов внутри Сети — со статьями, иллюстрациями и разным интерактивом вроде сносок.

— Из Википедии?

— Не только. Но и оттуда тоже. «Вики» хороша не одним собственно контентом, а возможностью живого гипертекста. Умница «Вики» точно и с блеском вписывает контент в контекст. Как сказал Ленин, «нельзя жить в обществе и быть свободным от общества».

— Вы что, при Ленине жили? — удивился Борька.

Глеб даже не понял, это шутка — или Бобс вправду не знает?..

— А про Чёрную Смерть — Супотницкие? — уточнял Глеб.

— Я указал ресурсы, адекватные решению поставленной задачи, их было около полутора десятков. Выбор делал Гурвич. Кстати, почти все мои ресурсы отыскиали участники нашего комьюнити. Есть там рьяный деятель, который умеет мыслить только ссылками. Постмодернист.

— Купорос, — подсказал Глеб.

— Да-да, он самый, — закивал Дорн. — Кстати, как Ланир разносил при мне «Вики» на молекулы, ой-ёй-ёй!.. Джарон считает, что интернет и разные ресурсы вроде Википедии угрожают человечеству диктатурой посредственности. — Похоже, Генрих Иванович настраивался на воспоминания. — Хотя Джарон хороший товарищ и Сэнгеру, и Джимбо, пусть даже они и рассорились между собой...

— Простите, — перебил Глеб, — а сколько ресурсов просил Гурвич?

— Пять.

Глеб посмотрел на Борьку.

— Это те пять ссылок? — спросил он. — На буквы абракадабры?

— Наверное, — пожал плечами Бобс.

— Ты не сможешь их идентифицировать?

— Если бы это было реально, я их ещё бы из пасворда поймал.

— А последовательность ссылок активирует работу фэйрволла?

— Угу.

— Похоже, мой пазл стыкуется с вашим? — лукаво спросил Дорн.

— Да, кое-что становится понятнее, — задумчиво сказал Глеб. — Больше вам нечего рассказать, Генрих Иванович?

— Не знаю, насколько это важно...

Общение Дорна с Гурвичем было непродолжительным. Гурвич получил, что заказывал, Гермес расплатился за консультацию — и всё.

— А Гермес не интересовался у вас, что вы там обсуждаете с от... с Гурвичем? — спросила Орли.

— Нет. Софт, как я понимаю, компетенция Льва Гурвича, а не Александра Гермеса. Однако одна встреча всё же была.

Гермес снова выцепил Генриха Ивановича примерно через месяц после консультаций с Гурвичем. Он сам приехал к Дорну в офис.

— Он не выяснял у меня, о чём я говорил с Гурвичем. Он попросил объяснить, кто такой или что такое Король-Чума.

— Король-Чума? — не поверил Глеб.

— Да! — Дорн всплеснул руками. — Гурвич ещё был жив, чумного комьюнити не существовало, а Гермес уже выяснял про Короля-Чуму!

— И что вы ему сказали?

— Я ведь не Торквемада, меня ангелы не наущают. Я сказал то, что прочитал. Этот материал я потом поставил и в комьюнити.

— Помню! — сказала Орли. Она скролила страницы комьюнити в айфоне. — Это где вы перепостили статью о захоронении демона — о кенотафе, ложной могиле.

— Оно самое, — подтвердил Дорн.

Глеб закурил.

— Какого числа с вами встречался Гермес? — спросил он.

— Скажу без проблем, — заторопился Дорн. — Сейчас погляжу в органайзер, джастен момент.

Он тоже достал айфон.

— Борька, а ты когда ломал пассворд?

Глеб вывел на экран айфона календарь за вторую половину года и положил айфон перед собой.

Итак. Гурвич вызывает Дорна и просит помочь с темой, вернее, со сценарием, по которому он сгенерит файрволл, защитную опцию, для пассворда — пароля, который запретит файлы с протоколами. Дорн, не понимая смысла и причины просьбы, предлагает чуму. Гурвич заводит в пассворд протоколов ссылки на ресурсы о чуме, указанные Дорном, и создаёт внутри «ДиКСи» файрволл.

Далее. Гурвич с помощью Гермеса заверяет у нотариуса завещание: права Орли на протоколы «ДиКСи», то есть на пассворд.

Далее. Не дожидаясь смерти Гурвича, Гермес решает взломать пассворд и украсть протоколы. Протоколы ему нужны, чтобы продать «ДиКСи» в казну как базу для телеканала и стать непотопляемым госменеджером. Ломать пассворд Гермес приказывает Борьке...

— Слушай, Бобс, — озадачился Глеб. — А почему ты не подцепил чуму, когда взломал пассворд?

— А чё ты пиздишь-то направо-налево? — взбесился Борька.

— Да ладно, — поморщился Глеб. — И так всё понятно. Орли я уже сказал, а Генриху Иванычу ещё объясню.

— Сука ты! — озлобился Бобс.

Генрих Иванович изумлённо глянул на Орли: нынче так положено — ругаться матом открыто, при девушке и при старших?.. В лице Орли не дрогнула ни одна черта: Орли наблюдала за Борькой.

— Не обижайся, — успокоил Борьку Глеб. — Ты же не виноват. Ты не знал. Шеф сказал — ты сделал, для того ты и профи.

Бобсу, конечно, польстило «профи».

— Я такой профи, что уступлю только Гурвичу, — свысока пояснил Борька Орли. — Я ведь сразу просёк, что меня на какую-то хрень могут подставить. Но система запоминает только тот ай-пи-адрес, с которого нажали Enter. Я и не нажимал. Всё подготовил и принёс Гермесу: на вот, завернул тебе поебаться. Так что кнопку нажимал сам Гермес. И файрволл кинулся на него, а не на меня. Хотя ломал я, это стопудово.

Бобс откровенно гордился своей предусмотрительностью. Дорн не очень-то понимал, о чём идёт разговор, а Орли смотрела на Борьку со странным выражением уважения и презрения одновременно.

Ясно, продолжал думать Глеб. Борька ломает пароль. Гермес забирает протоколы — но вместе с ними файрволл цепляет ему и чуму.

Поняв, что зачумлён, Гермес догадывается, для чего Гурвич звал Дорна. Гермес едет к Дорну и спрашивает про чуму. И понимает, что может спастись лишь по методу Короля-Чумы...

— Видите, в чём дело, Генрих Иванович, — заговорил Глеб, с трудом подбирая слова. — Дело в том, что Гурвич хотел уберечь от похищения комплекс своих программ для «ДиКСи». Он решил защитить их особой сторожевой программой. Эта программа с помощью «ДиКСи» должна была убить похитителя. Но программу-сторожа требовалось научить убивать. Нужны были сценарии убийств. Поэтому Гурвич пригласил вас и попросил указать существующие в культуре акции уничтожения, так сказать, вариативную систему образов. Вы подсказали чуму. Но могла быть и не чума. Мог быть холокост. Или апокалипсис. Да хоть марсиане, это не важно. Лишь бы тотальное истребление, выжженная земля. И Гурвич научил «ДиКСи» убивать по сценарию «чума».

— Понимаю, — осторожно подтвердил Дорн. — А вор — это Гермес?

— Увы, да.

— Зачем это ему?

— Чтобы контролировать компанию. Он хотел её продать, а Гурвич не соглашался продавать. Но это другая история.

— Значит, Гермес украл программы — и подхватил чуму. Так?

— Так. Он понял, что случилось. Осознал. Изучил материалы. И уяснил, что спастись надо по тому же методу, по которому замыслено убийство. А единственный способ спастись от чумы по средневековым правилам — стать Королём-Чумой самому и скинуть свою чуму на других. Гермес опять обратился к вам за консультацией и экспертизой. И вы подтвердили его выводы.

Орли смотрела на Глеба совершенно ошарашенно, а Борька был спокоен. Он не верил ни в какую чуму.

— Всё логично, — улыбнулся Дорн.

— А «другие» — это мы, — сказала Орли. — Наше комьюнити.

— Да, — вздохнул Глеб. — Гермес скинул нам чуму. Для участников нашего комьюнити Гермес — Король-Чума.

Пазлы сложились. *Дети в воде*, как написал в комьюнити хам «Умней-всех». *Незлисья*, — как написал в SMS взломщик Бобс.

— А как Гермес всё это организовал? — спросил Генрих Иванович. — Смерть Гурвича, похороны рядом с могилой Абракадабры, зачумление комьюнити... А как же другие участники комьюнити, которые ни о чём не подозревают, а просто развлекаются общением?..

— Я пока ещё не понимаю, как Гермес всё это организовал. — Глеб снова закурил. — Но я дознаюсь. А то, что в комьюнити погибли и посторонние, — так лес рубят, щепки летят.

Зато в комьюнити ровненько вошли все те, кто Гермесу не нужен, подумал Глеб, но не сказал этого вслух. Орли — владелица протоколов. Бобс — взломщик пассворда. Кабуча поставляла наркоту Гурвичу. Дорн — консультант и свидетель. Гермес сбросил чуму не абы на кого. Он сбросил чуму на тех, кто ему не нужен в принципе.

— А как нам спастись? — спросила Орли.

Дорн задумчиво мял подбородок длинными и сильными пальцами.

— Могила демона Абракадабры на Калитниковском кладбище — это технология символического спасения Москвы во время эпидемии чумы тысяча семьсот семьдесят первого года, — сказал Дорн. — В интернете об этом захоронении я ничего не нашёл. Но скорее всего, что-то есть в архиве кладбища... И вообще, памятник сфотографирован неважно. Его надо осмотреть тщательнее, на нём наверняка есть ещё другие надписи, которые, возможно, что-то бы нам подсказали. Я уверен, что секрет спасения надо искать в этом кенотафе. В нём воплощена средневековая стратегия.

— Я займусь этим, господа, — пообещал Глеб.

25

— У меня четвёртый этаж, — сообщил домофон смешным, мультипликационным голосом Борьки.

Бобс жил возле метро «Перово» в добротных домах позднего совка а-ля «Ирония судьбы». Глеб привёз Орли для секретных переговоров с Крохиным. Борька, босой, стоял в открытой двери своей квартиры и ждал лифта. На Борьке были домашние джинсы и длинная футболка.

— Вот тут разувайтесь, — говорил Борька гостям, указывая пальцем в угол захламленной прихожей. — А тапок у меня нет. Могу носки дать.

У Борьки была большая трёхкомнатная квартира. Из прихожей Глеб увидел лишь две комнаты: одна была заставлена компьютерами и экранами, в другую словно бы спихали всю мебель. В кухне у Борь-

ки висели шкафы-пеналы советского образца, а стол и стулья оказались пластмассовыми, явно украденными из летнего кафе. Холодильник был пёстро облеплен стикерами с записками самому себе. Мойку загромождала немытая посуда. Борька достал из сушилки две большие кружки — видимо, приготовленные для гостей заранее — и выставил на стол, а для себя вытащил из мойки чашку и ополоснул под краном.

— Кофе вот и чай с конфетами, — сказал Борька. — Сахара нет.

Растворимый кофе Nescafe был в нераспечатанной банке, чайные пакетики Lipton — в нераспечатанной коробке, а конфеты «Маска» — в неоткрытом пакете. Похоже, сам Борька пил только пепси и колу, потому что мусорный мешок под мойкой было доверху забит пустыми бутылками. Глеб уже отвык от такой студенческой жизни тятляп.

— Родительская квартира? — спросил Глеб.

— Теперь моя, — скрывшись за дверкой холодильника, ответил Бобс. — Родаки на бабкину свинтили, а эту мне сдали. Колбасу надо?

— Ты же засрал всю хату до потолка, — неодобрительно заметил Глеб, озираясь. — У тебя вон обшторы ладони вытирали.

— Ничё я тут не засрал, — огрызнулся Борька, задом толкнув дверку холодильника, потому что руки были заняты колбасой, сыром, хлебом и упаковкой йогуртов. — Хата сама засралась, я ни при чём.

Орли беззвучно засмеялась, отведя взгляд. Ей здесь понравилось.

После встречи с Дорном Орли потребовала у Борьки протоколы, и Бобс заюлил. В конце концов он сказал, что протоколы, разумеется, вернёт, без проблем, это не вопрос, но обнаружились некие геморрои, про которые ему надо говорить только лично с Орли как с владелицей протоколов. Условились, что Глеб привезёт Орли к Бобсу на дом и там Бобс всё объяснит и покажет Орли по компьютеру. А Орли потом сама решит, сообщать Глебу или нет. Глеб не возражал. Он не сомневался, что Орли потом всё ему откроет.

— Борь, пойдём с кружками к компу, — предложила Орли. — Там мне и объяснишь, чего хотел, про мои протоколы. А то времени нет.

— А он чего делать будет? — спросил Бобс про Глеба.

— Подождёт в комнате, если уж ему нельзя всё это слышать.

— В комнате ему не сесть. В одной — мы, в другой — слышно, в третьей там говно всякое лежит, туда не пушу.

— Дурацкие тайны, — сообщил Глеб. — Я ведь всё равно всё узнаю.

— Может, ему вообще домой уехать? А мы тут вдвоём.

— Я гляжу, ты, Крохин, чего-то оборзел, — хмуро заметил Глеб.

— Боря, Глеб на кухне подождёт, если так, — с досадой сказала Орли. — Давай лучше к нашему вопросу.

— Ну, пойдём. — Борька улыбнулся так, словно звал Орли в постель.

Он ушёл в прихожую, а оттуда — в комнату. Квартира у Борьки была всё-таки приятная, хотя и дикая, как пещера людоеда. Орли виновато улыбнулась Глебу и прошла вслед за Борькой. Глеб услышал, как Борька тщательно прикрывает дверь за Орли.

Что за секреты? Что такое Бобс обнаружил в протоколах Гурвича, о чём можно сказать только владельце? Ладно. Глеб не сомневался, что вечером Орли всё ему объяснит.

Кофе Глеб пить не стал — брезговал кружкой, — и выплеснул в мойку, а сам закурил, открыл айфон и вывел «ДиКСи-поиск». В поисковой строке он настукал: «Калитниковское кладбище». В прошлый раз он получил от «ДиКСи» дайджест из статей о художнике Фальке, рэпере Шишкове и старике Ольге. «ДиКСи» было ведомо, чем жил и о чём думал Глеб все эти дни. Что теперь выдаст семантический поисковик? Как сказал Гермес, *«человек — это его айфон»*. Посмотрим.

Первой вышла статья «1771: московская чума».

«При государыне Екатерине в России был принят новый и суровый карантинный устав, поэтому власти были уверены, что никакая зараза в державу не проникнет. Однако эта уверенность рухнула в 1771 году.

Шла русско-турецкая война. Русские войска вступили в Молдавию, где бушевала чума. То ли с ранеными, то ли с трофеями чума всё-таки пробралась в Москву. В военном госпитале 27 человек разом заболели странной “злой лихорадкой”, и вскоре почти все эти больные умерли.

Командир госпиталя врач Афанасий Шафонский догадался, что пришла чума. Он объявил в госпитале карантин, выставил охрану и начал окуривать помещения дымом можжевельника. Но Медицинская коллегия его донесение о чуме сочла паникой и фантазией.

Чума разом объявилась на мануфактуре Суконного двора, который находился на Софийской набережной у Каменного моста. Начальство мануфактуры скрыло мор: умерших похоронили тайно и карантин не ввели. Охваченные ужасом мастеровые-суконщики кинулись с фабрики кто куда и разнесли чуму по всей Москве.

Москву охватила эпидемия. Весь город заволокло дымом костров, которыми окуривали дома. В небе гудел сплошной звон колоколов: он должен был очищать воздух от смрада. Ежедневно умирало по тысяче человек. Вообще, в Москве умерла от чумы половина населения.

Власти направили в город колодников. Каторжники в чумных дегтярных балахонах с дырами для глаз и рта крючьями вытаскивали трупы, грузили их в огромные фуры, вывозили за околицу и погребали без обряда на спешно основанных чумных кладбищах: Ваганьковском, Даниловском, Дорогомиловском, Калитниковском, Преображенском, Пятницком и Семеновском.

Участь чумных больных была страшной. Их заколачивали в домах, чтобы не могли выбраться. Пищу им приносили за огромные деньги, а плату от заключённых принимали только монетами: их бросали в миску с уксусом. Продукты узникам подавали

в крохотное окошко на длинных шестах-рогачах. Рассказывали, что, если больной касался шеста, от чумной руки по шесту быстро ползла чернота — чума.

Генерал-губернатор Салтыков сбежал из Москвы в свое имение Марфино. В Москве шутили: генерала не будет, а будет генеральша — чума. Эта шутка породила миф о том, что чума приехала в Москву в карете, поселилась во дворце губернатора и ходит как барыня. Кто говорит, что одевается она в ярославский сарафан и носит на голове кичку, а кто говорил, что ходит голая. Москва осталась без власти. Началось мародёрство, беспорядки. Всё это вылилось в чумной бунт».

Никаких намёков на Короля-Чуму, на демона Абракадабру или на калитниковскую могилу Глеб пока что не обнаружил. Всё в пределах реалистических историй Эдварда Радзинского.

Глеб подумал, что сейчас он сам себе напоминает Славу. В тот пьяный визит Глеба Слава так же сидел в сторонке и скролил айпэд, а он, Глеб, прямо при Славе наводил отношения с Орли. Возможно, что именно этим сейчас и занят Борька. Как-то он внимателен к Орли...

Глеб вздохнул. Дайджест «ДиКСи» в айфоне выглядел не столь же удобно, как в айпэде, поэтому был снабжён подзаголовками: «чумной бунт», «чумной колокол», «чумная заступница», «чумной мученик».

Глеб развернул текст.

«Над Варваровскими воротами Китай-города Москвы издавна в киоте стояла икона Боголюбской Богоматери “трогательного” письма. Иконе

было больше шести веков: ее написали в 1157 году по указанию князя Андрея Боголюбского, которому явилась сама Богородица. На иконе “припадающими” к Богородице были изображены пять святителей, два апостола, Алексий, божий человек, и преподобные Параскева с Евдокией: целый сонм заступников. Толпы горожан шли на поклонение этому образу, молились под ним и оставляли дары.

Толпа и ящик для даров были разносчиками чумы. Московский архиепископ Амвросий понимал пагубность поклонения. Он приказал унести икону в одну из церквей и запечатать ящик для даров. Этого для толпы оказалось достаточно: дары украли, икону укрыли — бунт!

К бунту призвал колокол, висевший в Царской башне у Спасских ворот Кремля. Из этой башни русские цари наблюдали за массовыми действиями на Красной площади. 15 сентября 1771 года Царская башня загрохотала набатом. Власть потом так и не дознается, кто же посмел ударить в колокол и начать чумной бунт.

Колокол прозовут Чумным. Мастер Иван Маторин отлил его в 1714 году. Вес колокола 2,5 тонны, высота 162 см. По приказу Екатерины II у колокола отнимут язык, и до 1803 года он будет висеть немым. Язык спрячет комендант Кремля граф Михаил Салтыков — якобы для того, чтобы колокол, “памятник зол российских”, больше не звал к бунту. В 1810 году колокол поместят в Арсенал, а в 1821 году — в Оружейную палату, где он находится до сих пор. Язык колоколу вернут.

А в 1771 году восставшие москвичи в поисках образа Боголюбской Богородицы ворвались в Чудов монастырь в Кремле, где находилась духовная консистория, но ничего там не нашли. Разгромив обитель и богатые дома Кремля, толпа вывалилась на Красную площадь. Здесь бунтовщиков встретил небольшой отряд генерал-поручика Еронкина — 130 солдат и офицеров. Отряд ударил по толпе из пушек картечью. Погибли сотни смутьянов. С Красной площади окровавленная толпа побежала к Данилову монастырю, потом к Донскому. Здесь мятежники нашли на хорах архиепископа Амвросия и растерзали его.

Подавлял чумной бунт в Москве генерал Фердинанд Фрейман. В результате около 300 человек были отданы под суд, 173 получили кнутов и отправились на каторгу, 4 были повешены. Генерал Фрейман рекомендовал себя как профессионал в подавлении мятежей и через два года был отправлен на Яик подавлять казачий мятеж, а там, на границе, он застрял на три года, сражаясь с пугачёвщиной».

Красочная московская история давно уже не трогала Глеба. Она была чужая, и город теперь тоже был чужой, не приросший к душе национальным родством. Он продавался хладнокровно и конкретно. Вот что сейчас делает Орли? Даже если она не думает кинуть Глеба, наверняка она оценивает: съёмная квартира Славы, ведомственная квартира Глеба, личная квартира Борьки... Где оценка, там и продажа. Глеб слышал за стеной тихий и какой-то очень энергоёмкий разговор Орли и Борьки. О чём они так говорят? О программах Гурвича?..

Глеб вывел на экран айфона следующую статью: «Чумные герои».

«Наводить порядок в Москве Екатерина послала своего бывшего фаворита Григория Орлова. Он поднадоел государыне, и Екатерина надеялась, что Гришу заберет чума: в Петербурге по нему уже даже подготовили заупокойную службу. Но судьба его уберегла.

Орлов привел в чумную Москву четыре гвардейских полка. Сам он поселился у Еронкина на Остоженке и командовал очень разумно: установил карантин, ужесточил контроль, открыл новые больницы и разделил Москву на 27 участков. Дома, где все хозяева умерли, он велел заколотить, а мародёров приказал стрелять на месте. И главное: Григорий Орлов щедро платил деньги москвичам за борьбу с чумой — за сданную заражённую одежду, за погребение, за выдачу больных.

В результате эпидемия вскоре пошла на спад. В память о подвиге Орлова Екатерина велела выбить медаль с надписями: “За избавление Москвы от язвы в 1771 году” и “Россия таковых сынов в себе имеет”. Орлова прозвали “чумной герой”.

Но не менее значима для борьбы с чумой была деятельность военного доктора Данилы Самойловича. Ему тогда было 27 лет. Он подхватил заразу в русской армии на Дунае, но вылечился и теперь следовал для дальнейшего прохождения службы в Оренбург. По пути он узнал, что в Москву пришла чума, и остался там, где был нужен.

Самойлович стал врачом при Симоновом, Даниловом и Девичьем монастырях, которые были пре-

вращены в госпитали. Во время чумного бунта бунтовщики избили Самойловича в Даниловом монастыре.

Самойлович был не только врачом, но и учёным. Он понял, что чума распространяется не через воздух, не через миазмы, а крохотным “язвенным зверьком”. Он придумал дезинфекцию и не сжигал вещи бедняков, а просто обеззараживал их, за что московская голытьба была ему страшно благодарна. В доказательство своей правоты Самойлович снимал с чумных больных одежду, дезинфицировал её и надевал на себя. До конца своих дней Самойлович страдал от ожогов, полученных от противочумного окуривания.

Более всего Москву потряс чудовищный опыт Самойловича: “испытание чумного бубона”. Самойлович втёр себе в губы гной из нарыва больного чумой — и не заболел. Вообще-то он должен был заболеть, но уцелел лишь благодаря феноменальной устойчивости своего организма к заразе. “Испытание бубона” лишило чуму звания “царицы грозной” и ореола ужаса перед неотвратимой гибелью, но для изучения болезни пользы не принесло.

Пользу принесло изобретение врачебного эпидемиологического костюма, пропитанного уксусом. С этим костюмом врачи перестали умирать от чумы, подхватив её от больных. И ещё Самойлович первым начал разделять больных на умирающих и выздоравливающих: это в разы увеличило количество спасённых.

По результатам борьбы с чумой в Москве Самойлович написал книгу, и за неё русского врача избра-

ли академиком в 12 европейских академиях. Но не в России. В России он оказался не нужен. Несколько лет он провёл в иностранных университетах и вернулся на родину только к новой русско-турецкой войне — его опять призвала чума. Он спасал от эпидемии Херсон, а в 1787 году на Кинбурнской косе под картечью Самойлович оперировал и перевязывал раненого Суворова.

Впрочем, никакие доблести не были поставлены ему в заслугу, и после войны он еле нашел себе местечко рядового врача. И в третий раз его выручила чума: в конце XVIII века она охватила Турцию, и русское правительство озаботилось созданием противочумного щита в портах черноморского побережья. Для этого и призвали Самойловича. В 1800 году он стал главным врачом Черноморских торгового и военного флотов. Данила Самойлович готовил мировой врачебный конгресс, посвящённый борьбе с чумой, но в 1805 году умер от желчной лихорадки».

Брякнула дверь комнаты. Орли и Борька вышли в прихожую.

— Не буду кофе, — сказала Орли. — Пойду. Где ложка для обуви?

Она собиралась уходить, словно забыла про Глеба.

Глеб выключил айфон, встал и вышел в прихожую.

— А я? — спросил он.

— А ты тоже собирайся, — раздражённо сказали Орли. — Я ведь у тебя живу, если помнишь.

— Пока, — ухмыльнулся Борька с наглым видом победителя.

В субботу утром, и не слишком рано, что может быть лучше кофе и бутерброда с сыром? Глеб сидел на кухне, завтракал и читал новости по айпэду. За окном дымила лёгкая метель.

В комнате послышались тяжкие стоны — это проснулась Орли. Она вышла на кухню, лохматая, стучаясь плечами о стены и косяки. На ней была одна только маечка до пупа. Ходить голой или полуголой для Орли, как понял Глеб, было важным ощущением дома.

— Ты чё меня не разбудил? — капризно спросила она, вставая посреди кухни. — Сам уже лопаешь что-то вкусное, да?

Орли изображала обиженного карапуза: выпятила живот, надула губы, сунула палец в рот, словно бы не замечая своей наготы. Лобок она подстригала, но не брила, и яркий чёрный треугольник, будто стрелка, указывал, куда нужно посмотреть.

— Иди обратно и проснись как следует, правильно, — ласково велел Глеб, потрепав Орли по спинке. — А я тебе кофе сделаю.

— Ты жопа, — сообщила Орли и поплелась в ванную.

Она вернулась, закутанная в полотенце, и боком под села к столу, забравшись на кухонный табурет с ногами. Глеб поставил перед ней чашку кофе и сливочник.

— Какие у нас планы на сегодня?

— У меня — никаких, — сказал Глеб. — Я думал, сейчас расхожусь, потом мы скачаем с торрентов какой-нибудь фильм и будем вместе смотреть,

а я выпью соточку коньяка. Предлагаю «Антихриста» фон Триера — все видели, а я как-то мимо пролетел. А потом мы закажем по доставке обед и пожарём. А потом я буду трахать тебя в ванне.

Маленькой кофейной ложечкой Орли задумчиво трогала губы.

— Не, — сказала она. — Квартира в Москве нужна не для того, чтобы жить в квартире, а для того, чтобы жить в Москве.

Она допила кофе и слезла с табурета. Полотенце с неё свалилось, и она ушла в комнату голая.

Глеб завершил завтрак в одиночестве, а Орли так и не вернулась. Глеб думал, что она снова уснула, и не беспокоился. Он покурил, сполоснул посуду и направился в спальню.

Орли лежала поперёк взрытой постели на животе, болтала ногами и, подперев рукой щеку, скролила айпэд.

— Мы с тобой сегодня куда-нибудь поедem, — безапелляционно заявила она, — и я сейчас скажу куда.

— Надо было сразу рюмаху коньячины бахнуть, — вздохнул Глеб. — Тогда бы сидели дома. Рюмка утром — день свободен.

— На такси бы поехали, лентяй чёртов. И не хватай меня за попу, ты не заслужил. Желаю в кино, вот. А что, «Девушку с татуировкой дракона» ещё не показывают?

— Ещё нет. «Миссию» новую показывают с Томом Крузом.

— Мордобой мне смотреть не интересно. Поехали на выставку в Дом фотографии. Там должно быть здорово.

— Мне лень.

— Но Полянке в магазине встреча с Уэльбеком.

— Терпеть его не могу.

— Ну, поехали на «Отто Дикс» в Дом художника.

Глеб понимал, что Орли хочется есть Москву большими кусками.

— Я не поеду ни на какую выставку, — сказал Глеб, лаская Орли по задочку. — Тем более на выставку современного искусства. Не поеду на концерт. Не поеду на ярмарку цветов на ВВЦ. Не поеду на биеннале кошек. Не пойду в аквапарк, в цирк, в театр. Придумывай ещё. Но только что-нибудь своё, оригинальное. «Афишу» я тоже читаю.

Глеб знал, что никакой свободы выбора в Москве нет. Москва живёт по стратегиям. Здесь у людей есть деньги, поэтому для любого занятия, для любого дела хваткими людьми уже разработаны, так сказать, стратегии реализации, стратегии исполнения: они продеты в пункты по обмену денег на услуги, как шнурок в дырки. Ты идёшь на концерт, — значит, заодно посещаешь ресторан и магазин. Ты идёшь в бассейн, — значит, заодно посещаешь массажный салон и автомойку.

Ничего нельзя осуществить так, как хочешь. Хочешь нажраться — это надо делать с друзьями в кабаке, где стриптиз и боулинг, а не в парке на скамейке. Хочешь потрахаться — это надо делать в гостинице или в сауне, и все параметры общения с девочками оговариваешь на берегу. А на тех, кто отклоняется от разработанных стратегий, идёт охота, потому что такое отклонение — тоже чей-то бизнес. Это правила жизни в городе с большим сервисом. За тебя уже всё решили.

Определённость создавала рамки, они не позволяли ощутить себя отдыхающим на воле, поэтому Глеб не желал никуда идти. А женщине для счастья воля была не нужна, и Орли требовала сладкого рабства.

— Тогда давай поедem просто на Винзавод. Там всегда прикольно.

— Не прорвёмся туда через Центр, — вздохнул Глеб. — Митинги же. А в объезд — лучше сразу меня убей.

— Всё, блядь! — разозлилась Орли. — Тогда едем на митинг!

— А зачем? — Глеб тихонько втискивал свою ладонь между круглых и горячих ляжек Орли.

— Я буду выражать свою позицию!

— Я знаю одну позицию и хочу, чтобы ты её мне выразила.

— Я буду протестовать! — упрячилась Орли.

— Против чего? — шепнул Глеб ей на ухо.

— Против тебя, потому что ты жопа!

Конечно, Орли победила. Через час они уже выезжали со стоянки, чтобы попасть на митинг. Глеб отнёсся к этой блажи стоически, а Орли была полностью удовлетворена. Она включила диск II Divo и рылась в айпэде, изучая по прессе, блогам, Твиттеру и соцсетям, что же происходит на акции протеста. Глеб понимал, что Орли наплевать на все демократии и автократии, ей просто не терпится почувствовать себя москвичкой, живущей интересами Москвы.

— Пишут, что сто тысяч народу придёт, — деловито сообщила Орли.

День был хмурый, а точнее, никакой, как будто переживал сам себя. На перекрёстке с улицей Пальме и Университетским проспектом Глеб глянул направо, в перспективу. Там было всё нормально: никаких студенческих шествий. Не то что толпа на проспекте Сахарова.

Глеб подумал, что нынешние волнения напоминают французскую весну 1968 года, когда восстали студенты Парижского университета и даже Сорбонны. Студентов поддержали профсоюзы и так далее, и в конце концов де Голль ушёл в отставку. Но студенты бушевали не по-детски. А ныне в Москве при ста тысячах протестантов МГУ стоял, как скала, невозмутимо. Потому что для многих студентов МГУ протест подле стен университета означал изгнание из этих стен, а изгнание из МГУ означало потерю Москвы, а Москва стоила всех месс, то есть всех свобод, равенств и братств, и это без вариантов.

— Бли-ин, кого там только нет, — сказала Орли, продолжая терзать айпэд. — Понятно, Немцов, Навальный, Акунин, Быков, журналюги разные, а ещё Прохоров, Кудрин, Троицкий и даже Ксюша Собчак...

— Серьёзный пул, — удивился Глеб.

— Оцени лозунги. — Орли поудобнее повернулась в кресле боком и поджала ногу. — Ну, разные там «Отдайте нам наш выбор» и всё такое не считается... Вот... С портретом Путина: «Обещаю обещать!» Ещё: «Свободу сиськам!», «Верните кокаин в кока-колу!», «Нам нужен новый ридер!», «Вор должен лежать!», «Джунгли зовут!», «В ЖО ПУ!». Самое

классное — айпэды поднимают на палках, а лозунги — на экранах. Воще крутой прикол.

«Лексус» Глеба поднырнул под эстакаду Третьего транспортного кольца и выкатился на Бережковскую набережную. Вдалеке и справа, за серым студнем плоскости Москвы-реки, виднелись розовые короны башен Новодевичьего монастыря, игрушечные купола и колоколенка. Перспективу реки и улицы запирала высотка МИД, а слева торчали какие-то неуместные красно-белые трубы ТЭЦ, будто в Апатитах.

«Лексус» потихоньку увязал в замедляющемся потоке.

— Смотри. — Орли протянула Глебу айпэд, пользуясь тем, что в пробке Глеб может и отвлечься. — Девчонки нарядились зайчиками «Плейбоя» и стоят с плакатами «Мы не бараны». Остроумно.

Глеб глянул в экран. Остроумно. И девчонки хорошенькие.

— А эти в знак протеста танцуют. — Орли снова сунула Глебу айпэд.

В мутном и мигающем ролике танцевали три или четыре девушки в зимних одёжках. Это было очень мило и эротично.

Глеб понял, что Орли тоже хочется быть там. Чтобы её считали равной. Чтобы на неё смотрели и восхищались ею. Акты гражданского протеста на самом деле были только праздником непослушания, не более. Если нет карнавала, можно заменить его и демонстрацией, к тому же для карнавала не хватает ни традиции, ни раскованности, ни темперамента, ни климата. Может, в Глебе, как в филологе, проснул-

ся неистребимый Бахтин, или даже Бодрийяр, но неподлинность бунта для Глеба была подчёркнута креативом вроде лозунгов или ряженных.

Креатив — он всегда с месседжем, думал Глеб. Уайльд утверждал, что настоящее искусство лишено цели, а креатив всегда имеет цель, пусть даже эта цель — самовыражение автора. Назначение креатива — маскировка. Креатив помогает замаскировать подвал под ресторан, рекламу под творчество, удовольствие под недовольство.

— Смотри. — Орли всё подсовывала новые сюжеты.

«Лексус» встал в мёртвую пробку, и Глеб рассматривал репортажи с митинга. Огромная толпа с шариками и флагами. Гомон, свист, смех, гавкающий гул мегафонов на трибуне, полевые кухни. В толпе ходит волшебник в мятой шляпе из фильма о Гарри Поттере и размахивает волшебной палочкой, видимо обещая преобразить страну. Мелькает и Дед Мороз — чудотворец-конкурент. Какие-то люди, наряженные презервативами. Чёрный транспарант с черепом, костями и надписью: «Пиратская партия: качай права!» Воодушевлённо рисуют художники с покрасневшими от холода руками. Все фотографируют всех.

— Там в одном месте играет «Каста», в другом — Егор Летов, — пояснила Орли, открывая и закрывая окна разных роликов.

— Боюсь, мы прилипли на всю задницу, — сказал Глеб. — Не успеем.

Отчего такая радость у тех, кто там, в айпэде? — думал Глеб. От воздуха свободы? Но свободы там нет. Есть обычная деятельность по стратегии из на-

бора многих-разных московских стратегий: флеш-моб, перформанс, парад, гулянье... Радость участников не от свободы, а от причастности. Причастности к крутой корпорации. К такой, которая может позволить своим членам любой креатив.

Там, в айпэде, организаторы митинга, конечно, правы: в стране исчезла возможность влиять на ситуацию, не работают социальные лифты, сдохли индивидуальные стартапы — идефикс доморощенных правозащитников и политологов. Ну и хрен со всем этим. Россия выбрала себе способ самозащиты и самореализации своих граждан: корпорации. Стань членом корпорации, и она решит твои проблемы.

Глеб помнил, как полгода, что ли, назад все ржали над песенкой Слепакова из Comedy Club: «Не хочу быть Нарциссом Пьером, не хочу быть с огромным хером, а хочу быть акционером ОАО «Газпром»!» А чего ржали-то? Слепаков пел не про бабло на халяву и не про понты. Он пел про жажду экзистенциального «Газпрома». Про стремление стать членом самой крутой корпорации, которая спасёт и сохранит, как господь бог и вера православная.

В полудохлой и больной России самой реальной корпорацией была Москва. Сюда и бежали. Все умрут, а она останется. И он, Глеб, прибежал за МКАД из Апатитов, и Орли с Вятки. Конечно, внутри всё оказывалось сложнее, чем виделось снаружи, но так всегда. И Глеб подыскал здесь себе другую, более совершенную структуру — «ДиКСи». Глеб не желал Гермесу зла не потому, что был меркантилен или подл, а потому что Гермес и создал ту корпорацию,

которая спасала душу Глеба от неприкаянности. Во всяком случае, до появления чумы.

— Послушай, Орли, — осторожно заговорил Глеб. — А что ты вообще хочешь? Получить от Гермеса половину «ДиКСи»?

— Я хочу получить то, что хотел отдать мне мой отец, — отчеканила Орли, и в тоне её зазвучала сталь моральной правоты. — Отец ведь имеет право распоряжаться своей долей, не так ли?

— Да я не спорю! — Глеб поднял ладони, словно сдавался в плен. — Но Гермес тебе ничего не отдаст. Даже по завещанию отца. Он добьётся, чтобы ты подала на него в суд — и купит решение суда.

— Я догадываюсь, — мрачно сказала Орли.

Пробка подползла к площади Европы и Киевскому вокзалу.

— У меня два пути, — усмехнулась Орли. — Один — вот с ними. — Она показала Глебу айпэд. — Другой — чума. Вдруг Гермеса сожрёт чума?

— Хорошо бы, — вздохнул Глеб и полез за сигаретами. — У Гермеса двое детей в Штатах. Каждому из них досталось бы по двадцать пять процентов, а тебе — пятьдесят. Ты стала бы хозяйкой «ДиКСи».

— А твоя какая выгода? — лукаво спросила Орли.

— Я бы женился на тебе из-за денег.

Орли убрала подлокотники, потянулась и поцеловала Глеба.

— Но смотри, — предостерёг Глеб. — С «ДиКСи» ты будешь в числе тех, против кого все они и выступают. — Глеб указал на айпэд. — В числе тех, кто решает и за себя, и за других, потому что богат и влиятелен.

— А я согласна, — просияла Орли.

Мы скорбящие, но мы не лохи, подумал Глеб.

— Может, тогда с площади обратно повернём? — предложил Глеб.

27

Ничего не понимаю, думал Глеб. Он вытряхнул из пачки сигарету и закурил. Он стоял у дверей администрации кладбища и не знал, что ему делать. Смеркалось. Зима в Москве всё никак не могла начаться. Снег казался истощённым, он словно превращался в извёстку, которой сверху тщательно побелили все ветви деревьев, все плоскости, все кромки оград, крестов и памятников. Что теперь делать-то?..

Глеб явился не с бухты-баракты. Сперва, пользуясь прежними журналистскими связями, он организовал звонок из префектуры, чтобы в администрации Калитников к нему отнеслись с уважением. Так и получилось. Его встретили с улыбками, открыли архивы и дали в помощь пожилую даму в мощных очках. Глеб показал ей фотографию кенотафа Короля-Чумы, и дама недоумённо пророкотала:

— Ну что вы, милочка, это не с нашего погоста!

Дама извлекла схему захоронений того участка, где положили Гурвича, и Глеб сам убедился воочию, что на месте могилы Короля-Чумы находится погребение Егоровой Аграфены Семёновны, 1879—1891. Это погребение присутствовало на всех планах кладбища, которые сохранились в архиве. В послед-

ней версии карты Калитников, компьютерной, с интерактивными зонами участков, рядом с Егоровой Аграфеной уже значился новопреставленный Гурвич Лев Яковлевич.

— Может, что-то напутали, а может, и мошенничество, — утешала Глеба административная матрона. — Сами понимаете, и верить сейчас не приходится, и вообще вокруг кладбищ вертится столько тёмных личностей, что лучше и не соваться, это я вам говорю ответственно. Реальная могила на кладбище в Москве — золотая! Зо-ло-та-я, милочка моя! Депутаты, олигархи и чиновники в очередь стоят! На каждого умершего придётся по парочке убитых! Как жить — не знаю!..

Дама распечатала Глебу адреса десятка краеведов и специалистов по московским некрополям. Глеб с благодарностью положил листочек в карман пальто, вышел на улицу и закурил.

Он догадался, что отсутствие могилы на плане — это не ошибка и не мошенничество, а новая тайна чумы. Надо сходить и посмотреть.

Он медленно шёл по узкой дорожке, зажатой оградой и старыми деревьями. Вдали за кронами светились огни высоток, а здесь остывал чёрно-белый сумрак, вдвойне густой от плотности памятников, стел, обелисков и надгробных камней. Повсюду стояли большие и малые кресты. Их распахнутые объятия почему-то были заметны в любой тени. Кресты были деревянные — часто с кровлями, были железные — с завитушками или сквозные, были каменные — аскетично-монолитные или фигурные. С плоскостей плит смотрели лица людей: на гравю-

рах с фотографий они выглядели чересчур живыми, и потому казалось, что на кладбище меж стволов стоят призраки. А немногие скульптурные портреты, наоборот, пугали объёмной и неподвижной мертвенностью.

Причудливые и разнообразные заборчики Глебу тоже что-то напоминали... Зубцы, кружева, пики, железные шарики, кольца, витые главки — они и в полумраке обозначили углы и линии оград. Такие же вот перегородки, такие же барьеры, невысокие, но очень серьёзные, сооружены в пропускных зонах аэропортов, там, где люди пересекают границу, чтобы затем унести в небо. Глеба неприятно царапнуло сходство кладбища с аэровокзалом, без которого современная жизнь просто немыслима:obelisks стоят, словно опустевшие кресла тех, кто уже улетел, и в этом аэропорте рейсов не отменяют...

Глеб дошёл до могилы Гурвича. Здесь торчал временный крест с надетым на него искусственным венком. Ограды пока нет. Могильной плиты тоже нет: на дворе декабрь, грунт промёрз. Глебу было странно и страшно представить, что в земле, в полуметра метрах под ним лежит сам Лев Гурвич, совершенно целый, в костюме и ботинках. Считается, что он ушёл неизъяснимо далеко, а он тут, совсем близко. Какие к чёрту айфоны, какие IT-технологии, когда рядом медленно свершается что-то бесконечно древнее, вечное и непостижимое — покорное и тихое подземное растворение человека во всеобщей.

Сгоняя наваждение, Глеб потряс головой и шагнул в сторону, где была могила Абракадабры. Но там

могилы уже не имелось. Точнее, на прежнем месте оставался каменный ящик, накрытый крышкой с профилированным краем, а стильный крест с именем демона исчез.

Глеб долго пялился на остатки кенотафа, потом наклонился и начал счищать снег с крышки, надеясь, что найдёт хотя бы какую-нибудь надпись. И надпись нашлась. Едва осязаемый рельеф. Глеб, как слепой, прочёл пальцами: «Покойся в миръ свѣтлѣм, гдѣ нѣсть ни печали, ни въздыханія, но жизнь безконечная». Это были слова православной заупокойной молитвы. Их не могли написать на могиле демона. Ритуал уничтожения демона и самого Абракадабру русские заимствовали с Запада, из католичества. Откуда же эта надпись?..

Да всё понятно. Это могила девочки Аграфены Егоровой, которая умерла в 1891 году. С того времени могила обозначена на всех планах кладбища. А никакого захоронения демона нет. Оно — подделка. Глеб нащупал два круглых отверстия, куда, видимо, вставлялись штифты от креста. Кто-то снял крест с именем Аграфены Егоровой и поставил вместо него крест с именем Абракадабры.

Подделка...

Глеб распрямился. Могила демона — фальшак. Никакой чумы нет?

Если нет чумы, какой смысл в подделке?..

Издали донеслись какие-то странные звуки. Глеб поднял голову, всматриваясь в перспективу кладбищенской дорожки. Ни фонарей, ни хрена... Похоже, там двигалась очередная похоронная процессия.

Глеб выбрался от могилы девочки на асфальт и потопал, отбивая снег с ботинок, а потом решил возвращаться к церкви и к выходу с кладбища по боковой дорожке — чтобы не попасться навстречу гробу. Радости-то мало. Поздновато хоронят, темно уже...

Он зашагал вдоль плотного бетонного забора, еле различая путь. Впереди показался какой-то закуток возле дорожки, его использовали под хозяйственные нужды. К бетонным плитам были прислонены разные кресты и снятые обелиски. Глеб уже прошёл мимо, но вдруг остановился и вернулся. На могилах кресты казались большими, а так, возле забора, выглядели маленькими, как детишки в детском саду. Глеб наклонился, читая надписи. Жаль, что некоторые кресты были повёрнуты лицевой стороной к бетону...

Вот! Крест с той могилы: «Груня Егорова. Сконч. 22 июля 1891 г. на 12 году от рождения. День Ангела 23 июня». Глеб даже подсветил айфоном, чтобы не ошибиться, читая полустёртую надпись. Точно.

А рядом лицом вниз, будто смертельно раненый, лежал другой крест, массивнее и короче, и Глеб узнал его по затылку. Глеб ухватил крест за лапу, чтобы перевернуть — и надгробие оказалось необычно лёгким. Глеб снова посветил айфоном и понял, что крест был вытесан из обычных строительных пеноблоков, собранных на шпильки. Щели между блоками замазали шпатлёвкой. По внешнему виду и на ощупь для профана такой памятник ничем не отличался от кварцитового или доломитового.

го, то есть от традиционного недорогого «белого камня». Глеб всё же перевернул крест лицом вверх и увидел надпись, которую и ожидал здесь увидеть: «ABRACADABRA».

Вот она, подделка. Вот она, ловушка. И ещё — обычное российское раздолбайство, когда забыли толком замести следы преступления.

Глеб стоял на боковой дорожке старинного московского чумного кладбища, курил Marlboro Golds, весь такой успешный и модный, в кашемировом пальто Roberto Cavalli, в ботинках Silvano Lattanzi, в кожаных перчатках Forzieri, а вокруг была тусклая и тёмная зимняя ночь, и Глеб понимал, что его облапошили, как последнего лоха.

Хотя, конечно, нет, не облапошили. Просчитали. Как дурачка. Как типичного бездарного блогера с блуждающим взглядом. Впрочем, ведь таковым Глеба и выращивал Гермес, настаивая на депешах в Твиттер и на ведении Глебом своего блога в «ДиК-Си-нете»... А он, Глеб, и не сопротивлялся. Заводя эту петрушку, Гермес, конечно, не думал ни о какой чуме, он просто готовил себе менеджера с менеджерскими мозгами. И теперь все эти заготовки пригодились весьма кстати.

Базовым принципом мышления блогера, «посылкой—следствием», структурной единицей бытия была последовательность «прикол—креатив». На этом Гермес всё и построил.

В качестве прикола он соорудил фальшивую могилу Абракадабры. Рядом с погребением Гурвича с одной из старых и уже ничейных могил убрали прежний крест и поставили новый, с нужной над-

писью. А Глеб получил от Гермеса указание: надо как-то осветить похороны Гурвича.

Ясно, что похороны — не прикол. В поисках прикола Глеб будет бродить вокруг места похорон и неизбежно наткнётся на крест Абракадабры. Что делает любой блогер, увидев прикол? Фоткает его и выкладывает фотку в блоге. Это предсказуемо, как у любой собачки предсказуема реакция на столбик — задрать лапу. Глеб и задрал. Если б он не заметил столбик, Гермес подсказал бы ему, но Глеб заметил.

Следующий шаг — креатив. Участники комьюнити сразу разгадали несложную загадку с Абракадаброй, а потом Гермес подсказал Бобсу, как сляпать фотожабу. Борька её тотчас скреативил, ибо Гермес — начальник, и все его идеи обязательны для исполнения. Ну а креатив — священная корова, и Глеб, разумеется, не удалил фотожабу. И всё.

Могила демона открылась онлайн, а не офлайн: в комьюнити. И комьюнити стало зачумлено. Кто в нём зарегистрировался, чтобы поучаствовать хоть словечком, тот подхватил чуму и отныне обречён.

По сути, могилу демона открыл Гермес. Он уже сам был зачумлён, так как Гурвич обрушил на него чуму возмездия, но Гермес завёл для чумы отдельную опцию — демона Абракадабру и скинул эту опцию в комьюнити. Лев Гурвич запрограммировал чуму по средневековому образцу, и Гермес избавился от проклятия Гурвича по средневековому принципу Короля-Чумы: передай свою смерть другому.

Почему Глеб оказался в этой истории? Потому что на него можно было завязать всех, кто начал

мешать Гермесу. Борька был приятелем Глеба, а Кабуча — любовницей. Гермес велел Глебу познакомиться с Орли — и Орли тоже заглянула в комьюнити. Наконец, Глеб был достаточно интеллектуален, чтобы у него в гостях задержался и Дорн, подсказавший инженеру Гурвичу идею оружия мести — идею чумы.

Гермес всё-таки был гениальным менеджером. Он для каждого вычислил такую линию поведения, которую можно назвать линией наименьшего сопротивления, и нашёл, где эти линии сплести в узелок. А Генрих Иванович Дорн, дэнжеролог, ошибся. Узелок находился не на Калитниковском кладбище, а в комьюнити Глеба.

Глеб не заметил, что он уже идёт по узкой дорожке между оград к главной аллее кладбища. Впереди он увидел какие-то непривычные огни: они двигались все в одну сторону, скрывались за крестами и стволами деревьев, трепетали и, вообще, находились куда ниже уровня фонарей, которых тут не имелось, и чуть выше человеческого роста. Глеб понял, что перед ним вдалеке — факельное шествие. Даже нет, не шествие, а просто там идёт толпа, в которой многие несут факелы. Что за странное файер-шоу?.. Огни неторопливо плыли прерывистой цепочкой, создавая ощущение некой средневековой мистерии.

Глеб подошёл ближе и остановился, взявшись за чугунную шишку могильной ограды. Шествие и вправду напоминало жуткие похороны времён Средневековья. Люди в процессии были облачены в длинные, до земли, балахоны с колпаками, под-

шитыми к шляпам с широкими полями. Руки людей были упрятаны в перчатки с раструбами до локтя. Одни участники церемонии держали факелы, другие — багры с крючьями, а три группы этих ряженных за рукояти тащили гробы. И ещё в облике идущих что-то было не так, но Глеб не успел понять, да и поля шляп укрывали лица людей от неровного света факелов.

И вдруг вся толпа дружно, как по сигналу, повернулась через правое плечо и двинулась в сторону Глеба: процессия превратилась в шеренгу. А Глеб увидел лица этих людей. Вернее, не лица, а маски, то ли кожаные, то ли деревянные, с круглыми стеклянными глазницами, будто в противогазах, и с огромными птичьими клювами. Эти клювы своей тяжестью наклоняли головы хозяев: люди смотрели исподлобья и угрюмо — немигающими и блестящими дырами глаз. По сторонам клювов из узких прорезей курились белые струйки дыма.

Глеб узнал этих чудищ. Это чумные доктора. В старину врачи и санитары, которые соглашались выйти на битву с чумой, надевали такие вот шляпы и маски. В клювах тлели благовония, через их дым чумные доктора дышали. Балахоны, перчатки и сапоги предохраняли от контакта с зачумлёнными. Доктора крючьями стаскивали в телеги трупы умерших, чтобы не разлагались на улицах, отравляя тех, кто ещё жив. А живых чумные доктора под угрозой оружия и под конвоем сгоняли в карантины, где несчастные всё равно заражались друг от друга и умирали. И сами чумные доктора тоже умирали, так что под маской было не понять: это идёт живой человек,

чтобы спасти живых, или это мертвец сгоняет обречённых разделить его же участь.

Век интернета и гаджетов, зябкий декабрь, огненная от рекламы Москва, Калитниковское кладбище — и средневековые чумные доктора с факелами, баграми и гробами?.. Глеб увидел, что гробы — пусты. Эти гробы — для тех, кто уже зачумлён, но ещё не умер. Для таких, как он.

Клюворылые доктора шагали на Глеба по дорожкам, поперечным аллее, перелезали через ограды могил, их факелы мелькали справа и слева за крестами и деревьями. Глеб попятился. Что это такое? Что за бред, что за мираж, что за шабаш?..

Чур меня, чума!.. Глеб повернулся и побежал прочь.

28

— Когда-то у меня был пёс, французский бульдожка, я назвал его Бигль. Я ведь из воспитанников-шестидесятников, которым внушили, что культура не самоценна, а нужна для моральной поддержки более высоких практик: науки или, например, общественной деятельности. Поэтому даже своего пса я назвал в честь корабля, на котором плавал Чарльз Дарвин. С Биглем мы любили ходить гулять сюда, в Ботсад. Как-то здесь человечно, и ничто не напоминает большой город, а под занавес, если замёрзли или устали, можно кофе выпить в лобби при гостинице. Бигля моего давно уже нет, а я, старый болван, всё хожу и хожу по этим дорожкам, словно мой

пёс не умер, а просто удрал куда-то за деревья и надо подождать, когда он сам вернётся...

Глеб и Генрих Иванович медленно шагали по асфальтовой тропке Ботанического сада. Шума автомобилей совершенно не было слышно, будто Ботсад и вправду находился далеко-далеко от Москвы. Глеб приехал просто так — навестить Дорна, погулять вместе, поговорить.

— Я всегда боялся старости, — продолжал Дорн. — Примерял: каково же это — быть старым? Точно всегда жить над обрывом, шевельнёшься неправильно, неловко — и привет... И невозможно думать ни о чём другом, кроме ожидающей тебя пропасти... Оказывается, всё вполне сносно. Где-то я читал, что к старости организм человека начинает вырабатывать большее количество эндорфинов, ферментов счастья, и поэтому мы, старики, все такие блаженные: улыбаемся как идиотики, довольны малым, на печках лежим, ничего нас не касается.

— Вы, Генрих Иванович, не похожи на идиотика, — возразил Глеб.

— О-ох, — напоказ закричал Дорн, — не видали вы меня, Глеб, по вечерам, после ужина, у телевизора... Ох, как похож я на идиотика...

За голыми кронами деревьев светлело небо: в одной стороне оно матово светилось, с другой стороны отливало фиолетом, будто слегка сошло с ума оттого, что скоро Новый год, а зима не началась.

— Меня терзает ревность, — признался Дорн, — и грустно оттого, что самое интересное достанется вам, а вам оно не интересно.

— Почему же? — удивился Глеб.

— Интуиция подсказывает, — пожал плечами Дорн. — Ведь и портал «ДиКСи», лучший в мире специалист по интересному, является не тем, за что себя выдаёт. Представьте, что вы — покупатель на базаре. Вот вы пришли, «ДиКСи» вас встретил и тотчас по глазам вашим понял, что вас интересуют, предположим, грибы. Он сразу даёт вам наводки: у дяди Вани вон там солёные грузди, у бабы Мани вот тут маринованные опята, а у дедушки Ильи Петровича здесь самые свежие белые. Это то, на что вы рассчитываете. А на самом деле вы приходите на базар, и ничего вам не нужно и не интересно, а «ДиКСи» вам предлагает: можно грибочков купить, можно поглазеть, как медведь под гармонь пляшет, можно на столб за сапогами сползать, а вот тут вам водочки нальют.

— Но это проблема пользователей, а не портала, — возразил Глеб.

— И я о том же. Если бы я был кем-то вроде Фукуямы, то вывел бы закон обратной пропорциональности: чем больше у гаджета опций сверх функционала, тем меньше востребованность гаджета.

— По продажам iPhone 4S этого не скажешь.

— Вполне скажешь, — возразил Дорн. — Четыре поколения айфонов чертовски раздвинули представление о функционале айфона, и набор опций, так сказать, ещё не выходит за пределы площади опоры. Но тренд задан неверный. Индустрия увеличивает количество опций — я говорю вообще, а не только применительно к смартфонам, — вместо того чтобы увеличивать потребность в функционале.

— То есть?

— Ну, предположим, вы читаете десять книг в год. Тренд — сделать так, чтобы это были десять разных книг: детектив, фантастика, нон-фикшн, исторический роман и так далее. А надо добиваться, чтобы вы читали в год пятнадцать книг. Или двадцать.

— Понимаю. — Глеб кивнул.

— Технологии Стива Джобса нацелены на то, чтобы в число своих обычных десяти книг вы могли включить любую книгу на планете. А технологии Льва Гурвича нацелены, э-э, на чистоту жанра. Чтобы все десять книг были только детективами, не дай бог затешется фэнтези!

— Ни та, ни другая технология не двигает человечество вперёд? Вы против технологий, Генрих Иванович?

— Нет, я не луддит, — усмехнулся Дорн и посмотрел на Глеба через плечо. Сейчас Генрих Иванович очень был похож на старого, мудрого и лукавого попугая. — Я не луддит, призывающий людей забить в свои компьютеры осиновые колья. Это вы — язычники, сотворившие себе кумира из технологии. Технология — просто технология. Она не делает людей лучше или хуже. А вы считаете, что делает. Для вас у кого новее модель айфона, тот умнее. У кого больше каналов телекома, тот добрее. У кого в гаджете разнообразнее опции, тот самый умелый и самый адекватный. Разумеется, я говорю не лично о вас, Глеб.

— Сенк ю.

— Технологии Apple не так революционны, как «ДиКСи», но Гурвич своими технологиями увели-

чивает энтропию. Наша чума — знамение тепловой смерти вселенной, сгенерированное интернетом.

— Вас слушать — просто песня, — искренне сказал Глеб. — Но у меня необязательная просьба: если можете, попробуйте прозой, а?

Глебу показалось, что Генрих Иванович, как настоящий попугай, от гордости способен надуть грудь.

— Напрасно меня, старого брюзгу, вы списываете в утиль, — важно пророкотал Генрих Иванович. — Конечно, я говорю о немодерновых вещах, о традиционных ценностях, то есть о том, что применимо лишь в обычной реальности, а не в виртуальной. Но в том и парадокс развития, что виртуальная реальность оказывается нестатусной. Опаньки, как раньше говорили!

Глеб стащил перчатки и закурил:

— Что вы имеете в виду под нестатусной реальностью?

— Виртуал доступен всем. Скажем, любой автор может выложить в Сети свой роман — а книгу издаст не любой. Любой тинейджер вывесит в «Фейсбуке» фотографию, где он едет в «феррари», но в реальности «феррари» есть не у каждого. То есть качеством престижности может обладать только реальное. А виртуальное непрестижно априори.

— В эпоху конюшен престижно было иметь своё авто, а теперь авто может быть хоть у кого и престижно иметь коня, — подтвердил Глеб.

— Это уже навсегда, точнее, до тех пор, пока существует институт престижа. Престижно иметь реальное: дачу, а не бонус в отеле, яхту, а не скидку на

круиз, навыки фехтования, а не коррумпированного прокурора. И я, дэнжеролог, занимаюсь статусными и престижными вещами: я разбираюсь в культурных смыслах явления.

— А разве для вас здесь есть что-то интересное? — Глеб удивился. — Я же рассказал вам по телефону, что могила Абракадабры — увы, фальшивка, подделка, никакой не восемнадцатый век.

— Угу. — Дорн весело кивнул и процитировал: — «В Америке нет стилиг. Но мы-то есть!»

— Что вы имеете в виду?

— Фальшивка или не фальшивка могила демона на Калитниках — это оценка антиквара. Мы же не продаём эту могилу. Для нас она — культурный объект. Парадоксально, но могила существует в качестве артефакта! Значит, я изначально неверно идентифицировал сабдъект, породивший всю эту аномалию...

— Генрих Иванович, — взмолился Глеб. — Я же простой смертный!..

— Сабдъектом в дэнжерологии называется вещь, запечатлевшая в себе важную поведенческую стратегию определённой культурно-исторической ситуации. Аккумулятор большого объёма информации. Я решил, что могила демона чумы является архивированным файлом с гигантским текстом о чуме. Знаете, в фильмах ужасов герои находят какую-нибудь Книгу Мёртвых, какой-нибудь Некромикон, читают его и вызывают из ада всяких демонов. Книгу Некромикон можно уподобить сабдъекту в дэнжерологии. Хочешь прекратить извержение нечисти — воздействуй на Некромикон как-то иначе,

прочти другое заклинание из этой же книги, что ли... Но я ошибся. Могила на Калитниках — подделка. Она оказалась не собственно текстом, а ссылкой на другие тексты. Ссылка сбросила нас туда — и деактивировалась. Закрылась дверь, исчез проход. Мы обречены существовать рядом с чумой, то есть рано или поздно заразиться и погибнуть.

— Нам уже не загнать демона обратно в могилу? — спросил Глеб.

— Не-а, — помотал головой Дорн. — Вот МВД умеет реформировать себя, подобно хирургу, который сам себе делает трепанацию черепа, а мы — нет, не умеем. Находясь внутри чумы, мы не можем бить по ней снаружи. Но мы должны что-то придумать...

— Давайте думать, — поддержал Глеб.

Где-то высоко над Ботсадом гулял ветер. За чёрными кронами, как за спутанными клубками проволоки, засветился кондитерски розовый закат, одновременно девственный и развратный, будто кукла Барби. А с другой стороны, с восточной, небо посинело и рябило мелкими и нежно-жёлтыми облаками, похожими на клочки подарочной упаковки.

— Всё-таки это здорово придумано, — вздохнул Дорн. — Мы ищем могилу на кладбище, а объект, продуцирующий все ужасы, — фотожаба в комьюнити. Причём сделанная автором по указке начальства, без понимания значения... Сабдъект — фотожаба. И вот его особенность: он одноразовый! Его содержание обратно в него не упаковать. В том, мне кажется, и заключена разница между подлинным искусством, которое концентрирует в себе культур-

ные смыслы, и креативом, столь ныне популярным: креатив — одноразовое искусство.

Глеб терпеливо переживал все возрастные экскурсы Генриха Ивановича и в мемуаристику, и в культурологию, и в философию.

— Хорошо, — согласился Глеб. — Субъект виртуален и не подлежит восстановлению. Но почему же чума-то не виртуальна? Ладно бы она сидела в онлайне. Корчила морды по ту сторону экрана, сжигала бы нам айпэды, присылала бы матерные смски... Но ведь она вне Сети!

— Это вообще уже не известно, где мы теперь живём: вне Сети или внутри, — тотчас взбрыкнул Дорн.

— Давайте считать, что вне.

— А вот Джарон Ланир считает, что Сеть сама по себе аннулирует понятия «вне её» и «внутри её». Что интернет отменяет категории объективного и субъективного. Мы с вами делаем одинаковый запрос в общий объём информации по одной и той же технологии и получаем разные результаты! Например, мы набиваем в «ДиКСи-поиске»: «кино про инопланетян». Вам «ДиКСи» выдаёт «Чужого», а мне — «Солярис». Ответ разом и объективный, и субъективный. В науке есть правило объективизма: то, что невозможно повторить, не является предметом изучения. Но вы не можете повторить мой результат в «ДиКСи-поиске», а я не могу повторить ваш! Однако результат, выданный «ДиКСи», — не божий промысел и не случайность. Что же он?

— Что? — эхом повторил Глеб.

— А я не знаю что, — строптиво дёрнул плечом Дорн. — Я знаю только то, что этот результат — про-

дукт виртуальной реальности, где нет объективного и субъективного. Иван Ильин писал, что сознание верующего в идеале имеет тождество: субъективно — воспоминание, объективно — воскрешение. Воскрешение мёртвых вообще и Христово Воскрешение в частности — базовая вещь для христианской мистики. В виртуальной реальности мы видим мир абсолютного воплощения: существует всё, в том числе и воскрешение. Но такой мир нужен лишь носителю наивного сознания. Может, оно лучше нашего. Это ведь оно придумало Христа, а он — идеал. Но его воскресение — не знамение бога единого и вездесущего, иже еси на небеси, а скорее намёк, что Царствие небесное и виртуальная реальность — это одно и то же.

— Прозой, Генрих Иванович, прозой, — напомнил Глеб.

— Короче говоря, — саркастически сказал Дорн, — реальность — это то, что вы считаете реальностью. А что считать реальностью, вам подсказывает «ДиКСи», поставщик информации о мире.

Человек — это его айфон, вспомнил Глеб.

— По большому счёту любая реальность виртуальна, потому что где находится виртуал? В компьютере? Там железки. В железках? Там лишь слабые токи. У нас в головах? Но почему тогда мы не можем управлять этой реальностью? Знаете, Глеб, как цинично говорят: не важно, как народ голосует, важно, как избирком считает. По аналогии: не важно, что вы называете реальностью, важно, какой механизм вам отбирает её феномены. А механизм — «ДиКСи». Семантический интернет. Мир как раз-

влечение! У вас одно развлечение, у меня другое, у вашей девушки — третье. А чума нас кушает, как первое, второе и десерт.

— Объясните дураку на пальцах! — взмолился Глеб.

— Вы знаете, что на западных землях Спорады нуруи убили короля Раротонги за то, что тот отказался приносить жертвы Аири-того?

— Не знаю, — сухо сказал Глеб.

— Я вам сказал правду или это фэнтези? — вредничал Дорн.

— Не знаю.

— Этого мира для вас нет. Вы даже не знаете, этот мир — фрагмент нашей цивилизации или выдумка. Для вас Полинезийская Спорада по принципу существования не отличается от загробного мира, от мира параллельного или от какого-нибудь Мордора. Но вас убедили, что Спорада есть, а Мордора нет. Вот и вся разница.

— К чему вы это говорите?

— К тому, что реальность — это плод коллективной деятельности. И коллектив подкорректирует вас, если вы вдруг решите, что король Раротонги жив, а орки захватили московский метрополитен. Коллектив скажет вам, что короля убили, а метрополитен свободен, ибо орков не бывает. Наш мир — это сумма впечатлений, а не частное впечатление. Сумма компетентностей, а не личное мнение.

— Звучит некреативненько, — поморщился Глеб.

— И тем не менее, Глеб Сергеевич... А вот «ДиК-Си» превращает мир в частное впечатление. У вас оно одно, у меня другое, у вашей девушки — третье.

Вышло, что интернет, задуманный как средство объединения людей, на самом деле разъединяет. «ДиКСи» позволяет каждому жить в собственном мире. А в пустоте между «собственными мирами» рыщут демоны, потому что сон коллективного разума тоже рождает чудовищ.

— Что же вы предлагаете?

— А я не знаю. — Дорн по-мальчишески пожал плечами. — Запретить интернет — это Северная Корея. Контролировать невозможно. А тренд нашего мира — рассыпаться на изолированные друг от друга атомы частных виртуальных реальностей. Однако, с другой стороны, в общем единомыслии тоже нет ничего хорошего: это колхоз, барак и совок! Может, вы, Глеб, что-то придумаете? Как сохранить индивидуальность и не стать добычей Абракадабры?

29

Едва Глеб сказал в трубку «да», Борька выпалил:

— Слышь, я всё понял про эту чуму!

Глеб стоял в заторе, времени было навалом, можно и поболтать.

— Класс! — ответил он Бобсу. — И чё? Как там всё?

— Зря мудишь, — почувал насмешку Борька. — Тут от чумы знаешь, куда ниточки тянутся? В КГБ, понял!

— Круто.

— Зря не веришь, — обиделся Борька. — Тут всё дело в здании. Ну, в бывшем институте, где шас си-

дит «ДиКСи». Знаешь, чего там было до девяносто второго года? Слышал про Кена Алибека, журналист ты херов?

— Нет, никогда не слышал. — Глеб и вправду заинтересовался. Какая-то неожиданная сторона чумы.

— Короче, набери в поисковике «Кен Алибек» или «Боевая чума» и прочитай. А потом поговорим.

Борька отрубился.

Глеб закурил, вывел на экран айфона «ДиКСи-поиск» и настучал: «Боевая чума». Одиннадцать материалов. Глеб начал читать по релевантности.

Возбудителем чумы была бактерия — одноклеточный организм. Её в 1894 году определил французский учёный Александр Йерсен. Он приехал в Индокитай бороться с третьей пандемией чумы, полюбил эти тропики, подобно Гогену, и остался здесь на всю жизнь. Он основал во Вьетнаме Институт Пастера и горный курорт, который превратился в город Далат. Здесь Йерсен прожил полвека и умер в 1943 году. Ныне его почти как святого почитают на курорте Нячанг.

Глеб, как турист, посмотрел фотки Нячанга. Из пылающей лазури океана выпирали мохнатые зелёные бугры тропических гор. Перистые пальмы, бухты с кораблями и светящиеся соты отелей. Тростниковые конусы зонтов и голые таечки на перламутровых пляжах.

...А вообще, на Земле существует чуть ли не миллион разных видов бактерий. Чумная очень живуча. Комфортнее всего она чувствует себя в желудке чумной блохи. Кусая жертву, блоха заражает её чумой.

В свою очередь, блохам нравится жить на крысах, хотя в тяжёлые времена блохи переселяются на других грызунов, на верблюдов или сайгаков. Без крови блоха может обходиться шесть недель, поэтому умеет путешествовать с купеческими товарами, где питаться ей нечем.

Глеб словно своими глазами увидел эти караваны, где под унылые распевы погонщиков сквозь нестерпимые горячие миражи едут через пустыни выюки с шёлком и перцем, с опиумом и рисом, с чаем и чумой.

Подцепить чуму, то есть быть инфицированным бактерией чумы, возможно всеми способами: через кровь, через слизистые оболочки и через дыхание. Чума — это общее разрушение организма: отключаются системы жизнеобеспечения, всё гниёт. Лимфоузлы превращаются в пузыри гноя — в бубоны. Человек чернеет от кровоизлияний, глаза выпучиваются, как у разъярённого быка, руки и ноги отекают.

Бубонная чума — самая распространённая, но бывает и лёгочная, кишечная, кожная и септическая. Смертность от чумы доходит до восьмидесяти-девяноста процентов. Заболевший чумой живёт от нескольких часов до нескольких дней. Обычно умирают на третьи-пятые сутки. Начинает резко болеть голова, поднимается жар, больной ложится — и уже не встаёт.

И конечно, во все времена тираны и деспоты, цари и полководцы мечтали приручить чуму — страшную и победоносную силу. Первая попытка заразить врага чумой, бросая к нему чумные трупы,

описана историками ещё двадцать пять веков назад. Да и сама Чёрная Смерть, по легенде, началась с того, что ордынский хан Джанибек обстрелял из катапульт зачумлёнными мертвецами генуэзскую крепость Каффу. Но всё же первым применением бактериологического оружия считаются события 1763 года, когда бесстыжие британцы в Канаде продали индейцам шерстяные одеяла, заражённые оспой.

«А князь тем ядом напитал свои послушливые стрелы, — поневоле вспомнил Глеб, не медиаменеджер интернет-холдинга, не столичный хипстер и не дауншифтер в Нячанге, а русский школьник в северном городе. — И с ними гибель разослал к соседям в чуждые пределы...»

Далее «ДиКСи» настырно подсовывал Глебу статью «Чумной форт».

«Чуму изучали во всём мире. В России — в лаборатории КОМОЧУМ: в особой комиссии по борьбе с чумой. Она располагалась в бывшем форте “Александр I”, который прозвали Чумным фортом.

Его построили на островке в Маркизовой Луже к югу от острова Котлин в 1845 году. Массивная крепость посреди моря имела четыре боевых яруса на 140 орудий и казематы на гарнизон в 500 человек. Однако в 1869 году этот форт исключили из состава оборонительных сооружений Петербурга, а в 1897 году передали Императорскому институту экспериментальной медицины. Подразделением института и стал КОМОЧУМ. В изолированной цитадели, где контакт с миром был только через пароходик “Микроб”, чуму пускали погулять на привязи.

Чума сбегала с привязи дважды. Первый раз — в 1904 году, когда врачи изготавливали “чумную пыль” и заразился доктор Турчинович-Выжникевич. Он умер на четвёртый день: на руках у лучших в стране борцов с чумой, в сердце противочумной крепости. Через три года, не промыв инструмент, заразился доктор Шрейбер и тоже умер.

Больше чума не прорывалась. А лаборатории Чумного форта были закрыты в Гражданскую войну. Потом исследования перепоручили другим учреждениям, а цитадель борьбы с чумой к XXI веку оказалась заброшенной. На каменных боевых площадках форта среди гулких казематов изредка грохочут равнодушные ко всему рейв-дискотеки».

Глеб посмотрел картинки форта «Александр I». Бывать там Глебу не приходилось. Закопчённая трёхъярусная громада среди плоского синего моря пугала какой-то оголённой артиллерийской простотой. Не чума, так запустение, — смерть всё равно здесь победила.

Глеб продолжал читать другие материалы.

В двадцатых годах европейские гении придумывали всё новые и новые технологии боевой чумы. Снаряды с культурами вирусов. Стекланные беби-бомбы. Плавучие мины-термостаты. Установки для создания микробных туманов и дождей. Ультразвуковые пушки, чтобы гнать на врага полчища чумных крыс. Со всеми этими чудесами ознакомился японский генерал Сиро Исии — и предложил их своему командованию.

Под руководством Исии в 1932 году на оккупированных Японией территориях Китая под Харбином

в составе Квантунской армии были учреждены два особых подразделения: «отряд 100» и «отряд 731». Для них построили отдельные секретные городки с электростанциями и аэродромами. Эти городки потом называли «кухнями дьявола».

В «отряде 100» проводились опыты над животными, а в «отряде 731» — над людьми. Здесь, в сырых бетонных казематах блока «ро», в чудовищных опытах погибли тысячи военнопленных: их тут называли «брёвна». Людей не только заражали чумой и прочими болезнями, но испытывали на отравление, обморожение, утопление и механические повреждения. Интересно ведь, когда умрёт человек, если из него по очереди вынимать орган за органом? Интересно, как расплёскивается мозг, если стрелять человеку в лоб, в висок, в темя, в затылок...

В «отряде 731» изготавливали бактериологическое оружие: капсулы из керамики или фарфора начиняли чумными блохами. На полигонах кинооператоры в спецкостюмах снимали, как эти бомбы лопаются, и блохи облепляют привязанных к столбам людей. Такое оружие японцы применили против Китая, сбросив бомбы на 11 уездных городов, а против СССР бактериологические диверсии совершали камикадзе, что подписывали документы своей кровью.

Глеб рассматривал блёклые снимки: скуластые и бесстрастные лица азиатов, непривычная военная форма, степь, бетонные коробки, колючая проволока, кучи трупов с торчащими руками и ногами...

Когда началась война СССР с Японией, городкам генерала Исии поручили произвести 300 кило чумных блох, 100 кило бактерий чумы и три милли-

она крыс. Вскоре это задание заменили другим: уничтожить все следы деятельности. Но японцы ничего не успели, войска СССР захватили оба отряда. Сиро Исии бежал и сдался американцам. В США он продолжил свою работу над боевой чумой. А в 1949 году в Хабаровске судили двенадцать взятых в плен офицеров генерала Сиро. Правда, никто из них не получил смертного приговора. Исии умер в 1959 году.

Глеб курил Marlboro и читал про все эти ужасы с экрана айфона, его «лексус» стоял в пробке на улице Зорге — и чёрт же дёрнул сюда поехать? Сожранные чумой азиаты, жертвы и палачи, казались совсем далёкими, не имеющими отношения к нему, Глебу... Но так ли уж всё это далеко? Ведь и сейчас он не может вырваться с улицы, названной именем человека, что был повешен на рояльной струне в токийской тюрьме «Сугамо». Кстати, последнюю жену Зорге звали Ханако Исии.

Ладно. Глеб вернулся к айфону. Следующий документ назывался попсо́во, как статья в «Комсомолке»: «Академия боевой чумы».

«В Гражданскую войну даже безжалостная советская власть была потрясена размахом эпидемий холеры и сыпняка, поэтому, укрепив позиции, в 1933 году комиссары учредили Биотехнический институт. Он создавал лекарства против эпидемий, но заодно разрабатывал и способы заразы. Институт возглавил молодой учёный Иван Великанов. В 1938 году его расстреляют на Бутовском полигоне — в том числе и за странную миссию к японцам и генералу Сиро Исии.

Институт расположился там, где художник Шишкин рисовал своих медвежат в сосновом бору — на дивном острове Городомля посреди озера Селигер, в старых постройках Гефсиманского скита. Однако в 1942 году, спасая от немцев, институт перевели в тихий город Киров. За Вторую мировую войну институт изготовил 47 миллионов доз вакцины, а в Советской армии чумой не заболел ни один боец.

Доктора знали, как убить всех людей на Земле, но работали они ради спасения народов. Для Кировского института открыли ещё пять филиалов. Секретные научные объекты Свердловск-19, Лихоборка-2 и Загорск-6 вели исследования. Секретный завод Киров-200 изготавливал вакцины. Испытания проводились на чумном полигоне Контубек на острове Возрождения в Аральском море, где был построен секретный городок Аральск-7. Так в СССР появилась Академия боевой чумы.

Ей не пришлось наносить по врагам чудовищные удары. Лишь раз, в 1979 году, из Свердловска-19 в областной город Свердловск сбежала сибирская язва, от которой умерла сотня горожан. Других катастроф не было. А в конце XX века бактериологическое оружие запретили».

Глеб уже не мог остановиться. «ДиКСи», дьявол, знал, как увлечь Глеба до потери осторожности. Глеб медленно ехал вместе с пробкой и одновременно читал, ожидая, что вот-вот с кем-нибудь поцелуется бамперами. Следующий документ назывался «Остров Возрождения».

«Этот остров близ южного берега Арала был найден экспедицией лейтенанта Алексея Бутакова в 1848 году. Кстати, художником в той экспедиции был поэт Тарас Шевченко. В 1948 году на острове закрыли рыбозавод, построили секретный городок Аральск-7 и оборудовали полигон Контубек для испытаний бактериологического оружия.

На полигоне взрывали бомбы с боевыми штаммами или распыляли бактериальные вещества. Опыты проводили над морскими свинками и крысами, над лошадьми местного конезавода и даже над павианами. Животные не могли сбежать с острова. Трупы закапывали здесь же в могильниках. Азиатская жара убивала бактерии не хуже дезинфекции.

С острова специалисты ездили в командировки на плато Устюрт: сюда, на древние “араны Джучи”, подобные таинственным знакам пустыни Наска, самолёты с аэродрома города Энгельса сбрасывали бактериологические бомбы. Груды погибших джейранов и сайгаков учёные погребали в скотомогильниках, облитых от заразы лизолом.

Полигон был закрыт в 1992 году. Город полностью обезлюдел. Но Аральское море отступило, и через десять лет остров стал сушей. И на секретный объект повадились ездить добытчики металлолома и разное ворьё. От них и стало известно про странные женские бараки возле огромного лабораторного корпуса, про герметичные комнаты с гинекологическими креслами, про крематорий и библиотеку, про склад мужских и женских манекенов, про заваренные намертво и доныне недоступные подва-

лы-сейфы, про бункеры, забытые каким-то пеплом...

В общем, острова Возрождения уже нет. Чумной полигон Контубек и заброшенный город Аральск-7 сейчас принадлежат Узбекистану».

Оставался последний документ — «Кен Алибек». Глеб свернул в какой-то тупичок перед Хорошевским шоссе, запарковался как попало, включил аварийку и принялся дочитывать.

«Женевский протокол 1925 года признал бактериологическое оружие оружием массового поражения и запретил его использование. Правда, протокол не запретил разработку, испытание, изготовление и накопление этого оружия. Протокол подписали три четверти стран земного шара. Недостатки протокола были скорректированы в 1972 году Конвенцией о биологическом оружии. Но увы: никто не знает, как контролировать исполнение этих международных постановлений, потому что все вопросы биологического оружия засекречены.

Конечно, основными разработчиками такого оружия во времена холодной войны были США и СССР. США после принятия Конвенции действительно прекратили работы над бактериологическим оружием, а СССР — нет. Одним из руководителей советских работ был доктор наук и полковник Канатжан Алибеков. Он возглавлял БТИ АМН СССР — московский филиал Биотехнического института “Лихоборка-2”.

В 1990 году Алибеков обратился к генсеку КПСС Горбачёву с предложением закрыть все работы по

бактериологическому оружию. Горбачёв поддерживал учёного, но что-то где-то было не так: власть лгала, и работы продолжались уже втайне от Алибекова, институт которого был упразднён и расформирован.

В 1992 году учёный полковник, “доктор Чума”, эмигрировал в США и стал Кеном Алибеком — ярым борцом против “пушек чумы”. В России его, разумеется, проклинали, хотя в понимании мирового сообщества Кен Алибек — фигура, равновеликая академику Сахарову, только не от водородной бомбы, а от чумовой».

Всё. Подборка «ДиКСи» закончилась. Это то, что обычный идиот должен знать о чуме. Глеб подумал и позвонил Борьке.

— Бобс, я прочитал, — сказал он. — Впечатляет. Но при чём тут мы?

— А ты не допёр?

— Ну, так... Общетеоретически...

— Короче... Гермес и этот Алибек как-то связаны. А комплекс, где мы все сидим, — это и есть секретный институт «Лихоборка-2», понял?

30

Глеб прогуливался по рекреации и от безделья крутил в ладонях чашку с логотипом «DiCS». Возле кофемашины возилась незнакомая девушка с расшнурованной офисной попой. Крохин опаздывал. Он явился взъерошенный и озабоченный, в ужасной кофте, длинной и волосатой.

— Здорово, Мурка, — торопливо сказал он девушке. — Здорово, Глеб. Мурзик, отдай мне своё кофе, а? Спешу, бля, спина горит!

Он выхватил из кофемашины чужую чашку.

— Борька, не один ты весь такой занятой! — возмущённо сказала девушка. — Сукой будешь!

— Буду-буду, — согласился Борька. — Глеб, идём.

— Как, миссия выполняема? — на выходе из рекреации спросил Глеб. — Подготовил нашу секретную операцию?

— Тс-с-с! — оборачиваясь, испуганно зашипел Борька и прижал к губам указательный палец. — Нельзя об этом!

— Да ты чего? — удивился Глеб.

— Пошли!

Они сбежали вниз по лестницам и вышли во двор комплекса «ДиКСи» не через холл и главный подъезд, а через пожарный выход. Глеб вдохнул всей грудью: хоть и городской воздух, но всё равно лучше сигаретного дыма в офисах и кондиционированной мертвечины.

— Вам же нельзя о нашей задумке говорить вслух! — пояснил Бобс.

— Нигде?

— Здесь в помещениях нельзя. Прослушка, съёмка, всё такое.

— Крохин, ты в шпионов играешь! — раздражённо сказал Глеб.

— Не видел, что ли, камеры во всех углах?

— Такие же, как ты, придурки повесили. Нафиг надо слушать нас, записывать? Мы что, в «ДиКСи»

то, ядерную бомбу мастырим? Или кто-то штрафует тебя, если ты Гермеса пидарасом обзываешь?

— Сейчас зайдём к охране, так посмотри, что у них на мониторах! — обидчиво ответил Борька. — Мы все под колпаком!

Глеб только покрутил пальцем у виска.

— Я к ним залезал в ихние икс-файлы, видел запись с камер, как Митька Баторадзе Ленку Копылову пердолит на диванчике в еённом кабинете. Там и другие ролики у них есть.

— Только на такое и способны, — буркнул Глеб, а про себя подумал: интересно, а есть ли у охраны записи его развлечений с Кабучей?

— Короче, Глеб, будешь говорить о нашем деле под камерами — я, нахер, ничё не делаю и везде со-скакиваю. Я работу терять не хочу.

— Ладно, понятно, — согласился Глеб — Идём.

Они перешли двор по тонкому снегу, больше похожему на иней, и поднялись на крылечко поста охраны возле автоматических железных ворот. Пост представлял собой отдельный домик с большим окном во двор комплекса и с амбразурой наружу.

Внутреннее помещение надвое разделяла стойка и стеклянная стенка с проёмом. В закутке перед чёрно-белыми мониторами сидели три охранника в пятнистых камуфляжах: видимо, в офисах «ДиК-Си» в случае спецоперации они рассчитывали замаскироваться под палую листву. Каждый экран показывал картинку с двух десятков камер.

— Мне в энергосекцию и в дата-центр, — сказал Глеб, подавая свой пластиковый пропуск. — Я зайду с внутреннего двора. А это со мной.

Глеб кивнул через плечо на Борьку, и Бобс тоже подсунул бейдж. Как топ-менеджер, Глеб имел право входа в любое помещение «ДиКСи», надо было только предупредить охрану. А Борька Крохин такого права не имел, потому что формально был рядовым работником.

Пожилой охранник со строгим и красивым лицом потомственного офицера сделал отметку в журнале, настучал что-то на клавиатуре и вернул карточки Глебу и Борьке.

— Проходите, Глеб Сергеевич, — сказал он.

Глеб подумал: неужели от скуки на посту этот интеллигентный и моложавый мужчина бродит по порносайтам, раскладывает пасьянсы, базарит в чате или разыскивает адюльтеры, мотая записи с камер?..

Борька и Глеб вышли обратно во двор и пошагали в дальний угол, к подъезду, где тоже имелся вход в подвал. Просторный двор бывшего НИИ наполовину был превращён в автостоянку для руководства. Глеб тихо гордился, что его «лексус» находится среди всех этих седанов и джипов. Мелкая рыбёшка вроде Бобса свои «фердипердозы» держала за воротами, на парковке. Но атмосферу престижа во дворе портили грязные фургоны с иногородними номерами. Видимо, они перевозили какие-то важные грузы, потому их и пускали за ворота.

Бобс сказал Глебу, что наткнулся на некие подземелья НИИ, а в тех подземельях обнаружил остатки оборудования для производства боевой чумы и вообще что-то жуткое и ужасное. Попасть в катакомбы можно было через подвал, где находились основ-

ные мощности «ДиКСи»: помещения с серверами, аккумуляторный отсек, подстанция и дизель-генератор на случай блэкаута. В недоступности хозяйства «ДиКСи» не было ничего тайного или экстраординарного. Серверы нуждались в спокойствии и в стабильности условий работы, а к системам резервной энергетики посторонним соваться нечего. Все большие конторы имели такие же отделённые от посторонних структуры обеспечения.

Глеб, член касты топ-менеджмента, мог приблизиться к запретным пространствам «ДиКСи», а Борька не мог. Но он накопал что-то в старых планах и документах — вернее, сказал, что накопал, — и готов показать это Глебу, однако необходимо провести его в отдел серверов.

— Всё тут связано! — горячо пояснял Бобс Глебу. — Кен Алибек в 1992 году уехал в США, а Гермес в 1993 году вернулся из США в Россию! Вернулся — и приватизировал институт, которым руководил Алибек! И неизвестно, что оба они делали, когда вместе находились в Штатах! Наверняка ЦРУ их свело так, чтобы Гермес выполнил какое-то задание Алибека по разработке чумы!

— Борька, это бред.

— А как же Гермесу удалось приватизировать огромный институт? Гермес в то время был моложе, чем ты сейчас, а у тебя что-то нет такой недвижимости! Гермесу помогло ЦРУ, договорённости с Россией по Алибеку! Гермес не шпион, он выполняет какую-то миссию по чуме сразу для Америки и для России, а миссию придумал Алибек! Поэтому Гермес и получил такую собственность! А мы — жертвы миссии!

— Приватизацию легче объяснить просто лапой в мэрии Москвы, — возразил Глеб. — Девяносто третий год, новая команда Лужкова, мутная водичка...

— Вот сам увидишь и поймёшь, — туманно сказал Борька.

Глеб не стал спорить. Борька хотел жить в мире увлекательном, как компьютерная игра: с заговорами и войнами разведок, с тайными операциями и секретным оружием. Но объяснялись события, скорее всего, тривиально: это распили и махинации. Впрочем, увлекательные объяснения тоже были тривиальны. Глеб не желал поверить Бобсу, потому что банальность фантазий была мучительнее и постыднее, чем банальность полного отсутствия воображения.

Они дошли до железной двери под бетонным козырьком. Глеб надавил кнопку вызова и показал клюнувшей вниз веб-камере свой пропуск. Магнитный замок лязгнул, открываясь.

За железной дверью был небольшой холл, где сидел ещё один охранник. За его спиной начинались служебные помещения «ДиКСи»: не только проход в подвал к дата-центру, но и разные посты управления вентиляцией, распределительные щиты, водные и канализационные коллекторы — в общем, был большого административного комплекса. Охранник зарегистрировал карту Глеба и включил лифт.

Обшарпанная, технического вида кабина опустила Глеба и Бобса этажом ниже, в тамбур перед дата-центром, в котором поддерживался особый режим. Тамбур выглядел как Центр управления полётами: с плетями кабелей и гофрированными трубами,

с приборными панелями и пультом. На бетонной стене было написано по трафарету: «TIA-942 Uptime Institute ГОСТ 34». Глеба и Борьку встречал толстяк в джинсе.

— Здорово-здорово, Скрудж, — сказал ему Бобс. — Я же говорил, что смогу. Это Глеб, он со мной. Ты фонарь зарядил?

— Зарядил, — кивнул толстяк. — Бахилы надевайте.

В больничных бахилах Глеб и Борька переступили массивный порог металлической герметичной двери и оказались в обширном помещении, заставленном ровными рядами стеллажей с аппаратурой, словно в каком-нибудь научно-фантастическом фильме эпохи первых «Star Wars». На потолке в шахматном порядке ровным белым сиянием лучились квадратные светодиодные плафоны. По голым бетонным стенам, прихваченные скобами или уложенные на кронштейны, тянулись провода и шланги. Гудели кондиционеры.

— У нас микроклимат, — пояснял толстяк. — Следим и за уровнем вибрации, и за уровнем шума, и за влажностью, запылённостью...

— Тут мозги «ДиКСи», — сказал Борька Глебу. — Здесь изолированные контуры и многоступенчатая защита.

— Я понимаю, не впервые здесь, — сухо ответил Глеб.

— Ты меня куда посадишь? — спросил Борька у толстяка.

— Вон с этого терминала можно.

— Что значит — посадишь? — не понял Глеб.

— Я здесь останусь поработать, — пояснил Борька. — А тебе Скрудж покажет, куда надо пройти, чтобы увидеть ту черню.

— Один я, что ли, пойду? — изумился Глеб.

— Один, — согласился Борька. — Слушай, мне вот так надо. — Борька провёл пальцем себе по горлу. — Кое-какие функции можно править только отсюда. С инета или по внутренней сети к ним не подлезть, там VPN-шлюзы и межсетевые экраны не пустят. Можно только прийти сюда личной харей и всунуться через местный USB-порт. Так что ты пока посмотри, чего там Скрудж нашёл, а я тут пошаманю. О'кей?

Борька сунул в рот, как свисток, заранее приготовленную флешку и уселся на вертящийся табурет перед экраном, стоящим на какой-то боковой стойке. Толстый Скрудж вежливо взял Глеба за локоть.

— Осторожнее тут, пожалуйста, — попросил он. — Пойдёмте. Я дам вам фонарь, чтобы вы осмотрели дальний коридор...

И вскоре Глеб уже стоял в тёмном коридоре, освещая себе путь фонарём. Всё это напоминало дешёвый ужастик. Скрудж просто открыл перед Глебом какую-то другую герметичную дверь, за которой был полный мрак, и сказал, что надо идти по коридору, а в конце и будет то, о чём говорил Боря Крохин. А о чём говорил Боря Крохин? — тупо подумал Глеб. Боря Крохин ни о чём конкретно не говорил...

Похоже, дата-центр занял далеко не все подвальные помещения институтского комплекса. Огромная часть подвалов не использовалась вообще никак. Не мудрено: окон нет, доступного прохода тоже

нет, ни под офис, ни под склад не приспособить. Дата-центр отгородил эти катакомбы герметичной дверью, да и всё.

Глеб медленно пошёл вперёд. Рефлектор фонаря был подкручен на рассеивающий свет, поэтому Глеб видел всё. Длинный коридор. Направо и налево — комнаты. Кое-где громоздится какая-то рухлядь: ветхие деревянные стулья без сидений, хромоногие шкафы, столы без ящиков и с обломанными углами столешниц. На потолке — ржавые сетчатые намордники от ламп. На полу в бетон утоплены рельсы. По стенам, выкрашенным синей краской, висят толстые связки проводов с отвалившейся изоляцией. Всюду пыль, холодно, грязно.

Глеб чувствовал какой-то обман. Не то чтобы ему пообещали показать секретную лабораторию, а показали слесарный цех, нет... Но как-то ловко его, Глеба, выкупил Бобс. Навалил кучу всякой несвязной чуши... Он сам здесь что-то нашёл или этот Скрудж нашёл? Какие, нахер, чумные разработки ЦРУ, тайная миссия Гермеса?.. Какие у Бобса документы по «Лихоборке-2», по чумному институту Кена Алибека?..

Глеб вспоминал разговор с Борькой.

— Там какие-то камеры, печи, что ли, трансформаторы, баки такие железные, чтобы сделать чуму, оцифровать её...

— Борька, ты сам бак железный! — бесился Глеб. — Что за пургу ты несёшь? Чума — не сумасшествие! Это зараза! Вирус! Распространяется как грипп, как сифилис, как СПИД! Чего ты там оцифруешь? Харчок на сайт пришлешь? Трахнешь по

е-мейлу? Ты понимаешь разницу между компьютерным вирусом и обычным, биологическим? У человека в башке не софт, чтобы посмотреть на экран — и зарасти бубонами!

Борька будто не слышал Глеба:

— Подвал там хер знает какой длины! Рельсы в нём! Наверное, он соединяется с Метро-2, и через него можно всю Москву по метро чумой заразить! Поэтому КГБ отдало это здание для института Кену Алибеку, а затем ЦРУ помогло приватизировать Гермесу!

— Метро-2 — миф! И даже в мифе оно находится не в этой части Москвы! НИИ построен в семидесятые годы, а Серпуховская ветка проложена в конце восьмидесятых — начале девяностых! Борька, у тебя вообще ничего друг с другом не бьётся, не срастается!

— Да иди ты! — отмахивался Борька.

Можно было плюнуть на Бобса, но Глеба смущала уверенность Борьки в том, что идти в подвал необходимо. С чего он так уверен? Он же не дурак, чтобы соглашаться с собственными аргументами про ЦРУ и Метро-2. Либо у Бобса есть ещё какие-то доводы, о которых он не сообщает, либо эти бредни маскируют истинную — и весьма вескую — причину, по которой Глебу надо побывать в подвале.

И вот теперь Глеб, как дурак, как какой-то сумасшедший диггер, шёл по заброшенному и засранному подвалу с фонарём в руке, тоже мне, блин, хипстер недоделанный! И надо было повернуть назад, но ежели уж оказался здесь — так разумнее дойти до

финиша. Вряд ли подвальный коридор из-под «ДиКСи» впадает в Метро-2 или даже в Метро-2033, чтобы бродить здесь, пока не отрастёт борода до пупа!

Что он ожидал здесь увидеть? Странные и страшные следы чумы из пробирки, как на полигоне Кон-тубек? Отсеки, забитые до потолка расчленёнными манекенами, чьи руки, ноги и торсы будут блестеть в луче фонаря, словно костяные? Бункеры, полные слежавшегося и окаменевшего пепла от кремированных жертв? Оплавленные ёмкости автоклавов и пустые инкубаторы с потемневшими стёклами?

Да и вообще: здания НИИ, занятые ныне «ДиК-Си», — это институт «Лихоборка-2», подразделение Академии боевой чумы, или вовсе нет?

В коридоре было очень тихо. Глеб слышал, как бахила хрустит под подошвой его модного ботинка. Всё абсолютно неподвижно. Движение теней от фонаря только подчёркивало неподвижность брошенных и поломанных вещей. Сквозняк не шелестел обрывками бумаги, не шуршали мыши, не капала вода. Это пространство точно в обмороке.

И конечно, тотчас послышался тихий лязг. Глеб не сомневался: он непременно обнаружит что-нибудь, едва решит, что ничего нет.

Он остановился у дверного проёма и посветил вглубь боковой комнаты. В углу, спиной к Глебу, лежал человек в грязной серой одежде и в рваных, мятых ботинках. Лежал этот человек, похоже, в луже собственной мочи. Выбраться из этой лужи он не мог, потому что на шее у него был ошейник, а от ошейника к скобе в стене тянулась цепь. Привязь не

позволяла человеку поменять место. В нос Глебушибанула вонь нечистот и немытого тела. Узник смердел, как труп.

Глеб стоял, светил на узника, не подходил ближе. Он и боялся, и брезговал. Что это за человек? Бомж, что ли? Вдруг у него чума?

Узник застонал и начал приподниматься. Глебу почудилось что-то знакомое в толстом круглом плече, в бычьей шее... Узник заелозил ногами, опёрся о стену рукой с чёрными ногтями и обернулся на свет. Отросшие волосы, усы и борода укрывали лицо, но Глеб узнал вислый крупный нос и глаза. Это был Лев Гурвич.

— Вы?.. — охнул Глеб.

Гурвич жив?! Он не умер?!

В голове у Глеба моментально выстроилась схема: Гурвич жив, похороны — имитация, Гурвич сидит на цепи в подвале, потому что он нужен Гермесу, потому что без Гурвича протоколы «ДиКСи» протухнут и портал сдохнет... Гермес убрал Гурвича из игры, но не убивал...

— Вы живы? — потрясённо прошептал Глеб.

А Гурвич вдруг улыбнулся и покачал головой.

— Не бойся, я умер, — глухо сказал он. — Это я мёртвый вот такой.

И Глеб сразу понял, сразу поверил, что перел ним — не Гурвич.

— Кто вы?..

— Я-то?.. — Узник задумчиво почесал пятернёй в паху и закричал от удовольствия. — Я — чума. Я здесь, чтобы всё сожрать, а «ДиКСи» — прекрасный механизм потребления мира!

Узник засмеялся, и в тишине подвала зазвенела его цепь.

— Ты потребляешь мир с помощью «ДиКСи», — наклоняясь вперёд, прохрипел Гурвич. — А мир потребляет тебя с помощью чумы!

Рот Гурвича внутри был затянут паутиной.

31

Kuporos: Как я понимаю, тут собрались люди занятые, им некогда читать большие матереалы по сноскам. Я сделал сводку по теоремам чумы сам, хотя не люблю, когда выступают неспециалисты. И таких теорем, оказывается, всего две.

Глеба уже тянуло в комьюнити, как домохозяйку на сериал или как девочку-подростка к очередной порции «Дома-2». Возможно, как тюремного охранника к глазку в двери камеры смертников. Глеб не готовил ужин, а просто сидел на кухне и скролил ай-пэд.

Kuporos: Первая теорема чумы «крысиная». Она утверждает, что чума существует постоянно, а не вспышками, и распространяется она всегда до максимальных пределов, докуда только сумеет. Если она еще не уничтожила все человечество, то лишь потому, что ее что-то останавливало: преграды в виде морей, холодов, малого населения или искусственных карантинных, устроенных людьми. Вторая теорема чумы «очаговая». Она утверждает, что существуют древние природные очаги чумы, которые пульсируют: то угасают, то активизиру-

ются. В самые страшные периоды истории они воспаляются все вместе. Это и есть пандемия. Не известно, отчего вдруг случается вспышка чумы, и почему чума затихает — тоже не известно.

Картина, что нарисовал «Купорос», показалась Глебу грандиозной и зловещей одновременно. Человечество в тихой смене поколений текло мерно, ровно и широко, словно Гольфстрим, — и вдруг без всякой причины закручивалось чудовищным водоворотом эпидемии. А потом эта воронка исчезала, словно глотала себя, и на её месте опять бежал спокойный поток. Но где-то в глубине копилось тайное возмущение, которое через некоторое время опять разъярит зияющее жерло.

Miroed: Но чумуту всеравно разносят крысы

Prizel: Если считать, что развитие идет всегда по той или иной нисходящей или восходящей прогрессии, то лишь очаговая теория объясняет тот факт, что чума до сих пор не истребила человечество.

YMHEEBCEX: демон могучь но не всемогущ!!!!

D-r_Pippez: Где найти карту очагов?? Где карта, Билли??!!

Nan_Madol: Очаговую теорию чумы разработали русские ученые. Теория кажется одновременно убедительной и фантастической, даже сакральной. До сих пор с ней согласны далеко не все эпидемиологи.

Prizel: Интересно было бы сопоставить эту теорию с теорией Льва Гумилева об этногенезе.

Kuporos: Не могу не поставить ссылку на материалы о первой пандемии, называется «Юстиниановш чума».

Глеб прошёл по ссылке.

«Первой пандемией в мировой истории считается Юстинианова чума. Она началась во время правления византийского императора Юстиниана I в 531 году н.э. Юстиниан известен тем, что разрушил Академию Платона и построил храм Софии Константинопольской. Он положил начало обожествлению христианских императоров и тем самым перебросил мост из эпохи Античности в Средневековье. Но уберечься от чумы не смог даже такой великий государь: он заболел в 542 году. Правда, случилось чудо — Юстиниан выжил.

Чума зародилась где-то в Египте и на купеческих кораблях добралась до Константинополя. Пик чумы пришелся на 544 год. В отдельные дни в Константинополе умирало по 10000 человек. Город наполовину обезлюдел. Юстинианова чума бушевала больше века: она возвращалась двенадцать раз — через каждые восемь—десять лет. Она опустошила Европу и все побережье Средиземного моря. В Европе от нее погибло 25 миллионов человек, а вообще около 100 миллионов».

Kuporos: Черная Смерть уже вторая пандемия!!

KozaDereza: А я господу выяснила про чуму, про которую писали Пушкин и по. Это Великая чума в лондоне. Ее в 1665 привезли в порт корабли. У Эдгара по тоже короля чуму встречают моряки это там вблизи порта видимо были запретные чумные кварталы. Потом чума вышла в город на знатную публику и все спохватились но было поздно. Король карл 2 перевез свой двор в оксфорд а за ним побежали знать ченовники и купцы. Но

не все бежали. Архиепископ и мер остались в лондоне и поддерживали дух жителей города. Мер приказал построить себе стеклянную стену изза которой он руководил борьбой с чумой. По городу ходили врачи в масках собирали умерших и больных жгли костры с целебными травами. В разгар болезни умирало по тысячи человек в день. Чуму остановил великий пожар 1666 который уничтожил Лондонские трущобы с полчищами чумных крыс. Есть мнение что пожар начался от того что горожан для спасения от чумы власти насильно принуждали курить табак

D-r_Pippez: Меня бы туда! И чтобы еще заставляле пидь вотку и марально розлагаца!!!

Prizel: Я стал специалистом по чуме не хуже наших авторитетов. Оказывается, в Англии почитают подвиг деревушки Им в Дербишире. Во время Великой чумы 1666 года Им тоже оказалась заражена. И местный священник Уильям Момпессон наложил на свою деревню добровольный карантин, словно епитимью. Жители умирали один за другим, но не покидали Им, чтобы не разносить чуму. Провизию им приносили обитатели окрестных селений. Они оставляли продукты в безопасном месте, а потом забирали плату монетами, что лежали в чашках с уксусом. Им держала карантин целый год, хотя здесь умерло три четверти жителей.

D-r_Pippez: Йооооо.....

L-a-p-k-a: Друзья, я так много новово узнаю и нашего общеня! Я теперь везде интересуюсь чумой! Мы с мужем на рождество и новый год обычно ездим везде в Европе, а в этом году прие-

хали в Марсель. Мы сняли чудесную студию в древнем старом доме на бульваре Горибальди, это оказывается совсем не так дорого, но на праздники дороже. Здесь в Марселе оказывается тоже была чума! Ее привез из Ливана парусный корабль «Гран Сан Антуан». На нем в пути умерли 6 матросов, но капитан решил, что они отравились, а это была чума. Она вышла в порт, а потом в город! И город огородили огромной каменной стеной! Экскурсовод показывал нам кусочек этой стены! Так удивительно видеть своими глазами то, о чем вы так красочно писали здесь! Я всех приглашаю в Марсель, это чудесный город!

Prizel: Уточню информацию. На Марсель и на весь Прованс чума обрушилась в 1720 г. Ее привезли не из Ливана, а из Леванта — это страны восточного Средиземноморья. Чумная или карантинная стена Марселя называется «Mur de la peste». Высота ее была около 2 м. Для горожан выход за пределы стены карался смертью, но чума все равно вырвалась и наполовину истребила население Экса, Арля и Тулона. В Марселе умерло 2/3 населения — около 100000 чел.

D-r_Pippe: Я не знаю, кто из вас это делает, но прекратите!

Этот пост резанул слух — и будто хлестнул по глазам внезапной грамотностью. Глеб не понял, к кому и по какой причине обращается троллеподобный «Доктор Пиппец», а потому не знал, как реагировать. У комьюнити был мейнстрим — копать факты про чуму. Кто вылетал из мейнстрима, того комью-

нити уже не замечало: что с возу упало, то пропало. А крики ужаса всегда бывают вне мейнстрима.

Kyporos: Еще выжимка, господа. И нас чаша сия не миновала. Вот читайте «Чума в Одессе».

Глеб скользнул по ссылке.

«На торговых кораблях чума неоднократно приезжала в портовую Одессу. Самая страшная эпидемия началась в конце лета 1812 года: Россия заключила мир с Турцией, чтобы развязать себе руки для войны с Наполеоном. У причалов Одессы отшвартовались суда, что приплыли из Турции, — они и привезли в город чуму.

Первой жертвой чумы стала труппа итальянского театра: в ней умерли три актрисы. Потом болезнь перекинулась на Вольный рынок и разлетелась по городу. Четыре городских врача самоотверженно бросились усмирять чуму — и погибли один за другим.

Одесский градоначальник Арман Эмманюэль дю Плесси Ришелье объявил карантин в Одессе и в за-Бугской части Херсонской губернии. На перевозах через реки Кодыма, Днестр и Буг встали заставы. Были запрещены морское судоходство, рыбная ловля и торговля. Дюк запретил богослужения, разогнал знать по хуторам и объявил непрерывный комендантский час, при котором на улице разрешалось находиться лишь докторам, попам и городским комиссарам.

Одесса полностью опустела на 46 дней. По улицам ездили только кареты с красным крестом или с чёрным флагом и передвигались отряды каторжников-дезинфекторов в просмолённых балахонах.

Лишь при таких мерах чума пошла на убыль. Памятником ей осталась горка Чумка — холм чумного кладбища возле Люсдорфской дороги».

Miroed: Первая пандемия юстинианова, вторая Черная Смерть. А про третью еще не решили. В 1855 г. чума началась в Китае, потом в Индии, уничтожила 12 млн чел. Затем за 70 лет по всему миру было 110 разных эпидемий чумы, часто не связанных друг с другом. Но эту чехарду называют Третьей пандемией. Она же пока последняя. Вот перепост чьего-то обзора неких чум:

«В 1896 году чума погрела мертвые кости на жарком тропике Рака, на благословенном японском острове Формоза, ныне Тайвань.

В 1898 году чума косила французов на Мадагаскаре — словно в отместку за падение королевства Имерина и свержение королевы Ранавалуны III, жены мужа собственной матери.

В 1899 году чума объявилась в Парагвае и обожралась солдатами-янки на Гавайях, которые США только что аннексировали у Испании.

В 1900 году чума приплыла в Сан-Франциско и поселилась в Чайна-тауне, и власти никак не могли истребить её, пока чумные кварталы не снесло великое землетрясение.

В 1901 году чума объявилась в Австралии, которая только что оторвалась от Британии.

В 1907 году чума, словно карбонарий, напала на французов в африканской колонии Тунис.

В 1908 году чума вдруг очутилась в республике Бразилия, где правили молочные и кофейные олигархи».

Глеб читал, и ему начинало казаться, что чума — единственное содержание мировой истории.

D-r_Pippez: Пожалуйста, хватит!

YMHEEBCEX: хорошо тебе???? Хорошо????

D-r_Pippez: Было достаточ

Похоже, «Доктор Пиппец» даже не дописал свой пост. Что там с ним происходит? — подумал Глеб. Опять кого-то схарчила чума?..

Prizel: Добавлю к информации коллеги, что последней эпидемией чумы считается маньчжурская. Монгольские охотники вели промысел крупного сурка тарбагана, с него и подцепили чумную блоху. От промысловиков чума перекинулась на китайцев, строивших КВЖД — сеть железных дорог на сопредельных территориях России и Китая. В октябре 1910 года чума пришла в Харбин. Это была самая опасная форма чумы — легочная, со смертностью в 100 %. Она убивала за три дня. Китайцы заболевали сразу фанзами — усадьбами. На зачумленных землях орудовали грабители-хунхузы. Караульный китайский батальон вымер от чумы до последнего солдата. Русское правительство сразу забило тревогу. Профессор Заболотный организовал карантины, и ни один русский работник КВЖД не заболел чумой. Амурская военная флотилия высадила в Харбине десант с двумя пушками — на случай чумных бунтов. Китай боялся русского усиления, но для победы над чумой согласился на военное присутствие России. Чуму одолели. Она унесла около 100 тысяч жизней.

L-a-p-k-a: Я увидела сегодня они идут процесеей в противогазах с копиями с крючками в руках

вдоль Чумной Стены и факела в руках. Это наверное к Рождеству в Марселе такой спектакль. Тут какойто старик среди чертей и мертвицов, говорят епископ, святой при чуме

Неожиданное сообщение «Лапки», отдыхающей в Марселе, показалось Глебу бредовым бормотанием, лишённым связи с тем, что говорят окружающие. Но «Нан-Мадол» увидел смысл в этом посте.

Nan_Madol: Возможно, это почитание епископа Бельсенса. Он был душой сопротивления чуме: он отважно ходил по улицам, вселяя веру в избавление, причащал умирающих и увещевал разнузданных. В его семье от чумы умерло 11 человек. Бельсенс стал кумиром горожан, но он был всего лишь человек. К концу эпидемии дух его надломился, и епископ заперся в своем доме, надеясь дожить до завершения чумы. Марсельцы закидали дом Бельсенса горой чумных трупов.

Глебу было приятно встретить в комьюнити Дорна.

Kuporos: Всюду жизнь, называется. Китайский чумоборец. Ссыл.

Глеб прошёл по ссылке.

«Доктор У Ляньдэ — легендарный врач Китая. Он прославился во время борьбы с эпидемией чумы в Харбине в 1911 году. Правительство командировало в Харбин главного медика военного флота, но тот испугался и не поехал. В Харбин отправился У Ляньдэ. Город вымирал. Трупы лежали непогребенные, их объедали собаки и разносили чуму. У Ляньдэ распорядился кремировать

мертвецов, хотя за кремацию простолюдинов в Китае полагалась тюрьма. Чтобы установить форму болезни, У Ляньдэ вскрывал трупы — а за такое в Китае осуждали на смертную казнь. И ещё У Ляньдэ велел харбинцам весело праздновать Новый год, так как встречали его с гремучей пиротехникой, а она выделяла много серы, которая была хорошим дезинфектором. Доктор У Ляньдэ победил чуму к середине года. За это он был удостоен аудиенции у императора, а потом У Ляньдэ выдвинули на Нобелевскую премию, однако премию ему не дали».

История китайского доктора успокаивала, но последние посты в комьюнити оказались для Глеба плетью.

L-a-p-k-a: Это что чьято шутка??? Так не бывает!!!

Они везде лежат, молодые старые женщины дети детито при чем??? Они голые и глаза выпучены и черные как будто опухшие это

Всё. Пост обрывался, как и у D-r_Pirpez.

Глеб перечитал несколько раз. Что всё это значит? Чума орудует в комьюнити? Вот и милую, глупую «Лапку» снесло?..

УМНЕЕВСЕХ: дети в воде незлися

Кто этот «Умней-всех»УМНЕЕВСЕХ? — думал Глеб. — Что за поганец?..

Nan_Madol: «Лапка», отзовитесь, пожалуйста! Что вы увидели? Что с вами случилось?

Дорн хотел помочь «Лапке», «Лапка» не отзывалась. Глеб глянул на таймер записи: «Лапка» поставила пост семь часов назад, Дорн спохватился три часа назад. Впрочем, это ничего не значит. Однако,

внутренний голос говорил Глебу, что «Лапка» не отзовется никогда.

Глеб тоже наступал в комьюнити сообщение.

Hubble: Генрих Иванович, нас доедают.

32

Дорн ответил почти сразу же.

Nan_Madol: Вижу по данным вы здесь Глеб? Мне нужна помощь!

Hubble: Я к вашим услугам, Генрих Иванович!

Nan_Madol: У меня не работает никакая связь кроме комьюнити попробуйте мне позвонить

В это время в замке на входной двери провернулись механизмы, и в прихожую вошла Орли. Глеб услышал, как на пол шлёпнулись сумки.

— Ты дома? — спросила Орли и заглянула в кухню.

— Погоди, я звоню. — Глеб набрал вызов Дорна и ждал.

Айфон ответил длинными гудками, потом заговорил автомат: «Абонент отключён или находится вне зоны действия сети». Глеб послушал, положил айфон на стол и отстучал пост в комьюнити.

Hubble: Генрих Иванович, вы отключены или вне зоны.

Глеб вышел в прихожую. Башмачки Орли валялись как попало — точнее, как Орли скинула их. На полочке для обуви теснились пакеты «Капитолий» и «Ашан». Глеб собрал пакеты и понёс в гостиную.

— Нормально ты закупились, — уважительно сообщил он.

— А я не виновата! — крикнула откуда-то Орли. — Ты сам со мной не пошёл, а я же больная, я не могу остановиться!

Оказывается, Орли была в туалете. Спустив штанишки, она сидела на унитазе, поставив ноги враскос.

— Приличные девочки закрывают за собой дверь, — сказал Глеб, закрывая дверь туалета.

— Ты и так всё подсмотрел! — с притворным негодованием ответила Орли.

Глеб вернулся к айпэду. Дорн уже ответил.

Nan_Madol: Кажется я попал в большую беду. Меня догоняют. Иногда могу укрыться но ненадолго. Кто может подсказать где есть глухие зоны я на сокольниках. Помогите ради бога это страшно!

Что такое творится с Дорном? — подумал Глеб. На его глазах в комьюнити выскочил ответ **УМНЕЕВСЕХ**.

УМНЕЕВСЕХ: Ходынское поле хамовнический вал академика королева москва сити тверская в раёне метро маяковская кутузовский переулок там есть глухие зоны

— Орлик, ты знаешь «глухие» зоны для сотовой связи где-нибудь в окрестностях метро «Сокольники»? — громко спросил Глеб.

— Там — нет, — ответила Орли, выходя из туалета под шум воды. — Зато рядом тут есть, и на Мосфильмовской, и на Мичуринском, и на углу Вернадского и Ломоносовского. Нифига там никуда не дозволишься. А тебе зачем?

— С Дорном чего-то стряслось.

Орли прошла в гостиную. Глеб услышал, как зашуршали пакеты.

— Посмотри, чё я купила, дура, — позвала Орли.

Глеб взял айпэд и перебрался в гостиную.

— Я же рабыня дисконта, — призналась Орли. — Там была акция, и я набрала себе маек. Смотри, какие прикольные.

Орли разбросала на полу и по дивану лёгкие цветные майки с разными надписями: «Маленькая вредина», «Дорогу королеве!», «На метле быстрее», «Планирую побег», «Понятно!», «Нечего надеть».

— Вот эта ваше, — сказала Орли и развернула перед Глебом майку, где было написано: «Потри здесь — исполню желание». Слова «Потри здесь» помещались на грудях.

— А это просто очень мило. — Орли показала Глебу майку, где был нарисован медвежонок панда, качающийся на качелях.

Глеб посмотрел на экран айпэда.

Nan_Madol: кому рядом инет скажите ради бога серпуховской вал 20 какое метро ближе?

УМНЕЕВСЕХ: коломенская нагатинская

Где-то на просторах Москвы Дорн искал убежища, убегал от кого-то... От кого? От чумы? Глеб запостил в комьюнити.

Hubble: Генрих Иванович, от кого вы убегаете? Что случилось?

Орли сидела на полу среди покупок, скрестив ноги по-турецки. Она стащила с себя свитер, загнула руки, расстегнула и сняла лифчик.

— Потри здесь, — велела она, указывая пальцами себе на соски.

Соски у неё были как губы — чёрно-красные.

— Желание исполнишь? — лукаво спросил Глеб.

— Любое. Я же волшебница.

Глеб присел рядом с Орли и поласкал ей грудь.

— Теперь дай мне майку с пандой, — приказала Орли.

Она натянула майку и принялась осматривать себя.

— Такие майки надо носить со стоящими сосками, — пояснила она. — То есть без лифчика. Иначе нет смысла.

— Ты и так лифчик только под свитер надеваешь.

— Принеси мне ножницы, — распорядилась Орли.

Глеб вздохнул, встал и принёс ей ножницы. Орли начала расстригать цветные упаковки Charmante с колготками и леггинсами.

Nan_Madol: Всегда в движении некогда остановиться и связно изложить. Никогда не думал что бывает так страшно! Я сначала решил это какие то близнецы а потом своими глазами увидел что лица словно прыгают с одного на другого. Или даже все становятся на одно общее лицо после звонка. А потом уже идут ко мне а я убегаю. Я не знаю что с ними делать мне просто страшно!

Глеб не знал, что ответить. Вообще, это всё было странно. Он сидел дома и разбирал покупки со своей девушкой, а где-то там вдали погибал человек, но с ним можно было говорить запросто и напрямую, и эта способность телекома превращала судьбу в один сплошной быт.

— Эй, ты на меня будешь смотреть или в свой дурацкий айпэд? — ревниво спросила Орли.

— Смотрю-смотрю на тебя, — заверил Глеб.

Орли спустила узкие джинсы до колен, плюхнулась задом на диван и сунула Глебу ноги:

— Тащи! Они узкие, я не могу!

Глеб, улыбаясь, стянул джинсы за штанины. Орли вскочила и принялась натягивать колготки. Глеб снова взял айпэд.

Hubble: Генрих Иванович, кто у вас оператор?

Ответ пришёл неожиданно быстро.

Nan_Madol: Мтс но я на дикси-телефонии. Соблазнился скидками а теперь расплачиваюсь отсутствием связи!

Глеб знал, что «ДиКСи» предоставляет услугу дочернего оператора для «большой тройки»: для «МТС», «Билайна» и «МегаФона». Глеб и сам пользовался этой опцией. У «ДиКСи» сотовая связь была дешевле, чем у поставщика: портал компенсировал часть стоимости трафика, лишь бы клиент покупал другие услуги «ДиКСи». На других услугах и отбивались затраты по телефонии.

Nan_Madol: Плохо писать с телефона все безграмотное. Даже стыдно! Глеб это чума! Она рвет нам коммуникацию где возможно!

— Вот, смотри!

Орли вертелась перед Глебом в чёрных колготках. Майку с пандой она задрала до талии. Под колготками на лобке светлели стринги.

— Сзади кажется, что я без трусов? — Орли наклонилась и повиляла Глебу задницей. — Или их видно?

— У тебя такая попа, что я как-то не могу сообразить, в чём она, потому что в любом виде хороша, — путано пояснил Глеб.

— Надо, чтобы казалось, что я без трусов.

— Зачем?

— Затем. Тебе не понять.

— Что-то всё это мне подозрительно, — проворчал Глеб.

В комьюнити появилось новое сообщение от Дорна.

Nan_Madol: Нагатинская далеко от серпуховской вал 20! Кто дал эту станцию? Это предательство!

УМНЕЕВСЕХ: там можно дойти не ори!!!!

Глеб вспомнил, что Дорн спрашивал о станции метро, ближайшей для какого-то адреса. Похоже, «Умней-всех» напутал или сподличал.

Орли умело и аккуратно стаскивала тонкие колготки.

— Ну чего ты всё там роешься в планшетнике?

— Я тебе говорю, Дорн попал в какую-то беду. Кто-то там за ним гонится. Какие-то люди со сменными лицами. Чума.

— Ну и пусть гонятся. Напиши ему, что ты занят.

— Нехорошо. Невежливо.

— А вежливо смотреть на мою жопу, но изображать из себя Чипа и Дейла? На тебя обидятся все: я, Дорн, Чип с Дейлом и моя попка.

— Ну, с попкой я помирюсь...

— Заниматься сразу двумя взаимоисключающими вещами, конечно, можно. — Орли сняла стринги и натягивала колготки на голое тело. — Но это разрушительно для личности. Мы же не Штирлицы.

Для нас это моральный инцест. Он порождает моральных уродов.

— Неслабо ты рассуждаешь тут без трусов, — заметил Глеб.

— Отсутствие трусов не означает отсутствие образования.

— Всё равно я Гамлет, — непокорно заявил Глеб. — Лично я могу спокойно общаться сразу и с тобой без трусов, и с Дорном в чуме. А ты не придирайся. Я один, всё тонет в фарисействе, поняла?

Nan_Madol: Они идут за мной везде! Шли обычные люди потом звонок и новое лицо! В Матрице так мистер смит становился любым человеком! Это понятно объяснимо потому что и там и тут телеком!

Апелляция к фильму «Матрица» для Глеба как-то снизила драматизм положения Генриха Ивановича. Контактom бытового и сакрального телеком напроць уничтожал сакральность: всё вокруг оказывалось бытом. Ну, это как для реаниматологов чужая агония — своя рутина. Или как рядом с чумным больным все здоровые тоже становятся зачумлёнными. Глеб лукавил, цитируя Пастернака, потому что именно телеком был коммуникацией системного фарисейства.

Nan_Madol: Я не знаю что будет если они меня загонят. Я же не могу встречным говорить Не отвечайте на звонок! А где в Москве без людей! Везде телеком везде чума!

— А если вот так, то что? — спросила Орли.

Она была без трусов и в колготках.

— Жуткая похабщина, — сознался Глеб.

— Хорошо или плохо?

— Плохо.

— Ну и ищи себе другую девку, — обиделась Орли.

Глеб благоразумно решил не поддерживать тему.

Nan_Madol: Подскажите как пройти к музею Коломенское

YMHEEBCEX: по варшавке и каширке

Nan_Madol: Глеб подскажите вы я не верю этому провокатору

— Орлик, как проехать к музею «Коломенское»? — спросил Глеб.

— Станция метро «Коломенское», — буркнула Орли, сердито сдирая колготки. — Генрих твой там погибает или культурно развлекается?

Глеб наступал ответ.

— Орлик, ну правда — без стрингов в колготках не айс, — извиняясь, сказал Глеб. — И зачем тебе это вообще? Ты же не будешь так ходить...

Nan_Madol: Я еще на серой ветке

— Что-то он и вправду меня уже немного достает, — пробормотал Глеб про Дорна, свернул окно «ДиКСи-нета» и открыл карту Москвы.

Hubble: Тогда вам до Севастопольской, это от вас третья, оттуда две станции — Варшавская и Каширская, до зеленой ветки. На Каширской идите к выходу в сторону хвоста поезда. Выйдете на юго-западной оконечности парка. А зачем вам туда?

Орли села на диван, не надевая трусов, бесстыже раздвинула ноги и погладила себя по лобку.

— Может, мне всё выбрить на голяк? — спросила она. — Как лучше? Вот проститутки — они же бреют себе всё?

Глеб на такие уловки не поддавался.

— Я не знаю. — Он пожал плечами, хотя знал.

Nan_Madol: В парке мало людей зато есть церкви. В церквях не принято отвечать на звонки. С богом телеком еще не соединяет. Я надеюсь что там как то укроюсь

— Если ты немедленно не уберёшь эту электронную хрень далеко-далеко и не обнимешь меня крепко-крепко, я уйду от тебя навсегда-навсегда и никогда больше не приду сюда к тебе ни за что!

Орли отчеканила это, и глаза её горели.

Глеб усмехнулся, сунул айпэд под диван, сел рядом с Орли, обнял её, начал целовать в чёрно-красные губы, а потом повалил. *Счастье — когда тебя обнимают*, успел подумать он. А по телекому не обнимешь.

В гостиной горел верхний свет, на полу валялись цветные майки, джинсы, бельё, разные покупки, что высыпались из пакетов. Телефон Орли на вибрации уполз в угол. Под диваном мигал планшетник. Глеб отлепился от Орли, стёк с дивана на пол, лёжа достал айпэд и посмотрел последние посты в комьюнити.

УМНЕЕВСЕХ: не ходи туда

Nan_Madol: Да кто вы такой черт возьми! Откуда вы знаете где я что собираюсь сделать и куда идти?

УМНЕЕВСЕХ: я говорю не ходи. Прямо и налево через 300 метров

Nan_Madol: Есть легенда что академик иван павлов умирая от пневмонии сообщал ученикам симптомы собственного умирания. Бесценная для науки информация! Я всегда верил что смогу

так же. И чего мне сейчас сообщать? Что телеком отличная штука? И вообще дело не в нем. Не телефон же звонит телефону а человек человеку

УМНЕЕВСЕХ: иди прямо и там тебя встретят

Генрих Иванович поставил свой пост сорок минут назад.

Писать в комьюнити у Глеба не было сил. Всё равно сейчас Дорн должен быть уже не в метро, а где-то в парке: авось связь заработала исправно?.. Глеб извлёк айфон из-под своих джинсов, что валялись поодаль, и большим пальцем медленно набрал Дорна.

Айфон погудел, покурлыкал по-журавлиному и переключился на автоответчик. Строгий женский голос произнёс: «Набранный вами номер не существует».

33

Звонок раздался очень вовремя: Глеб только прогрел «лексус», чтобы ехать с работы домой. Если бы он уже вырулил на проспект, то стоял бы в потоке, из которого не выскочишь никак и ни за что.

На экране айфона мигала фотография Кабучи, предупреждая, кто звонит, но Глеб неожиданно услышал ломкий юношеский голос:

— Это Глеб Сергеевич Тяженко? Я не ошибся?

— Не ошиблись, — сказал Глеб. Он сидел в машине и сейчас одной рукой перетягивал себя ремнём безопасности.

— Я Денис Павлов, сын Марины Игоревны, вашей знакомой...

Если бы не подсказка айфона, Глеб не сообразил бы применить к Кабуче обычные человеческие имена и отношения, а теперь он понял: звонит Денька. Денька? С трубки Мариши? Что случилось?

— Что случилось, Денис?

— Мама сказала, что я могу обратиться к вам, если что-то вдруг потребуется... Если у меня будет критическая ситуация...

Глеб быстро подумал, что у Мариши была куча разных приятелей-тусовщиков и мужики с сайтов знакомств — все отобранные по анкетам, по тестам, но Мариша на случай неприятности дала сыну телефон отставного бойфренда...

— Что случилось, Денис? — повторил Глеб.

— С мамой... плохо... — И голос у парня сломался.

— Возьми себя в руки, — приказал Глеб. — Объясни, что с ней.

— Она... Она словно бы не в себе. Я думаю, у неё истерика. Она разбила посуду, выбросила вещи из шкафа...

— Она что-то говорит?

— Невнятно. То рыдает, то выкрикивает что-то, то бормочет.

— Лежит? Сидит? Ходит?

— Всё сразу. То ляжет, то встанет. И шатается, когда на ногах.

Глеб подумал, может, Мариша напилась — или ширнулась чем?

— Денис, она трезвая?

— От неё не пахнет. У нас на кухне бренди стоит, она не трогала.

— Наркотики?

— Нет, Глеб Сергеевич. Она никогда... — Денис явно терялся. — Она шутила о наркотиках, и все считали, что она иногда употребляет, потому что она была коммуникабельная, интересовалась R&B, но на самом деле такого никогда не бывало. Я же знаю. Я уже взрослый.

— Ни шприцов, ни порошков, ни таблеток, ни травки...

— Ничего такого.

— Может, всё-таки вызвать наркологию? Или скорую?

Денис молчал. Глебу не хотелось ехать в Митино, но он понимал, что на Бобса эту проблему не перевалить, хотя Бобс, а не он теперь любовник Мариши. Борька был какой-то бесчеловечный. Наверное, вместо помощи он скинул бы Денису на е-мейл ссылку на ресурс, где объяснялось бы, что делать в подобном случае.

— Денис, а где отец у тебя? — спросил Глеб.

— Он уже три года в Мюнхене.

Херов ариец, подумал Глеб, вспомнив внешность Дениса.

— Значит, вы не приедете? — надтреснуто спросил Денис.

— Я уже еду, — соврал Глеб. — Просто думаю, кого можно было бы подослать к тебе прямо сейчас.

— Я подожду вас, Глеб Сергеевич. Маму я в ванной закрыл.

— То есть? — удивился Глеб.

— Я боялся суицида, что она окно разобьёт и выбросится, и потому затолкал её в ванную. Она там всё уже сломала, так что не опасно...

Вообще-то, можно вены порезать, повеситься, башку раскроить, подумал Глеб, но не стал пояснять это Денису.

— А ты как её застал, маму-то?

— Она с утра была дома. У неё сегодня свободный день, но она не собиралась никуда идти. Я вернулся после школы и увидел всё это...

— Она ничего тебе не сказала?

— Ничего. Только кричала, что у неё чума.

Глеб поехал по Алтуфьевскому шоссе не в сторону Центра, а в направлении к МКАДу — так будет проще добраться до Митино. Зима в Москве никак не началась, словно застряла на растаможке: снег не выпал и не морозило. Обе стороны улицы дробно пылали россыпями новогодних гирлянд, опутавших голые деревья, длинными трассерами фонарей, заревом рекламы и витрин — вдали всё сливалось в дымные озёра огней. Казалось, что Москва, подобно детской железной дороге, выстроена на полу в огромной комнате, поэтому здесь густо наткано лампочек подсветки: в комнате неба нет, вместо него глухой потолок.

Снова чума? — думал Глеб. Чего она прилепилась-то к судьбе, как чесотка? Опять душу сосёт этот страх, мучительный и тоскливый.

Ситуация с Маришей во многом напоминала ситуацию со Славой. Слава сидел дома один, к нему заявился демон чумы, и Слава впал в психоз. С Маришей примерно так же: была дома одна — а потом вдруг взбесилась. Логично предположить, что и к ней пробрался демон.

Какой он на самом деле, Абракадабра? Смешное детское слово, пиратское и тарабарское, трескучее и бренчащее, несерьёзное, как погремушка, непо-

нятное, как белиберда, и стр-р-рашное, как борода Карабаса-Барабаса. Но это чтобы усыпить бдительность. Глеб и Слава увидели демона в облике Орли. Никто не узнает, каким увидел демона Генрих Дорн. В чьём же облике Абракадабра обрушился на Маришу?

Глеб сжимал руль так крепко, что заболели руки. Бедная Мариша. При чём тут она, пускай даже она и паслась в комьюнити? Дурочка-болтушка, несчастная одинокая женщина: какое дело до неё чуме или глобальным трендам?.. Слава потихоньку вздоравливал в дурке и не желал видеть Орли. Глеб верил, что с Маришей всё обойдётся так же: она оклемается и отцепится и от него. Отменит свой приказ сыну при форс-мажоре звонить Глебу Тяженко. *Мы скорбящие, но не лохи.*

Глеб оставил машину на знакомой парковке и пошагал к подъезду Мариши. Оранжевые фонари освещали заиндевелый асфальт и чёрные газоны. Высоко в небе искрились окнами столбы высотных башен.

— Глеб Сергеевич?.. — гнусаво спросил домофон голосом Дениса.

Лифт гроыхал, и казалось, что его кабина расхлябанно болтается в шахте. Глеб привалился плечом к цветастому объявлению о скидках в ближайшем мегамолле и ждал нужный этаж. Был бы Абракадабра обычным демоном, можно было бы надеяться на молитву, на святую воду или на заклинание, на страх демона перед распытием, на помощь какого-нибудь экзорциста... А что делать против чумы? Уповать на божье чудо, других вариантов спасения нет. Но раз-

глядит ли бог тебя в сутолоке мегаполиса? И чем ты заслужил снисхождение? Да, Генрих Дорн подсказал Льву Гурвичу неуязвимую технологию уничтожения.

Денис открыл дверь квартиры, едва задребезжал лифт.

— Привет, дружок, — негромко сказал Глеб, заходя.

Денис встречал Глеба в домашних джинсах Dockers и в длинной хип-хоперской майке с надписью «Killuminati 2K10». На полу в прихожей валялся мусор и черепки посуды. В квартире везде горел свет. Глеб повесил пальто и кашне на плечики и убрал в шкаф.

— А тапочки можно?

Денис поставил Глебу тапочки.

— Извините, я в стрессовом состоянии, — сказал Денис.

— Я понимаю, — кивнул Глеб. — А где мама?

— В ванной, как и раньше...

Глеб осторожно подошёл к двери ванной комнаты и прислушался. За дверью лилась вода — но не сильно, тонкой струйкой, и будто бы что-то там шевелилось, вороша по полу всякий хлам, — бессмысленно, механически, однообразно. Глеб ждал, но ничего не менялось.

— Страшно? — Глеб покосился на Дениса.

Денис стоял с закрытыми глазами. Он поднял перед собой руки, положенные одна на другую, как у прилежного ученика в школе. Глеб узнал американскую практику самоуспокоения: «Внутри этой границы — моя территория, где я в безопасности!»

— Страшно, — не открывая глаз, признался Денис.

— А почему пахнет сигаретами? Мама курила?

Денис опустил руки и открыл глаза.

— Это я курил, — признался он. — Это помогает обрести равновесие.

Глеб осмотрел дверь. Ага, задвижка открывается вот так... Свет в ванной комнате включён. Отступить можно вот сюда, в гостиную...

Что там, кто там, за дверью? Демон с синими ногтями, с гниющим ртом и с чернотой, расползающейся вокруг мёртвых глаз? Или всё-таки человек, женщина — пускай напуганная, доведённая до истерики, но живая и настоящая?..

— Кушетка там свободна? Можно будет маму положить?

Денис заглянул в гостиную.

— Пожалуйста, — сказал он.

— Тогда, Деня, подожди на кухне, хорошо? — попросил Глеб. — Я не хочу, чтобы ты видел маму в таком состоянии... Я потом позову тебя.

— Я всё понимаю, Глеб Сергеевич. Конечно.

Денис повернулся и ушёл на кухню.

Глеб вздохнул и отщёлкнул задвижку на дверке в ванную. Сейчас бы прочесть молитву — но Глеб в бога не верил, молитв не знал. Он нажал на ручку и приоткрыл дверь.

Первое, что Глеб увидел, — зеркало над раковиной умывальника, размашисто исцёрканное мылом. Раковина, пол и дно ванны были усыпаны флаконами и флакончиками, пакетиками шампуней и всякой банной парфюмерией, щёточками, тюбиками, расчёсками, губками, салфетками. Мариша всё рас-

швыряла и потоптала, но почти ничего не раздавила. Сама она лежала на коврике для ног, завернувшись в сорванную полиэтиленовую шторку.

Глеб присел перед Маришей на корточки. Вот сейчас он повернёт её на спину и увидит, поймёт; кто перед ним — заплаканная Кабуча или ухмыляющийся демон, довольный тем, что снова обманул Глеба. Мариша скорчилась на полу в позе эмбриона. Глеб пошевелил её за плечо. Лицо у Мариши оказалось облеплено волосами. Кончиками пальцев Глеб отвёл волосы в сторону. Это была Мариша. Несчастливая Мариша, маленькая женщина, а не демон чумы.

Она не спала, но смотрела тупо, как-то ословело. Глеб принялся обдирать с неё полиэтилен занавески. На Марише была рубашка с закатанными рукавами и домашние штанишки-бриджи. Всё прилично.

— Ты меня видишь? — спросил Глеб.

— Вижу, — блёкло прошептала Мариша.

Надо перенести её на кушетку. Эх, взять бы Маришу, как в кино, на руки, будто невесту, — но тогда не хватит сил встать. Глеб поднялся и ухватил Кабучу сзади под мышки, подтянул наверх и, пятась, потащил из ванной комнаты через коридорчик в гостиную. Хорошо, что Денька не видит такого позорища слабосильного горожанина...

Глеб уложил Маришу на кушетку, сунул ей под голову подушку, распрямил руки и ноги и полез в шкаф за пледом — он помнил, где что у Мариши лежит. Гостиная тоже была закидана чем попало: бельём, одеждой, дисками, коробками, журналами. Глеб увидел среди хлама полностью издырявленный

блистер от таблеток и подобрал его. Феназепам. Транквилизатор. Не убойный, но и не хилый.

— Мариш, ты это пила? — Глеб снова присел рядом с Маришей.

— Да.

— Сколько?

Мариша из-под пледа смотрела на Глеба так, словно хотела сказать: увы, слишком мало для того, чтобы больше тебя не видеть.

— Пять, — прошелестела она.

— Ты боялась чумы? — подсказывал Глеб. — К тебе явилось что-то очень страшное? Призрак? Демон?..

Мариша закрыла глаза, набираясь сил для ответа, потом снова посмотрела на Глеба и медленно произнесла:

— Вы, Глеба... ты и Борька... хуже... любой чумы.

Глаза у Мариши опять закрылись. Глеб посидел на полу возле кушетки, но похоже, что транки срубили Маришу. Мариша спала.

Глеб встал на ноги и пошёл в кухню. Денис там уже заканчивал приборку: с шорохом и звяком он заметал в совок черепки посуды.

— Как мама? — спросил он. — Кофе хотите?

— Можно. — Глеб устало опустился на диванчик и вытащил пачку Marlboro. — Мама, похоже, спит. Всё миновало. Это был психоз.

— Из-за чего? — Денис смотрел спокойно и прямо. — Из-за вас?

— Уже нет, уже не из-за меня, — Глеб закурил. — Скажи, Деня, у тебя мама часто пьёт таблетки феназепам?

— Довольно часто, — сказал Денис, отворачиваясь к кофемашине. — Это успокоительный и снотворный препарат. Мама принимает по одной таблетке, если у неё выдаётся тяжёлый день.

Глеб бросил на кухонный стол пустой блистер:

— Сколько она могла выпить сегодня?

На столе лежал айфон Мариши, и Глеб взял его, чтобы проверить последние SMS. Лазать в чужую переписку было хуже, чем красть, но Глеб чувствовал: для полноты картины ему не хватает одной детали.

— Я с утра видел эту упаковку. — Денис повертел блистер в руках. — В ней оставалась примерно половина таблеток.

— Значит, не соврала, — пробормотал Глеб, открывая сообщения. — Она мне сказала, что выпила пять... Отсюда и неадекватная реакция, вроде как опьянение или истерика...

— А зачем мама выпила эти таблетки? — спросил Денис так робко, словно не желал услышать правды. — Она хотела совершить суицид?

Да, вот она, сидит в айфоне, как пуля в сердце, — SMS от Бобса: «Короче у нас все кончино. Ты свободна. Не давай меня больше».

Это называется «пошла вон». Сначала Глеб порвал с Маришей все отношения, сплавив её Борьке, а потом — и Борька. Но почему? Борька ведь так долго добивался Мариши... Ладно, это уже не важно. Важно, что Бобс отшил Кабучу. Бедная Мариша. *Счастье — это когда тебя обнимают*, так Орли говорила Глебу... И чума сейчас ни при чём.

— Твоей маме, Денис, очень плохо, — сказал Глеб. — Ты не виноват. Она — слабая женщина, и ей

нестерпимо одиноко. Она выпила всего пять таблеток, потому что боялась умереть и оставить тебя без своей защиты, но она очень хотела, чтобы мы испугались за неё, прибежали к ней и пожалели её. Вот лично сами пожалели, своими руками.

34

— Надо немного подождать. Уверен, он не рискнёт опоздать из-за пробок или ещё чего. Для него это было бы психологически неверно.

— Психологию на жопу не наматываешь. Учти, у меня под платьем только трусы. А тут минус пять и ветер.

Глеб и Орли ожидали Гермеса возле отеля «Балчут-Кемпински». Гермес пригласил Глеба на деловой ужин к восьми вечера, а Глеб предупредил, что явится с Орли. Гермес был только рад. Глеб и Орли приехали на такси, потому что Глеб собирался чего-нибудь выпить, и теперь стояли на холоде и сквозняке Раушской набережной.

Вид отсюда, конечно, был изумительный. Прямо напротив — огни Зарядья, которое всё как-то не могло оправиться от сноса гостиницы «Россия». Правее, за Большим Устьинским мостом, — грандиозная скала высоты на Котельнической, подсвеченная во всю плоскость, словно кливер на бушприте. Левее барьер Большого Москворецкого моста отрезал понизу стены Кремля, оставив только шатры башен, но был виден сияющий и расписной аттракцион собора Василия Блаженного: он точно вращался вокруг многих осей и вразнобой подпрыгивал.

От Москвы-реки дуло стужей. Глеб старался за-
слонить собою Орли. Он не отрывал взгляда от про-
странства под длинным козырьком подъезда «Бал-
чуга» — там должен мелькнуть Гермес.

— Понимаешь, если мы зайдём до него и сядем,
то он сразу начнёт понтоваться, — приобнимая
Орли, пояснил Глеб. — Ну, скажет нам: «Давайте
туда переместимся, там потише» — или попросит
официанта: «Серёжа, переведите нас, где в про-
шлый раз было». То есть намекает на то, что он здесь
завсегдатай, а мы — лохи. Это для нас невыгодно.

— А что, какое-то крутое место? — проклацала
зубами Орли.

— Крутое — не крутое, но-у-у... В Москве всегда
найдётся местечко покруче того, которое ты счита-
ешь самым крутым. И всегда найдутся люди, которые
заявят, что в такие места они только поссать заходят.

Глеб определил для себя, что крутизна начинает-
ся от четырёх звёзд — от той черты, где кончается
креатив. Класс premium гордится своей подлинно-
стью, полноценностью, весомостью. Состоявшийся
мир для состоятельных людей, «солидный господь
для солидных господ». А креатив — он для бедных
и вороватых. Он маскирует неподлинность, замеще-
ние одного другим, нецелевое расходование средств.
В общем, если Гермес звал Глеба в «Балчуг», значит,
причина была настоящая.

— Наплевать на его причину, — одеваясь, гово-
рила дома Орли. — Ты сможешь сказать ему прямо
в глаза всё, что надо?

— Не смогу, дорогая, — честно ответил Глеб.

— Обещай мне, что хотя бы попробуешь.

— Не ломай меня об колено, — поморщился Глеб.

И теперь они стояли возле рустованного цоколя башни «Балчуга» — так, чтобы в любой момент можно было укрыться за изгибом стены. Глеб прижался животом к спине Орли, обхватил Орли руками и слегка приподнял над асфальтом.

— У меня туфли спадут... — сдавленно пропыхтела Орли.

— Упс! — сказал Глеб, опуская Орли на тротуар. — А вот и Гермес.

Придерживая пальто на груди, Гермес стоял у фонарей парковки возле Управления Центробанка и собирался переходить улицу.

Глеб за руку повлёк Орли к подъезду «Балчуга».

— Добрый вечер, добрый вечер! — обрадовался Гермес. — Прощу!

В ресторане отеля было пока ещё малоллюдно: восемь вечера для Москвы не слишком поздний час. Гермес, Глеб и Орли сели за круглый стол возле чёрного рояля. Кроме рояля и багряного ковра на полу, всё в ресторане было светлым — бежевым, кремовым и сливочным. Волны портьер, изгибы мебели, складки скатертей и сложенных салфеток, даже блестящие параболы настольных ваз и светильников казались вежливо согласованными друг с другом и с очерком рояльного крыла.

К Гермесу наклонился официант в жилетке и с бейджиком.

— Я звонил Левону Самвеловичу, у вас готово? — негромко спросил Гермес. — Отлично, приносите нам — и меню. Спасибо.

Глеб смотрел на Орли. В этом матово-сдержанном интерьере Орли выглядела весьма ярко: кудрявая и краснотелая брюнетка в чёрно-золотом платье. Слишком броско, пожалуй. Аляповато. Но расчёт был на полумрак, а здесь, похоже, больше ценили полное освещение.

— Оля, выглядите жгуче, словно Кармен, — сказал Гермес. — Bravo!

Официант уже нёс блюдо с хороводом помидорных бутербродов, с разными судками и бутылкой вина, что торчала из горы зелени.

— Глеб, Оленька, — оживлённо заговорил Гермес, — хочу приобщить вас к последнему безумию! Сейчас вся Москва ест сыр! И я желаю вас угостить! Вот, берите эти крекеры с помидорами и моцареллой... Ножик, ножик, Оля! Глеб, окуните лезвие в масло, чтобы не липло...

Гермес обучал, как правильно размазывать сыр, а Глеб искоса поглядывал на костюм Гермеса и не мог понять, что за бренд. Покрой эдакий богемный... Valentino? Нет, Гермес патриот. Наверное, от Игоря Чапурина — призрак, слетевший с закрытых показов рашен-fashion...

— Лишь кажется, что это обычная моцарелла, — пояснял Гермес, — отнюдь, Оленька, сыр как в Кампании, не фьор-ди-латте из коровьего молока! Настоящая моцарелла-ди-буфала изготавливается из молока буйволиц: оно гуще и насыщеннее коровьего и не имеет сладкого оттенка. Эти шарики называются боккончини. Размазывайте их ножом.

Глеб смотрел на Гермеса и на Орли, слегка покрасневшую и явно польщённую вниманием босса.

Рождественская открытка. Хрусталь. Вино. Красивая молоденькая женщина с голыми руками. Красивый и чуть усталый мужчина. И милая забава — намазать сыр на помидор.

— Для выявления вкуса хороша мочёная кислая ягода. — Гермес взял из зелени бутылку. — В Москве предлагают морошку, и последний шик — княженику! А для закрепления — сладкий вермут. Оттенок надо подбирать к ягоде: если голубая — бяanko, если жёлтая или красная — роззо. С вермутом можно и без изыска, достаточно качественного чинзано. Ну что ж, друзья мои... Вроде бы всё готово?

Гермес, улыбаясь, осмотрел Орли и Глеба.

— Тогда... Нет, не могу за удачу. — Он смущённо помотал головой. — Всё равно за вас, Оленька!

Гермес чокнулся с Глебом и Орли и немного отпил из бокала.

— А какая удача, Александр Давидович? — спросил Глеб.

— Господа, — начал Гермес со значением. — Рад сообщить, что я завершил переговоры в правительстве. Государство входит к нам в состав учредителей, и «ДиКСи» становится частно-государственным партнёрством. Это позволит превратить нашу компанию в крупнейший интернет-холдинг Рунета, а он, как вы знаете, господа, — четвёртая по объёму зона мировой Сети. Кроме того, на базе «ДиКСи» мы создадим первый интернет-TV-канал. В мире идёт борьба не за нефть или газ и даже не за интеллект. Идёт борьба за инвестиции. А государство — лучший инвестор. В общем, господа, наш выигрыш — чистый джекпот.

— Это грандиозно, — осторожно сказал Глеб.

Ему вдруг стало жалко Гермеса. Его победа, безусловно, была из числа подлейших: одних сожрали целиком, других погрызли по краям. Дерущаяся свора не думала о модернизации, технологиях и разных там свободах: все рубились за крутое бабло. Но это была настоящая и жёсткая схватка, в которой интеллигентный пижон Гермес свирепо завалил всех конкурентов. А разделить радость ему было не с кем.

— Да, — грустно кивнул Гермес. — Договорённости пока негласные, их необходимо держать в секрете до подготовки всей документации. Но решения приняты на самом высоком уровне. Их пересмотра уже не будет. Перед «ДиКСи» открываются врата во все сады мира.

Незаметно появился официант.

— Господам принести меню и винные карты? — спросил он.

— Теперь уже можно, — ответил Гермес. — Спасибо.

— Александр Давидович, — вдруг заговорила Орли, — а как же вы планируете продавать государству часть акций «ДиКСи», если у вас ещё не урегулированы все права на компанию? То есть юридически «ДиКСи» вам пока что не принадлежит?

— Не понял. — Гермес слегка встряхнул головой. Всё он понял, подумал Глеб.

— Какая часть «ДиКСи» принадлежит моему отцу? — прямо и открыто спросила Орли.

— Вашему отцу, а теперь вам, Оленька, принадлежат протоколы, — аккуратно сказал Гермес. — А чего тут не ясно?

— Сами по себе протоколы — только игра ума. Они конвертируются в акции компании, потому что без прав на эти протоколы программное обеспечение «ДиКСи» — контрафакт.

— Они никуда не конвертируются, Оля, — мягко возразил Гермес. — Вас ввели в заблуждение. Права на протоколы по завещанию вашего отца принадлежат вам, это бесспорно. Я сам помогал вам оформить эти права, если помните. Можете продавать их кому угодно. А «ДиКСи» ни вам, ни покойному Льву больше ничего не должен.

— Но программное обеспечение «ДиКСи» основано на протоколах отца!.. — Орли как птичка билась в прутья клетки. — Надо заплатить!

— Конечно! — убедительно кивнул Гермес. — Но этот вопрос, Оля, трудно формализуем. Я, например, не могу сказать, каков эквивалент стоимости протоколов. Сто тысяч долларов? Или кресло председателя совета директоров? Или пятнадцать процентов акций?

— То есть разделить компанию пятьдесят на пятьдесят, как вы и условились с отцом, вы не хотите?

К столику приблизился официант:

— Господа что-то выбрали?

— Немного попозже, — попросил Глеб.

— Оленька, плиз, не надо так переживать, — обеспокоился Гермес и даже придвинул Орли держалку с салфетками. — Уверяю вас, никто не хочет вас обмануть. Просто это серьёзные вопросы. Давайте решим их в арбитраже. Сколько он присудит вам предоставить — я с радостью!

Глеб смотрел на Гермеса. Какой красивый мужчина... Не в голубом смысле, просто в человеческом. Красивый. Умный и талантливый. Как хорошо он держится, как убедительно играет честность и заботу...

— А ты почему молчишь? — Орли вдруг повернулась на Глеба. Она почти плакала. — Помогите мне, Глеб!

Глеб тяжело вздохнул и отвёл взгляд. Неужели всё-таки придётся говорить всё это, портить отношения с Гермесом?..

— Александр Давидович, у нас с Орли большие опасения...

— С Орли? — переспросил Гермес и посмотрел на Орли. — Так вас называл Лев... Семейное, домашнее имя... Ясно... Простите, перебил.

— Мы знаем, что с помощью Бориса Крохина вы вскрыли файлы Льва Гурвича и скопировали протоколы, — с трудом сказал Глеб. — И теперь вы будете проводить необходимый апгрейд ПО «ДиКСи» сколько угодно. Орли и протоколы вам больше не нужны. Вы ничего не будете у неё покупать и ни за что не будете ей платить. А в суд она может подавать, как ей заблагорассудится, — до суда она просто не доживёт.

Гермес усмехнулся и потёр бровь.

— Вы считаете, я подошлю киллера? — лукаво спросил он. — Или сам наброшусь и задушу нашу милую Орли, как Отелло — Дездемону?

— Нет, Александр Давидович. — Глеб снова вздохнул. Ему очень не хотелось говорить про это. — Вы наслёте чуму. Вернее, уже наслали.

— Чу-му? — по слогам уточнил Гермес.

— Вы слышали верно, — вяло произнёс Глеб. — И всё понимаете.

— Увы, не понимаю! — воскликнул Гермес настолько искренне, что Глебу нестерпимо захотелось поверить ему.

— Вы — Король-Чума, Александр Давидович. Вы убрали с дороги Льва Гурвича, он обрушил на вас чуму, а вы перепасовали демона мне в комьюнити. Генрих Дорн, похоже, погиб. Марина Павлова выбита из игры. На очереди Орли, Борис Крохин и я. Демон нас всех доконает, Александр Давидович. Вы нас приговорили, чтобы спасти себя.

Гермес сидел, молча глядя перед собой. Он был как постаревший падший ангел, не хватало только крыльев с пепельными перьями.

— Вы — Король-Чума, — повторила Орли.

И вправду, подумал Глеб, а зачем Гермес пригласил их сегодня? Они — компания Гермесу не по статусу. Объяснение только одно: в преддверии триумфа Гермес хотел удостовериться, вымер его чумной обоз или ещё нет? Гермес поднял на Глеба печальные глаза.

— Глеб, а вы-то сам верите в это? На дворе третье тысячелетие, мы с вами занимаемся интернетом, а вы мне про чуму и экзорцизм...

Глеб пожал плечами:

— А что инет? Уменьшает ли он невежество? Нет, не уменьшает. Избавляют ли социальные сети от одиночества? Нет, не избавляют. Запрещает ли демократия рабство? Даже в Элладe не запрещала, что уж говорить про нас. Так что и телеком не исключает чуму.

Гермес чуть заметно кивал, словно соглашался сам с собой.

— Александр Давидович, я прошу вас, — тихо произнёс Глеб, — остановите чуму. Для нас это важнее, чем «ДиКСи». И для Орли важнее, пусть она того и не понимает.

— Я не уполномочила тебя просить о пощаде! — вспыхнула Орли.

К столику опять подошёл официант.

— Я уже могу принять заказ? — спросил он.

— Мы передумали, сорри, — сказал Гермес. — Посчитайте на меня.

Он протянул официанту карточку. Глеб автоматически отметил: «Центурион», премиум-карта American Express. Наверное, ему никогда не быть обладателем такой карты, и это решается именно сейчас.

— Глеб Сергеевич, — сказал Гермес. — Боюсь, вам надо сделать выбор. Я понимаю, что Оленька обижена на отца и на судьбу, но я для Оли сделал всё, чего требовал моральный долг. Предпринимать что-либо сверх этого у меня уже нет желания, ибо Оленька считает меня чудовищем. О'кей, я приму это без возражений. Но вы, Глеб, должны определиться. Либо вы с Олей, и тогда я злодей и Король-Чума, либо вы со мной, но тогда я ваш босс и обычный человек, а Оля вам никто.

— Почему я должен с ней порвать? — хрипло спросил Глеб.

— Не заставляйте меня проговаривать самоочевидные вещи, — уже с раздражением заявил Гермес. — Как мы с вами сработаемся, если она будет

петь вам в уши: он убийца, он дьявол!.. Я предлагаю успешную жизнь и прошу от вас сравнительно небольшую плату: расстаньтесь с подругой, которая мне — простите, Оля, — неприятна. Или она, или я.

— А если я этого не сделаю?

— Тогда я вас уволю, — твёрдо произнёс Гермес. — Завтра же.

— Неужели нельзя найти компромисс? — жалко спросил Глеб.

— Нельзя. Если вы не порвёте с Олей, вы начнёте действовать против меня. Мне нужен способ нейтрализовать вас. Я дам вам мотив — месть за увольнение. Наличие у вас этого мотива дискредитирует ваши обвинения в том, что я сгубил Гурвича или похитил протоколы.

— Вы откровенны... — проскрипел Глеб. — Значит, Орли права?

— Это не важно. Я опасаюсь не приговора, а дрызг следствия.

— Он боится дрызг куда больше приговора, — нагло и смело сказала Орли. — От приговора он отвертится, откупится, а вот дрызги и шумиха расстроят его сделку с правительством по продаже «ДиКСи».

Гермес положил ладони на столешницу и поднялся.

— Господа, благодарю за вечер, — отсёк он дальнейшее общение.

— Простите, Александр Давидович, но Орли мне дороже «ДиКСи», — не вставая, тихо произнёс Глеб. — Я останусь с ней.

— Не за что перед ним извиняться, — торжествующе заявила Орли.

Похоже, что из «Балчуга» Глеб бежал, как с места катастрофы. Он даже не понял, каким образом оказался на другом берегу Москвы-реки на Кремлёвской набережной, прямо под Кремлём. Хоро-вод башен и стен проехал над Глебом, будто Кремль вращался. В чёрном и пустом небе метался невидимый ледяной ветер. Вокруг была та образцовая и статусная Москва, которая могла оправдать всё на свете. Та самая Москва, классическая, надменная и вечная, ради которой жертвовали всем. Два часа назад ворота в неё наконец-то приоткрылись для Глеба — а Глеб вдруг захлопнул их, и захлопнул совсем не с той стороны. Он и сам ошалел от того, что сделал. Орли держалась за локоть Глеба и еле попевала, часто щёлкая каблучками по асфальту.

— Глеба... — задыхаясь, произнесла она, — Глебушка... Спасибо тебе, милый мой... Я не верила в тебя...

Но Глеб сейчас и не думал об Орли.

Улица пересекала Москву-реку изящным и замедленным прыжком Большого Каменного моста. Над фонарями Берсеневской набережной по обеим сторонам портика Театра эстрады сияли прямоугольные и многооконные бастионы. Над левым, будто нимб, парило блистающее рекламное кольцо «Мерседеса». За правым, как пучок лампочек, светились сусальные куполочки старинной церкви. Москва была пылающая, горящая, оперная, словно пиар-проект самой себя.

— Глеба, погоди, — просила сзади Орли. — Мне надо сказать тебе... Меня всегда предавали... Если у человека появлялся выбор между мною и какими-нибудь благами жизни, то человек всегда выбирал эти блага и бросал меня, предавал, оставлял... Ты первый, кто не предал...

— А ты всегда выбирала человека, у которого должны появиться блага? — хрипло спросил Глеб, не оборачиваясь.

Орли заплакала.

Впереди из темноты ночи выдвинулась гигантская белая глыба храма Христа Спасителя — будто медленно выступил боевой слон в золотых доспехах. Храм точно клубился арками и сводами, его словно пучило от избыточной архитектурной мускулатуры. Новогодняя иллюминация просторной площади заменяла цветные плюмажи.

— Ну что же делать, Глеба? — плакала Орли. — Я выбирала того, кто сильный, кто побеждает, у кого будущее... Зачем же связываться с лузерами, с неудачниками?.. Как их можно полюбить?..

На стрелке Москвы-реки и Водоотводного канала в перекрестье прожекторных лучей вздымался исполинский идол Петра Великого. Этот Пётр не смог бы, перешагивая через дома, гнаться за Глебом по Москве, как Медный Всадник скакал за Евгением по Петербургу. Этот Пётр скорее походил на башню Саурана из «Властелина Колец».

Глеб остановился.

— Я не виню тебя, Орлик, — сказал он. — Я всё понимаю. Просто мне горько... Я ведь имею право на эту горечь...

— Ты молодец! — быстро заговорила Орли, но Глеб, не слушая её, пошагал дальше и повернул в за-коулки Арбата, будто хотел укрыться от всевидящего ока Петра-Саурана.

Вокруг мельтешили особняки, церковки, деревья, крылечки на три ступеньки и портики с толстыми колоннами и кудрявыми капителями, оштукатуренные ограды с арками, блестящие в темноте лимузины, еле втиснутые хозяевами в тупички... Глеб и Орли пробирались здесь, как сквозь проходы между шкафами в мебельном магазине.

Когда-то давно Глеб исходил здесь всё вдоль и поперёк, потому что москвичу положено знать и любить эти переулочки, восхищаться ими, негодовать, что их наполовину снесли. Глебу, новичку в столице, хотелось присвоить чужую память, чтобы легче было укорениться и освоиться в городе, который его только имел, ничего не давая взамен, кроме обещаний. Теперь обещания начали сбываться... Как вдруг появилась Орли и всё разрушила, хотя желала того же самого.

— Ты ему сказал всё в лицо, как по щекам отхлестал! — горячо говорила сзади Орли. — Нужно мужество, чтобы так сказать! Никто и никогда за меня так не вступался! Я так люблю тебя, Глебушка!..

Они выбрались на узкую, неровную и нарядную Остоженку, всю завешанную проводами, гирляндами и рекламными растяжками. Цветной строй домов растрескался чёрными щелями переулков.

Слева в прогале мелькнул купол Зачатьевского монастыря. Схима и зачатие были противоположны друг другу, а тут как-то уживались. Зачатие без

греха было чем-то сродни греху без зачатия, и здесь, в фешенебельно-скромных кварталах Арбата, Непорочная Дева казалась покровительницей порочных дев. Глеб всегда влекло это московское великосветское искусство пафосно-подлого и развратно-елейного, когда объектом интереса становится чужое зачатие, когда можно в одном месте и поебаться, и покаяться. Смиренная обитель очень ловко уместилась не в лесах за Йошкар-Олой или Нарьян-Маром, а на язычке Лисички, готовой скушать Колобка. Здесь литургией умело замещали оргию, спасая души истеблишмента, а не гегемона. Глеб давно желал этой московской сладости: в мире подстав и не за свой счёт оказаться вдруг сразу и правым, и богатым.

— Я знаю, ты всё сможешь! — твердила в спину Глебу Орли. — Ты всё преодолеешь! Ты упрямый, умелый, решительный! То, что сегодня ты потерял, ты потом наверстаешь, а поступок с тобой уже навсегда! Другие не осмелятся сделать такой выбор, какой ты сделал сейчас!..

С Остоженки они перебежали на Пречистенку, затем с Зубовской площади — на Ростовскую набережную. Над Москвой-рекой светился нелепый, будто поломанный мост Богдана Хмельницкого. Глеб и Орли перебрались на площадь под вогнутым угловым фасадом гостиницы «Рэдиссон Славянская». Глеб поднял руку, подзывая тачку.

Остановилась раздолбанная синяя «пятёрка» — даже удивительно: что такой рыдван делает на Бережковской набережной? Но водитель знал Москву, и Глеб открыл для Орли заднюю дверку. Подумав, он

и сам сел рядом с Орли, сложившись чуть ли не пополам.

— Развелось бомбил, которые Выхино от Крылатского не отличают, — бубнил водитель и уверенно вертел руль, — не отличают, а берутся клиентов возить. Как так можно? Должна быть ответственность перед пассажиром, ведь человек ловит машину, чтобы доехать поскорее, а не чтобы плутать чёрт-те где и время терять, верно говорю, ребята?

В салоне было зябко, пахло табаком, заваливало на спину, давил низкий потолок, колени упирались. Глеб сидел сжавшись и почему-то вспоминал, как они уходили из ресторана в «Балчуге»... Орли встала, и официант отодвинул ей стул, Гермес уже стоял и прятал в бумажник пластиковую карточку, а Глеб ещё не поднялся и салфеткой вытирал пальцы, намокшие от помидорного сока. В это время он и услышал...

— Ты за мной пришёл? — впроброс спросил Гермес.

— Не за тобой, но к тебе, — ответил глухой голос.

Голос был мужской, но будто собачий... К кому там, в «Балчуге», обращался Гермес? Кто ему ответил? Официант?.. Потом этот эпизод выскочил у Глеба из головы, а сейчас вот, в «жигулях», вспомнился...

Глеб смотрел на Орли. По лицу Орли бежали огни Москвы. Какая красивая молоденькая женщина... Такой профиль, кудри, смеющиеся глаза, чёрно-красные развратные губы... Сколько это стоит?..

Глеб развернулся к Орли и вдруг начал молча хватать её за грудь, тискать, всовывать ладонь между ляжек. Орли не возражала, не противилась. Она

закрыла глаза и понимающе улыбалась: мужчина проверял, всё ли на месте, верный ли выбор он сделал?

Глеб ещё держался возле подъезда, держался в лифте, но душа сорвалась, когда он вошёл в квартиру. Здесь было тепло и тихо, пахло кожей и кофе. В тёмном панорамном окне вдали горела диадема МГУ — светящийся и волшебный уолт-диснеевский замок. Больше Глебу не видеть этой перспективы... Не разуваясь, не включая люстру или бра, Глеб прошёл в комнату и опустился в кресло возле окна.

Он долгие годы пробивался к этому статусу... Чтобы стать боссом, иметь красивый автомобиль и красивую одежду, красивое жильё с красивым видом на московскую достопримечательность... А теперь у него не будет модной и стильной работы, не будет денег, не будет квартиры... Ежедневно трахать Орли — достойная ли компенсация за такие потери? Как же так случилось? Как его угораздило поссориться с Гермесом: плюнуть в руку дающего, обрубить сук, на котором сидел!..

— Глебушка, не расстраивайся, — сзади тихо попросила Орли. — Ты ведь не знаешь, что в этой жизни лучше, что хуже... Только бог знает.

— И ещё ты с ним на пару, ага?

— Неизвестно, что будет с «ДиКСи», когда начнутся эти реформы... Неизвестно, какую бы работу тебе там дал Гермес...

Орли сзади положила руки Глебу на плечи, будто хотела сделать лёгкий и нежный массаж, размять Глебу напряжённые мышцы, но Глеб сидел как деревянный: не оглянулся, не расслабился.

— Гермес и так хотел тебя выгнать, видно же, — сказала Орли. — Ни я, ни чума тут ни при чём... Изменяется положение фирмы, и Гермесу нужен новый персонал. Не важно, что произошло там, в ресторане. И без этого Гермес мог уволить тебя в любой миг. Если бы наша встреча прошла хорошо, это всё равно не было бы гарантией, что не тронут...

Орли уговаривала Глеба, почти заклинала. Но Глеб уже не хотел поддаваться её гипнозу. Один раз он уже пошёл у Орли на поводу — в «Балчуге», когда в глаза обвинил Гермеса, что тот — Король-Чума. О господи, какая глупость, какая нелепость!.. Какая, нахер, чума? Этими бреднями Орли забила ему голову, свихнула мозги! Он сам себе чума!

Орли загородила собою вид на МГУ, словно хотела, чтобы Глеб вырвался из наваждения. Глеб подумал, что сейчас за его душу ведут битву две силы, два искушения: женщина и город. Орли медленно встала перед Глебом на колени, точно для минета.

— Ты же в меня не поверил, — прошёптали чёрно-красные губы. — Я вижу это, Глебушка. Ты не поверил, что я — сильнее и удачливей, чем Гермес. Я выгоднее! Я перспективнее! Я отниму «ДиКСи» у Гермеса!

— Как? — тоскующе спросил Глеб.

Ему показалось, что глаза Орли горят в темноте тёмным огнём.

— Если Гермес сгубил твоего отца ради того, чтобы завладеть компанией, он не отдаст тебе ничего. Ни крохи, ни капли. Ни по суду, ни по совести. Ни-че-го, Орлик! Тут без шансов!

— Ты не хочешь разобраться, Глебушка. Ты всего боишься.

Орли говорила с таким циничным превосходством, что Глеба едва не взорвало. Это он из своего кармана оплачивал Орли её чувство собственного достоинства, а его же и поучали через губу.

— А ты-то что понимаешь? — почти закричал Глеб. — Ты приехала сюда из какого-то своего Суходрищенска, нашла местного славика, редактору своему пару раз попку подставила и думаешь, что теперь у тебя всё схвачено, жизнь удалась? Я тут двадцать лет долблюсь во все двери, а ты меня поучаешь? Ты знаешь, какие тут в Москве люди? Об этих людей рельсы гнуть можно! Ты знаешь, какие они дела делают? Что ты им сможешь доказать, как ты их заставишь? Или делай, как тебе сказано, и благодари, что с тобой разговаривают, или вали! Орлик, маленькая моя, так нельзя, слышишь? Случилась катастрофа!

— Да нет никакой катастрофы, Глебушка! — крикнула в ответ Орли, будто даже торжествовала. — Чего ты расслюнявился?

Глебу на миг показалось, что он и вправду чего-то не понимает. Что его разводят, испытывают. В «Балчуге» Орли повернула разговор так, чтобы Глеб поссорился с Гермесом, — но Орли сделала это не ради конфликта с начальством, а ради того, чтобы потом протестировать Глеба. И она тестировала: пока Глеб бежал по набережным и через Арбат, пока ехали в тачке, сейчас вот...

— Я расслюнявился? — озверел Глеб. — Ты лишила меня того, что я честно зарабатывал много лет, — лишила хаты, бабок, босса, всего! А я, значит, рас-

слонявился? Это я, что ли, затеял всю херню? Это твой папик ширялся и грызся с напарником, это ты Гермесу на загривок прыгнула! А я спокойно себе в «Твиттер» писал и подругу ёб! Верни мне мою жизнь, Орли! Я чумой не болею и ни в чём не виноват!

Орли вдруг вскочила и бросилась прочь из гостиной. Глеб сначала решил, что Орли убегает из квартиры, но потом понял, что она просто укрылась в ванной комнате. За стеклянной дверкой Глеб видел тёмный силуэт Орли, а потом у неё в ладони засветился прямоугольный экран айфона. Орли куда-то звонила.

— Александр Давидович? — услышал Глеб. — Извините, что поздно... Да, это Оля Телегина... Которая Гурвич.

Орли звонила Гермесу. Глеб дёрнулся было остановить её, но сам себя удержал. Во-первых, Орли уже потревожила Гермеса. Во-вторых, что из того, что потревожила? Второй раз Гермес Глеба не уволит.

— Александр Давидович, простите, пожалуйста, за сегодняшнее, — чётко говорила Орли. — Я прошу и за себя, и за Глеба...

Орли сделала паузу. Глеб тоже вслушивался — но, разумеется, не мог услышать голоса Гермеса.

— Всё это неправильно, — сказала Орли. — Александр Давидович, пожалуйста, сделайте мне ещё одно, последнее одолжение... Я прошу вас встретиться сейчас со мной. Да. Я понимаю, что ночь... Да. У вас в офисе. Конечно. Я приеду, конечно. Спасибо. Спасибо.

Орли вышла из ванной и посмотрела на Глеба.

— Гермес сейчас приедет в «ДиКСи», а я поеду к нему, — сообщила Орли. — Не волнуйся, трахать-

ся с ним я не буду. Впрочем, это уже не твоё дело. Я пообещаю Гермесу отказаться от претензий на компанию, чтобы он в ответ вернул тебя на прежнее место. Мы квиты, Глеб.

Глеб молчал. Он стоял возле кресла на фоне МГУ в панорамном окне и смотрел на Орли собачьими глазами.

— Подвозить меня не надо, — сухо и жёстко добавила Орли. — Сама доеду. Надеюсь, через час-другой Гермес тебе позвонит. Сиди, жди. — Орли усмехнулась. — Почитай комьюнити, чтобы не скучать.

36

Miroed: Это ловушка!!!

УМНЕЕВСЕХ: позно понел !!!!!

Miroed: Это ловушка!!! Уходите отсюда!!! Это все существует!!!

Крики ужаса в комьюнити Глеб пропускал, как описания природы в классической литературе. Вот и Miroed прозрел. Но теперь ничего не изменить. Наверное, «Мироеда» тоже никто и ничто не спасёт.

У Глеба у самого жизнь разваливалась, а неизменным оставались только комьюнити, только чума, поэтому Глеб сейчас сидел на кухне и скролил айпэд. И кухня казалась холодной, выстуженной, и квартира словно бы готовилась принимать других хозяев, а чума была прежней, родной: блохастой, гнилой и зловонной.

Prizel: Эпидемиям чумы в старину сопутствовали различные массовые истерии и психозы. Был та-

кой психоз хореомания. Это когда толпа танцует и не может остановиться, пока все люди не упадут на землю замертво от усталости. Так проявлялся страх перед чумой. Мне иногда кажется, что сейчас тоже хореомания. Будет Новый год, и по телику начнётся — пляшут, пляшут, пляшут, пляшутпляшутпляшут

KozaDereza: Люди! У нас у самих это комюнити массовый психоз! Мы пишемпишемпишемпишем тут потому что боимся! Рядом кричат и погибают а мы как не слышим! Что случилось с Мироедом? Почему он кричал? Какая ловушка? Где Мироед? Аууууу!!!

УМНЕЕВСЕХ: мироеда нет а ты коза правельно говориж

Kuporos: Подобный психоз был даже оформлен в секту. Вот даю ссылку на статью «Флагелланты». Глеб, конечно, пошёл по ссылке.

«В 1210 году в Италии возникла секта ревностного покаяния — секта бичующихся или флагеллантов. Эти фанатики верили, что на алтарь церкви Святого Петра в Иерусалиме с неба упала мраморная табличка с письмом Христа. Иисус грозил уничтожить человечество за грехи людей. Флагелланты каялись в грехах сами и публичностью своего покаяния призывали других последовать за собой.

По Европе пошли процессии, расппевающие покаянные песнопения-лауды. Люди в процессиях избивали себя прутьями. Эти толпы, ведомые проповедниками, переходили из города в город. В храмах флагелланты принимали позы, соответствующие тем грехам, за которые они жаждали наказания,

и бичевались шипастыми плетями так жестоко, что натекали лужи крови.

Эпидемия Черной Смерти привела к многократному увеличению числа флагеллантов. Странствующие окровавленные толпы разносили чуму. Да и Святой престол был смущен одержимостью верующих, которые в моральном отношении оказались выше клира. Бичующихся объявили еретиками и отлучили от церкви. Последних флагеллантов сожгли в Германии в 1414 году».

KozaDereza: Почему в росии законы чтобы обманывать и красть, преса чтобы скрыть правду, интернет чтобы не слышать друг друга

Prizel: Кстати, кроме тех, кто танцует или бичуется, чума вызвала еще психоз бесноватых. Тогда целые толпы начинали метаться, кричать, кривляться и биться в припадках. Их прогоняли, они бежали в другой город. Считалось, что их трясет демон чумы. Из них пытались изгонять дьявола. А иногда просто присылали к таким толпам музыкантов, чтобы те играли и быстрее довели всех до изнеможения. Бесноватые падали без сознания. Когда приходили в себя, были уже нормальные, только у многих оставались нервные тики и дерганья. Эти случаи с толпами прекращались после завершения эпидемий.

KozaDereza: Ауууу!!! Я ощущаю себя вопиющей в пустыни!

Глеб читал комьюнити без всякого чувства. Лично ему все стало уже безразлично. Тлел какой-то энтомологический интерес: сколько ещё дихлофоса могут вынести эти мухи?

Kuporos: Уважаемая KozaDereza, мы видим ваши призывы. Но ведь сказать нечего. Что вы от нас хотите?

Prizel: У меня ощущение, что все эти феномены чумы остались в современной жизни, хотя самой чумы нет.

УМНЕЕВСЕХ: ЧЮМА ЕСТЬ !!!!! Чюма есть всегда!!!!

Prizel: Чума словно говорила Memento mori. Понемая, что могут умереть, люди предавались обжорству, пьянству и разврату. Всюду процветало мародерство. На работу в чумных кварталах приглашались только каторжники, которым за это обещали помилование, и бывало, что молодых заболевших женщин они быстрее продовали для изнасилования, пока те еще живы. Бывали случаи полного бездушия, когда живых сваливали и хоронили вместе с мертвыми. И ведь многим это нравилось, описаны случаи, когда санитары волокли трупы за ноги, разбивали о мостовые и разбрызгивали кровь, чтобы эпидемия продолжалась как можно дольше!

Kuporos: Я пытаюсь сформулировать странность... Такие вещи обычны для войны... Мародерство, изнасилование. На войне кто-то становится тебе врагом, но кто-то другом, и если врага перестаешь воспринимать за человека, то друг уже больше, чем просто человек, за него можно и жизнь отдать. А чума — как война без второй, так сказать, положительной, половины...

Prizel: Чума это когда все враги. Даже друзья.

А это и есть обыденная, повседневная жизнь, подумал Глеб. Ты претендуешь на какое-то место, и оно только одно, потому что ты сам его для себя и придумал, и все вокруг тебе враги. И сейчас ему, Глебу, враг — Гермес, хотя только Гермес и может его, Глеба, спасти. Ему враг — Орли, хотя только Орли и нужна ему сейчас если не для счастья, то хотя бы для мира в душе. Но всё равно они враги.

KozaDereza: Это какое-то свинство! Люди отчаянно кричат, потом исчезают, а мы как ничего не видим! Куда делся мироед? Куда вообще пропали Доктор-пипец, Нанмадол, лапка, все другие??!!

Kuporos: Просто ушли из комьюнити.

KozaDereza: Нет! Они звали на помощь! С ними случилась беда!

Kuporos: А как мы можем помочь друг другу? Мы не знаем друг друга! Не знаем имен, адресов, статусов!

Prizel: Вы призываете нарушить принцип анонимности?

Kuporos: Я ничего не призываю. Потому что здесь мы участвуем не своими персонами, а словом.

KozaDereza: Каким словом то? Здесь можно говорить что угодно кому угодно! Но если на самый отчаянный крик не сказано ничево будто никто не кричал?? Это то и убивает!!! Вы этим будтобы говорите что нету того о чем кричат!!! Будтобы нету крика!!! НЕТУ крика — нету проблемы!!! Никаким словом мы тут не участвуем!!! Нам не дано предугадать как слово наше отзовется — а никак не отзовется потому что мы никакого слова не сказа-

ли!!! Прямо здесь люди исчезали от чумы а мы ничего не сказали им!!! Не лечим не спасаем словом!!! Если не слышим другово то и сами не говорим!!!

Kuporos: Отчасти вы правы, уважаемая KozaDereza. Пожалуй, я высказался поверхностно. Комьюнити не кушетка психоаналитика и не исповедальня, так что мы и вправду участвуем в нем не словом. Я бы сказал — участвуем компетенцией.

Prizel: А теперь я не соглашусь, уважаемый. Как историк. Вернее будущий историк, так как я студент. Наверное пора представиться. Мне 21 год, я учусь в педуниверситете МПГУ. Мои интересы в истории далеки от чумы. Это тамплиеры. Еще я занимаюсь реконструкцией и ролевыми играми, в нашей иерархии старший магистр Командорства рыцарей Храма Соломона Гранд Мадью. Я знаю, как ведут свою работу историки и себя пока считаю делетантом. Как я понял, и вы тоже не истореки. И не врачи, которые разбираются в чуме. Так что никакой своей компетенцией мы здесь не участвуем. У нас ее просто нет.

KozaDereza: Я тоже не историк. У меня даже нет полноценного высшего образования. Я живу в Чехове и работаю в городской администрации. То что называется «офисный плонктон». Мне 48 лет, у меня сыну 17 лет. Мужа нет. С чумой я никогда не сталкивалась, даже не думала про нее. Я знаю, что дикси интернет для богатых, сама бы я не стала тратить деньги, но у нас оплачивает администрация, и я подключила. Может быть я попала не в свою компанею, извините.

Prizel: Здесь нет компаний по финансам. Я тоже не олигарх, живу в общежитии, подрабатываю, а ДИКСИ себе просто выиграл в олимпиаду по истории. У нас был конкурс, я занял третье место, приз был за это — подключение к ДИКСИ.

Kuporos: Извините, не люблю нарушать принцип анонимности интернета, который, как мне кажется, и создал интернету такую популярность. Я даю ссылку на ресурс, который меня представит, если кому-либо это интересно...

Глебу было интересно, и он сходил по ссылке. Гуглоголового «Купороса» звали Курепин Дмитрий Константинович. 54 года. Родился в Кокчетаве. Образование высшее: радиоинженер. Ещё он поэт, ведёт несколько сайтов для молодых поэтов, был лауреатом литературной премии Рязанской области имени Алексея Фатьянова, публиковался в журналах «Сибирские огни», «Волга» и «Москва». Трижды женат. Двое детей. Работает литературным редактором в журнале «Панацея» — издание о нетрадиционной медицине. Любимый артист — Иннокентий Смоктуновский, любимая актриса — Одри Хэпбёрн, кинофильм — «Танцующая в темноте», режиссёр — Роман Полански, писатель — Набоков, поэт — Бродский, книга — Библия, композитор — Моцарт, художник — Шишкин, певец — Хворостовский, певица — солистка группы «АВВА», исторический деятель — Лао-цзы, в следующей жизни хотел бы оказаться дельфином, девиз: «Общение с карликами искривляет позвоночник», Ежи Лец. Душераздирающее зрелище.

А таковы все участники его комьюнити, подумал Глеб. Таковы информаторы и эксперты Web 2.0. Та-

ковы люди. Чудовищные завалы разбитых надежд, неоправданных амбиций и бессистемных убеждений. Конечно, он и сам такой. Глеб вернулся к «Купоросу».

Kuporos: ...а с вашими возражениями по поводу нашего участия компетенцией вынужден отчасти согласиться. Да, мы не участвуем ни словом, ни знанием. А чем тогда?

УМНЕЕВСЕХ: иблом крашеным вы здесь светете
ВОТ И ВСЕ !!!

Kuporos: Я не знаю, кто вы, господин УМНЕЕВСЕХ, но попросил бы вас покинуть наше общество. Ваше хамство отвратительно. Тролли вроде вас и приводят общение в интернете к тому тяжелому статусу, о котором сейчас столь горячо написала KozaDereza!

Prizel: Уважаемые Kuporos и KozaDereza. Давайте не будет винить во всем друг друга, не будем заниматься самобичеванием и не будем устраивать охоту на ведьм, хотя УМНЕЕВСЕХ и вправду достал. Это уже бывало. Уже искали виноватых в чуме. Вот смотрите.

Этот пост «Прицела» был в комьюнити последним. Глеб прошёл по ссылке на статью «Виноватые в чуме».

«Евреи, безусловно, виноваты во всех бедствиях мира. Пожалуй, впервые мысль о тотальной виновности евреев как “христопродавцев” появилась во время пандемии чумы Чёрная Смерть.

В появлении чумы обвиняли и поклонников сатаны, и еретиков, и мусульман, и даже прокажённых. По объятой ужасом Европе ползли слухи о “че-

тырех прокажѣнных вождях”, которые приказали своим “подданным”, то есть другим прокажѣнным, изготовлять “чумное зелье” из человеческой крови, мочи и церковной гостии и бросать его в колодцы. Во время Чѣрной Смерти в Европе разгромили почти все лепрозории и убили множество больных проказой.

Но главную вину за эпидемию Европа возложила на евреев. Это было связано с тем, что в Реконкисту еврейский капитал поддерживал сопротивление мавров. Христианские политики распространяли миф о том, что в синагоге Толедо собрались руководители еврейства, чтобы придумать, чем удержать христиан Европы от завершения Реконкисты.

Христиане утверждали, что в городе Анжу у некоего еврея-купца Бананиаса нашли письмо, написанное на овечьем пергаменте. Письмо толедские заговорщики адресовали турецкому султану. Послание было запечатано золотой печатью, изображающей еврея, что стоит перед распятым в непристойной позе. Заговорщики сообщали султану о том, что евреи по всей Европе изготовляют смертельные снадобья из крови совы с порошком из пауков или из высушенного христианского сердца пополам с лягушками и ящерицами. Снадобья евреи бросают в реки и колодцы, и несчастных христиан поражает чума.

После такого свидетельства началось истребление евреев по всей Европе. В Германии, к примеру, их забивали в бочки и бросали в Рейн. А в Норвегии заботливый король решил уберечь свой народ от чумы тем, что приказал сразу перерезать всех евреев.

Евреи сопротивлялись. Зачастую они с оружием защищали свои кварталы от погромщиков или пред-

почитали костру самоубийство, но и мужество евреев фанатики приписывали сатанинскому исступлению.

В Европе завершились и Чёрная Смерть, и Реконкиста, — но война против евреев продолжалась до середины XX века».

Когда Глеб вернулся в пост «Прицела», в комьюнити появилось новое сообщение, чуть ли не горячее от свежести.

УМНЕЕВСЕХ: Мерси за аналогию, сенк ю за поддержку, но все не так уж и плохо. Прошу прощения у тех, кто счел себя оскорбленным.

Дело не во мне и не в чуме. Дело в вас, господа. Как говорится, над кем смеетесь... «ДиКСи», семантический интернет, — это подобие, ну, скажем, Золотого Шара. Помните этот странный артефакт в «Пикнике на обочине» Стругацких? Шар исполняет желания. У Тарковского Шар замещен Комнатой с теми же функциями, в эту Комнату Сталкер ведет своих нанимателей Писателя и Профессора. Но со сбычей мечт не все так просто. Шар (или Комната) исполняют не те желания, которые будут озвучены, а сокровенные желания, истинные, порой — тайные и постыдные даже для желающего. Есть у Стругацких герой, сталкер, ходивший к Золотому Шару вымалывать погибшего сына, — а получил он кучу денег. В общем, человек сам не знает, что у него в душе, и лишь очень наивный гражданин согласится на разбор души с помощью машины — Шара... или семантического интернета на портале «ДиКСи». Семантический интернет — исполнение наших желаний в области информации. «ДиКСи» ис-

полнил. А чего мы могли пожелать? Мы — с нашими обидами от Несбывшегося, с комплексом неполноценности, с унижением лузера (где всё доступно, все становятся аутсайдерами, потому что невозможно победить везде и всех)? Ничего хорошего мы, лузеры, не пожелаем. Однако «ДиКСи» исполнит и нехорошее, потому что «ДиКСи» — машина. Но за сотворенное зло нам придется заплатить. И мы расплачиваемся. Расплата называется ЧУМА.

Это проблема человека в интернете, проблема Media Sapiens, проблема Номо телекома. Я предлагаю обсудить эти вопросы уже в моем комьюнити, в новом. А на память вот об этом комьюнити, о чумном, я возьму никнейм ABRAKADABRA. Я жду вас у себя, господа. Обещаю, что хамства и мата больше не допущу. Вот ссылка. Please. И по этой ссылке Глеб уже не пошёл.

37

Подняв воротник кашемирового пальто Roberto Cavalli, опустив тёплые наушники такой же кашемировой зимней кепки, купленной в ансамбле с пальто, кашне, перчатками и ботинками, Глеб спешил по скользким тротуарам к Мичуринскому проспекту. Десять минут назад он ещё сидел в комьюнити, но раздался звонок от Орли. Ничего не объясняя, Орли сухо сказала: если Глеб хочет снова поговорить с Гермесом, пускай тотчас едет в «ДиКСи». Гермес там, и он ждёт. Глеб хотел поговорить с Гермесом.

Хотел извиниться и попросить отыграть назад. Он не желает конфликтовать, он отзывает свои обвинения и отказывается от самой мысли про чуму, лишь бы всё стало, как было.

Ехать в «ДиКСи» на «лексусе» Глеб не рискнул. Вдруг попадёт в пробку? Свою машину не бросишь. Вызвать такси? А сколько ждать? Проще всего на метро. Увы. Глеб уже год, наверное, не спускался в метро, но ничего, не помрёт, доедет. Зато надёжно. И Глеб нырнул в пылающую и холодную московскую ночь, будто в залп салюта.

Ему надо было перейти через улицу, и он остановился в тылу у небольшой толпы, ожидающей зелёного света у светофора. Глеб давно не оказывался частью такой вот обезличенной массы, что живёт лишь общими функциями. Это было неприятно, будто тебя оценивали не по уму, красоте или богатству, а просто на вес, как свиную тушу.

Глеб подумал, что телеком здорово его избаловал, — Дорн прав. С семантическим интернетом Глеб ощущал себя демиургом, центром вселенной, судьей. Его нить, конечно, была жёстко вплетена в общую ткань, но этой ткани Глеб не видел: он один сам для себя и для всех прочих был лучом света в тёмном царстве. А сейчас он стоял в табуне и ничего с этим не мог поделать. Табун зависел от пастуха-светофора.

Перед Глебом находился модный мужчина в шерстяной шапке набекрень, в каком-то кондукторском пальто с пуговицами в два ряда и в вельветовых брюках, собранных складками подобно голенищам сапог. У мужчины зазвонил телефон. Глеб презирал любопытство такого пошиба, но сейчас против воли,

повинуясь зову звонка, пускай и чужого, бросил взгляд на экранчик смартфона в чужой ладони. На экране был он сам. В кашемировом пальто и в кепке с опущенными наушниками. Кто-то сфотографировал Глеба минуту назад.

Загорелся зелёный свет, и табунчик побежал через дорогу. Глеб не успел подумать, как же ему понимать случившееся. Кондукторское пальто вырвалось вперёд, не заметив Глеба, а Глеб чуть приотстал. Но в толпе, что двигалась навстречу с другого берега улицы, Глеб увидел молодого человека, который на ходу тоже смотрел в смартфон.

Блестящая куртка с накладными ремнями и клапанами, джинсы в обтяжку, длинноносые ботинки... Уши и нижняя часть лица у этого модника были замотаны клетчатым шарфом — словно юноша, как ковбой из кино, собирался ограбить почтовый дилижанс. Глеб быстро прошёл мимо, но сумел разглядеть: ковбой изучал в своём смартфоне его, Глеба, портрет. В последний момент модник поднял глаза и ошеломлённо уставился на Глеба, но инерция движения уже разнесла потоки людей.

Что же это такое? — потрясённо думал Глеб. Кто рассылает всем встречным-поперечным его фотографию? Зачем? Его ловят, что ли?.. А сзади вдруг раздался визг тормозов, гудки и женский изумлённый вскрик. Глеб обернулся. На зебре пешеходного перехода лежал тот самый ковбой. Его клетчатый шарф размотался, а смартфон валялся под колесом «ГАЗели», которая, видимо, толкнула ковбоя бампером и сразу остановилась. Юноша ворочался, вставая, — его только помяло.

По расположению участников ДТП Глеб понял, что ковбой кинулся на красный свет обратно через дорогу. Но удивительнее оказалось не это... У ковбоя сейчас было другое лицо. Не то чтобы с гримасой испуга или боли, а вообще другое. Мертвенно-белое и... прекрасное. Что случилось? Юноша получил фото Глеба в свой телефон — обрёл лик смерти и повернул за Глебом... Так?..

Глеб быстро шагал по Ломоносовскому проспекту к метро. Слева от него в тёмное небо звездолётом возносилась сияющая огнями громада МГУ. Час уже был поздний, но людей на тротуарах оказалось много: в основном это были шумные компании молодёжи.

Глеб увидел двух девушек, стоявших под ручку. На одной была короткая белая шубка-распашонка с остроконечным капюшоном, а на другой — какой-то пиджак из чёрной норки, красный берет и красные зимние лосины. Девушки были разные, но обе одинаково держали перед собой айфоны и смотрели на экранчики. Глеб догадался, кого они там видят.

Обе девушки так же синхронно повернули головы и посмотрели прямо на Глеба. Можно было решить, что девчонки под гипнозом — но их лица вдруг неуловимо изменились, посветлели и тоже стали похожими, как у близнецов... А точнее, у них на двоих теперь стало одно лицо — разом и прекрасное, и мёртвое.

Едва сдерживая себя, чтобы не побежать, Глеб устремился к плоскому и круглому павильону станции с тонкими колоннами и большими окнами в квадратик. Девушки, словно заколдованные, под ручку шли вслед за Глебом, качаясь на шатких ка-

блуках. Глеб то и дело оглядывался на этих подружек, но всё же заметил, как у входа в павильон предствительный мужчина в военном бушлате полез во внутренний карман — возможно, за смартфоном, на который чума прислала ориентировку на Глеба.

Конечно, это была чума телекома.

Глеб покупал проездной для метро, спускался на станцию и думал про чуму. Чьё лицо он видел у преследователей? Абракадабры? А не важно. За ним гнался не демон чумы, а сама чума. Даже не так: чума не гналась за ним, а просто была вокруг него, как воздух.

Демон — это молния, а чума — гроза. Гроза убивает ударом молнии, а может убить, когда ураганным ветром валит деревья и столбы, может убить, когда от ливня реки выходят из берегов и топят города. Молния появляется и исчезает, а гроза, пока не иссякнет сама по себе, всегда вместе с тобой. И сейчас Глеб не просто бежит, увёртываясь от молний, а прорывается сквозь смертельную бурю, хотя другие эту бурю не видят.

На платформе Глеб сразу укрылся за углом массивного пилона, облицованного кремовым мрамором, но это было глупо: сука-чума не рыскала по следу, как собака, а неслась по магнитным полям телекома. В чёрном тоннеле нарастали свист, грохот и тот волшебный серебряный клёкот, с которым летали поезда метро. Поезд будто вывалился из тоннеля и заполнил собою мучительную пустоту за краем платформы.

Толкотни в этот час в метро уже не было, и в вагоне Глеб встал так, чтобы можно было осматривать

станции в окно. Двери схлопнулись, поезд покатился, и Глеб успел увидеть у красно-синего столба посреди станции человека, поднимающего к уху смартфон. У человека было то же самое лицо, что у ковбоя, сбитого маршруткой, и у тех двух девушек на Ломоносовском проспекте.

А что будет, когда люди с лицами чумы догонят? — думал Глеб, раскачиваясь на поручне в вагоне. Убьют? Скорее, подстроят несчастный случай. Толкнут с платформы на рельсы или с тротуара под колёса... Наверное, они и сами не соображают, что делают.

Глеб понял: он рвётся к Гермесу не только затем, чтобы сохранить работу. Он действительно верит, что Гермес — Король-Чума. Просто он, Глеб, по глупости связался с врагами Короля. С Орли. Сблизился с ней — и начались проблемы. А сейчас он порвал с Орли, и надо поскорее сообщить об этом Гермесу. Король избавит его от чумы.

Потихоньку напряжение отступало. Может быть, чума потеряла его? Глеб осторожно оглядывался, стараясь не привлекать внимания. Его самого могли принять за пьяного или за террориста.

Глеб вышел на «Библиотеке им. Ленина», чтобы пересест с красной линии метро на серую. В движущейся толпе было спокойнее: здесь нет времени для опознания и контакта. Как отслеживает его чума? По веб-камерам, натканным теперь повсюду, как это делало ФБР в фильме «Враг государства»? Но в кино за несчастным адвокатом устремлялись спец агенты, а за Глебом идут обычные люди, которые вдруг оказались орудиями чумы, да ещё и не

осознают этого... Эти люди обретают лицо чумы, как в «Матрице» агент Смит воплощался в любого человека...

«Матрица»! О ней писал Дорн!..

Глеб не успел додумать эту мысль. На переходе с «Библиотеки» на «Боровицкую» на встречном эскалаторе он увидел человека чумы: молодую темноволосую женщину с непокрытой головой — и с бледным, мёртвым, прекрасным лицом. Женщина тоже увидела Глеба — и словно даже распрямилась, встрепенулась. Чёрные глаза её были без белков.

На «Боровицкой», толкая людей, Глеб кинулся к платформе, возле которой с открытыми дверями стоял поезд. Загравком ощущая холод опасности, Глеб втиснулся в вагон. «Осторожно, двери закрываются! — вежливо сообщили динамики. — Следующая станция “Чеховская”...»

Глеб почувствовал, что задыхается в резиновом и неестественном воздухе метро, снял кепку и заправил меховые уши. Вагон качался и мелодично звенел колёсами, словно монистами. Люди разобрались, и стало вполне свободно.

...Дорн писал что-то про людей, которые меняются лицами... Вот что он имел в виду!.. Прохожие вокруг Дорна вдруг обретали лица чумы — у всех одинаковые... Люди с лицами чумы преследовали Дорна — и в конце концов догнали... Глеб ведь так и не удосужился узнать, почему замолчал Дорн...

«Чеховская». Глеб наклонился, пытаясь в окно увидеть платформу на максимальном протяжении. Вогнутые серые пилоны выстроились в перспективу, словно рёбра. «Осторожно!..» — начали своё

обычное заклинание динамики — и тут Глеб опять увидел человека чумы.

Это снова была женщина — в картузе с козырьком, с длинными и прямыми распущенными волосами, которые как платок лежали поверх плеч и спины. Женщина медленно поворачивала голову, оглядывая поезд, и внезапно увидела Глеба за окном вагона.

Ей было уже поздно бросаться к вагону — она и не шевельнулась. Вагон покатился, но Глебу вдруг почудилось, что чума побежала вслед за поездом: лицо чумы словно прыгало с человека на человека, пытаясь догнать состав, который всё ускорял движение. А потом край тоннеля резко отсёк перрон и толпу.

Глеб обессиленно опустился на вагонный диван. Всё-таки спасенье есть, думал он. Ну не везде же к айфону относятся как к младенцу: если закричал — бросай всё и немедленно отзывайся. Ведь есть же места, где телеком — не первая необходимость и не высшая ценность...

Взгляд его уже натренировался из многообразия людских жестов вылавливать то движение руки, каким люди извлекают откуда-нибудь телефон и подносят к уху. Глеба словно дёрнули за верёвочку: он посмотрел через два стекла в соседний вагон и увидел, что юноша в толстой зимней кофте достаёт телефон. Над правой щекой юноши свисала длинная чёлка, в левом ухе блестела серьга.

Глеб встал и, перехватываясь за поручни, пошёл в другой конец своего вагона. Издалека он снова обернулся — и увидел белеющее за окнами лицо человека чумы. Поезд тормозил на «Менделеевской».

Глеб выскочил на платформу, сразу нырнул под арку, пробежал несколько пролётов и влился в поток людей, что загружались в его же поезд. Двери закрылись, вагон поехал. За плечами и между поднятых рук пассажиров Глеб пытался увидеть на перроне юношу с чёлкой — но увидел его опять в соседнем вагоне. Юноша-чума поменял вагон точно так же, как и Глеб, и теперь тоже высматривал того, за кем гнался.

В метро слишком сложно укрыться от чумы, понял Глеб. Наверное, Генрих Иванович Дорн тоже это понял, потому и выпрашивал, как ему идти от станции куда-то там по знакомому адресу... Глеб решил убираться из подземки. На «Савёловской», он знал, выход всего один. Глеб первым ринулся из вагона к эскалатору. Уже с высоты, уплывая наверх, он обернулся, пытаясь рассмотреть, едет ли за ним чума.

Из вестибюля метро Глеб попал в систему подземных переходов и, не без труда разобравшись, куда идти, поднялся на поверхность, на площадь перед Савёловским вокзалом. Здание вокзала, подсвеченное приятно и аккуратно, было похоже на торт, порезанный на дольки. По другую сторону площади расползся бетонный паук развязок и эстакад.

От Савёловского до Отрадного и «ДиКСи» дорога была прямая. Глеб вышел к стоянке то ли такси, то ли бомбил.

— Куда эдем? — спросил какой-то кавказец. — Атрадный? Тысяча.

— Двести, — сухо ответил Глеб.

— Ну ладно, давай пэцот!

— Двести.

— Нэ, двэсты нэ пазду.

Глеб ушёл за площадь к Бутырской улице и сразу поймал тачку.

Водитель был пожилым и грузным, с пушистыми усами. Цена в двести его вполне устраивала. Старый «рено» казался ухоженным и надёжным. Глеб расслабился, откинув голову на подголовник кресла.

— Тяжёлый день? — спросил водитель. — Можно кресло отодвинуть.

— Спасибо, ни к чему, — ответил Глеб.

Бутырская улица нырнула под железнодорожный виадук, потом «рено» плавно откатился вправо, на улицу Яблочкова, и помчался ровно, как по струне. Вокруг были огни Москвы, и Глеб подумал, что Москва плоха лишь тем, что её везде и всегда слишком много... Затем на периферии зрения мелькнуло что-то знакомое, мелькнуло другой раз, третий... Глеб встряхнул головой.

Сити-вижны... Они стояли на толстых ногах над перекрёстками, и Глеб не сразу осознал, что огромные городские телевизоры крутят рекламный ролик «ДиКСи», к которому он сам и сочинял сценарий.

Ролик строился как последовательность изображений на экране айфона: на зрителя с экрана шёл Гермес и показывал айфон с порталом «ДиКСи». Камера увеличивала экран айфона, и на нём из веб-окошка на зрителя снова шёл Гермес и показывал айфон, а с его экрана опять шёл Гермес с айфоном, а с его экрана — опять Гермес с айфоном, в общем, «у попа была собака». В череде выходящих из веб-окон Гермесов менялись лишь фигуры с фрески Рафаэля, которые отслаивались от Гермеса, как цветные тени. В этом ролике айфон был бог-отец, Гер-

мес — бог-сын, Рафаэль — дух святой, а Платон, Сократ, Аристотель и Диоген — только маркеры разных уровней постижения.

Водитель «рено» смотрел на сити-вижны как заворожённый.

— Остановите! — крикнул ему Глеб.

Автомобиль только что переехал по мосту через речку Лихоборку.

Водитель по инерции давнего бомбилы сдал вправо, замедлился на обочине и повернулся к Глебу спросить, зачем его тормознули, но спросить уже ничего не мог: лицо его бледнело и превращалось в лик человека-чумы. А Глеб успел отстегнуть ремень и открыть дверку. Он боком вывалился из салона и сразу отскочил от машины прочь.

Ему просто повезло. Он увидел, чем заканчивается ролик на сити-вижнах. Последовательность картинок в айфоне Гермеса завершалась фотографией Глеба, сделанной сквозь окно вагона метро.

38

Комплекс НИИ был построен на обширном пустыре, огороженном улицами и магистралями. Сейчас пустырь зарос по краям парковками, и Глеб шёл мимо бесконечных автомобильных рыл за сеткой-рабицей: машины глядели на Глеба из-за оград так же тупо, как в зоопарке отупевшие животные из своих вольеров пялятся на посетителей.

Плоский комплекс НИИ в темноте был виден издалека — с углов его ярко подсвечивали прожек-

тора. Но раньше Глеб не замечал, что со стороны «ДиКСи» похож на футуристическую тюрьму.

Глеб дошагал до крылечка, поднялся по ступенькам и потянул на себя дверь пропускного бюро. Замок отомкнулся с опозданием, точно дверь колебалась, впускать или нет. Закуток у турникета в такой час, разумеется, был пуст. За стойкой перед монитором сидел охранник. Он узнал Глеба, и Глеб узнал охранника: это был тот моложавый мужик, похожий на потомственного офицера, который регистрировал посетителей, когда Глеб с Борькой ходили в дата-центр и в подвалы.

— Глеб Сергеевич? — удивлённо уточнил охранник.

— Да, вот не сидится мне дома перед праздниками, — виновато пояснил Глеб. — Александр Давидович здесь?

— Здесь.

— Он один? — Глеб надеялся услышать про Орли.

— Один.

— Не спрашивал про меня?

— Не спрашивал.

«“Офис”, “официальность”, “офицер” и “официант” — однокоренные слова», — раздражённо подумал Глеб.

— Вам требуется отметить, Глеб Сергеевич, — сказал охранник. — Уже поздно, объект переведён на режим охраны «цэ». Распишитесь вот тут, пожалуйста. Извините за эти пережитки. — Охранник выложил на стойку амбарную книгу и шариковую ручку.

Глеб расписался, протиснулся через турникет и вышел во двор.

Сейчас двор выглядел просторнее, потому что уехали легковушки начальства. Остались только две грузовые «ГАЗели» и две фуры, что прижались к стенам и не загромождали пространство. Казалось, двор превратился в огромный голубой аквариум: все окна комплекса нежно синели ночным освещением. Только в главном здании на четвёртом этаже полоса из трёх окон горела жёлтым — это был кабинет Гермеса.

Глеб пересёк двор наискосок — от пропускного бюро до подъезда главного входа. Ещё с улицы Глеб увидел, что стеклянный ящик холла пустой. Новогодними ёлками там сияли автоматы по продаже кофе и кока-колы, три банкомата разных банков и расчётный терминал. Стоя посреди вестибюля, Глеб громко потопал, сбивая снег с ботинок. Топот гулко раскатился по закоулкам, но не отозвался ничем.

Полуосвещённая главная лестница выглядела зловеще. Глебу не хватало какого-то события, какой-то мелочи, чтобы мир перестал быть зыбким и обрёл твёрдость реальности. Проще говоря, Глеб нуждался в человеке, чтобы понять: не он один ощущает невероятность бытия.

Держась за перила, он медленно поднимался по лестнице и наконец-то услышал посторонние звуки — чужие шаги наверху. Кто-то спускался ему навстречу. Глеб замер. Он был на середине марша между вторым и третьим этажами. Сердце заколотилось так, будто рядом находился сам дьявол, но Глеб не позволял себе впасть в панику. Хотя тот, кто спускался, двигался как манекен. Или как старик, который отдыхает после каждого шага.

А это была Орли.

Ступая механически, словно робот, она вышла на площадку третьего этажа и остановилась, увидев Глеба. За её спиной светились голубым ночным огнём прозрачные парные двери с логотипом «DiCS» — вход в рабочую зону open space. Станным и неловким движением руки Орли открыла одну дверь и поманила Глеба.

— Зайдём сюда, — шёпотом сказала она. — Так надо.

Глеб испугался. Орли была как неживая, как зомби. Но мало ли что?.. Если бы она потащила Глеба за собой, он бы не пошёл, но Орли повернулась и сама прошла в зал open space.

В два бесшумных прыжка Глеб преодолел остаток марша, толкнул закрывающуюся на доводчике дверь рабочей зоны и оказался в зале. Орли уже шла по проходу где-то в центре зала. Направлялась она, похоже, к отсеку рекреации. В голубом свете ночных ламп Орли как-то терялась среди стоек, столов, компьютеров и перегородок — среди синих плоскостей и чёрных теней, которые для человеческого глаза смешивались в абстрактный и бессмысленный коллаж. Глеб замечал перемещение Орли только по изменению чёрно-синей композиции: так динозавр видит лишь движущиеся предметы.

Глеб нашёл Орли в рекреации. Тихо, как кошка, она сидела на высоком барном табурете возле отключённой кофемашины. Глеб опасливо присел на диван, готовый сразу вскочить. Орли молча разглядывала Глеба, словно не видела его тысячу лет.

— Гермес ждёт меня? — спросил Глеб.

— Ждёт.

— Что он мне скажет?

— Не важно.

Где она могла переодеться? — подумал Глеб. — Она убежала из дома в сапогах, в узкой чёрной юбке, в чёрной водолазке, накинув длинный стёганный пуховик... А сейчас на ней джинсы, белый свитер с толстым горлом, сверху — джинсовая куртка с меховым воротником, на ногах — уggi... Орли одета так же, как в клубе HLEB. Точнее, в клубе так был одет демон Абракадабра...

— Ты настоящая? — тихо спросил Глеб, протянул руку и кончиками пальцев прикоснулся к запястью Орли. Запястье было ледяным.

Орли спрыгнула с табурета.

— Теперь я пойду, — глухо сказала она. — Я скоро вернусь за тобой.

Она повернулась и вышла из отсека.

Глеб огляделся и поёжился. Он один. Тишина. Синяя пустота. И сейчас, когда Глеб остался в одиночестве и в неподвижности, страх наконец догнал его и напрыгнул на плечи. Глеба затрясло. Всё не так! Всё не то, чем кажется! Почему Орли такая странная? Зачем ему ждать аудиенции у Гермеса? И вообще: почему встреча — здесь? Почему не в ресторане вроде того же «Балчуга», а в «ДиК-Си» — на окраине Москвы, в огромном и пустом офисном центре? Это ведь Орли назначила встречу здесь, а вовсе не Гермес... И где она успела переодеться?

Глеб вытащил айфон и вызвал Орли.

Абонент вне зоны.

Глеб вызвал Гермеса.

Абонент отключён.

Глеб вскочил и на цыпочках побежал прочь. Он тихо прикрыл за собой дверку рекреации, по проходу в зале просеменил, пригнувшись, дверь в зону орен срасе приоткрыл чуть-чуть, только чтобы пролезть в щёлку. По лестнице спускался, прижимаясь к стене, и всё время оборачивался. Опрометью промчался через вестибюль с банкоматами, вырвался на улицу и только здесь перевёл дух.

Он вышел на середину пустого двора, чтобы никто не подкрался к нему незамеченным. Оглянулся на подъезд: в синей пещере холла было пусто. Но глаза уловили какой-то промельк где-то на периферии зрения. Глеб поднял взгляд. Да, это свет в кабинете Гермеса...

Здание НИИ было построено по советскому изводу принципов Ле Корбюзье: опорный каркас вместо несущих стен, неконструктивные фасады, первый этаж на столбах, крыша плоская, ленточные окна... Нижняя линия оконного проёма находилась на уровне колен. В этом здании человека можно было вытолкнуть из окна, как из двери, — не надо переваливать его через высокий и широкий подоконник. Похоже, кто-то сейчас и выталкивал Гермеса.

Глеб увидел, что в левом из трёх окон кабинета Гермеса открыта одна створка — половина окна. Там, в освещённом пространстве, то вдруг появляется, то вдруг исчезает человек. Потом спина человека заняла всю открытую часть окна: человека выдавливали наружу спиной вперёд, а человек сопротивлялся, сначала упирался в раму растопыренными

локтями, а потом цеплялся руками. Человеком этим был Александр Давидович Гермес.

Он не удержался в окне. Последним толчком в грудь невидимый убийца оторвал руки Гермеса от рамы. Подоконник подсёк Гермеса под колени. Гермес навзничь медленно повалился за окно в пустоту и ухнул вниз головой. Почему-то он даже не кричал. Под окном стояла длинная цельнометаллическая фура. Гермес пролетел два этажа и с глухим грохотом ударился о ребро её крыши. Удар сломал тело пополам. словно по частям, Гермес упал на снег под колёса грузовика.

Глебу полагалось подбежать к Гермесу, встать на колени, начать трясти за плечо в нелепой попытке вернуть жизнь, но Глеб и со своего места видел: Гермес бесповоротно мёртв. Всегда ухоженный, всегда продуманный, подающий себя всегда столь тщательно, сейчас Гермес лежал на заснеженном асфальте в нелепой, даже непристойной позе: зад оттопырен, брюки задрались, оголив ноги выше носков, пиджак крылато распахнулся, галстук набок, рубашка вылезла из-под ремня.

Смотреть на убитого Гермеса было как-то стыдно. Глеб поднял взгляд на окно, из которого выбросили Гермеса, и увидел, что там, за окном, кто-то отпрянул в глубину помещения. А кто там был?.. Кто мог вышвырнуть Гермеса? Кто убийца?

Когда Глеб проходил через турникет, охранник сказал, что Гермес один. А Глеб видел Орли. Это она прикончила Гермеса?.. Но почему?! Зачем?! Как обычной девушке могло хватить сил, чтобы вытолкнуть из окна здорового и активно сопротивляюще-

гося мужчину?.. Главное — зачем?! Из-за него, из-за Глеба?!

Глеб уже бежал обратно к подъезду «ДиКСи». Скользкие ступеньки. Стеклопакетные двери. Тёмный и пустой вестибюль. Лестница наверх. Да, Гермеса убила Орли. Не столько за Глеба, сколько вообще за всё. Как у неё получилось? Ну, как-то получилось... Перед праздниками здесь, в здании, никого больше нет. Не было. Только Орли, Гермес и Глеб. А охранник сказал, что Гермес один, чтобы не компрометировать босса.

Глеб взвился по лестничным маршам на нужный этаж и очутился в коридоре, который вёл к резиденции Гермеса. Синие ночные плафоны высвечивали перспективу коридора, в дальнем конце которого горела жёлтая вертикальная щель приоткрытой двери. Глеб бросился туда, но там вдруг всё осветилось жёлтым: дверь кабинета Гермеса открылась, и в коридор вышел какой-то человек. Мужчина. Он предостерегающе поднял руку, останавливая Глеба.

— Не подходи! — издалека предупредил он.

Глеб остановился. Перед ним был убийца Гермеса — а кто же ещё-то?!.. Убийца — не Орли, а вот этот человек! Неизвестно кто.

Человек тщательно прикрыл дверь кабинета — так, чтобы щёлкнул замок. В коридоре опять пошумело. Человек направился к Глебу. Глеб попятился. Всё-таки убийца...

— Не бойся, — сказал человек с усмешкой в голосе.

В его голосе было что-то ужасно знакомое...

Человек подошёл и остановился напротив Глеба:

— Нам с тобой вместе туда нельзя. — Человек через плечо кивнул на кабинет Гермеса. — Там же веб-камеры. Картинка идёт на монитор охраны. Пишется. Представь, что нас покажут вдвоём. Решат, что либо дефект записи, либо у тебя есть брат-близнец. В любом случае, тогда получится, что я напрасно прикончил Давидыча.

Глеб ничего не понимал.

— Посмотри, — предложил человек и повернул лицо к плафону.

И в синем ночном свете Глеб вдруг узнал в человеке себя. Самого себя. Человек был его двойником.

— Теперь понял, почему нам нельзя перед камерой быть обоим сразу? Все должны думать, что Гермеса убил ты. Пришёл сюда и вышвырнул его из окна. А если камера заснимет нас двоих рядышком, начнётся какая-нибудь бодяга, поиски соучастника, всё такое.

— Это... моё лицо? — тихо спросил Глеб, пальцем указывая на щёку своего двойника.

— Твоё. — Двойник словно от стыда прикрыл лицо руками.

Но это был не стыд. Двойник мял лицо, как пластилиновое, затем убрал ладони, и Глеб увидел Орли. Это было дико и страшно — видеть в своих чертах чужие черты, будто сквозь один облик протаял другой.

— Значит, там была не Орли? Там был ты?

— Я, — подтвердил демон. — Тебя же камеры засняли на турникете и в вестибюле. А я должен быть

одетым как ты, когда убиваю Гермеса. Я тебя встретил, посмотрел, как ты одет, и оставил тебя дожидаться в рекреации, пока убью Гермеса. А ты зачем-то во двор выскочил.

— Значит, на всех записях я выбрасываю Гермеса из окна...

— Настоящий мужик, — подтвердил демон. — Брутальненько.

Глеб не успевал осознавать, что же происходит. Такое с ним уже бывало. Однажды в детстве, в летнем лагере под Апатитами, во время купанья на озере он наступил ногой на лицо человека. Лицо вроде как лежало на дне подобно маске. Голой ступнёй Глеб ощутил нос, надбровные дуги, скулы. Но это было так противоестественно, что Глеб, всё поняв, ничего не осознал. Ужас вывернул его лишь вечером, когда друзья рассказали, что на месте их купанья спасатели выкопали утопленника, замытого в донный песок. Глеб наступил на лицо трупа.

Вот и сейчас Глеб разговаривал с демоном, но и сам демон, и обвинение в убийстве Гермеса были настолько невыносимы, что Глеб ничего не осознавал, словно бесчувственный истукан.

— Слушай, тебе бежать надо, — озабоченно сказал демон. — Через одиннадцать минут охранник досмотрит порноролик и увидит во дворе мёртвого Гермеса. Уходи, пока не останавливают.

— Куда? — тупо спросил Глеб.

— Орли послала сюда Борьку Крохина. Он сейчас идёт от парковки к комплексу. Перехвати его у ворот. Он увезёт тебя к себе. Иди давай.

Глеб повернулся и пошёл к лестнице.

— Поторапливайся! — прикрикнул сзади демон. — Времени в обрез.

39

— Здорóво! — удивлённо сказал Борька. — А я за тобой!

Глеб встретил Борьку перед воротами «ДиКСи». Крохин выглядел как бомж. Шапки у него не было, поэтому он задрал грязный воротник обдергайки, которую считал курткой, и ссутулился. Перчаток он тоже не имел и засунул руки глубоко в карманы. Глеб не понимал, почему Бобс, зарабатывая вполне прилично, одевается в секонд-хенде.

— Пойдём к твоей машине, — сказал Глеб.

— Вон там она, — кивнул Борька.

Они добрались до старого «форда», припаркованного в кармане на обочине. Борька жмотился и не загнал машину на платную стоянку.

— Садись сзади, — сказал Борька. — Я вчера друга вёз, он, сука, пиво пролил на переднее сиденье. Ночью замёрзло. Как обоссано.

Глеб молча полез в салон на задний диван. Борька плюхнулся на водительское место, кряхтя, пристегнулся и включил двигатель.

— Куда поедем? — спросил Глеб.

— Ко мне. Щас прогреется.

— А почему к тебе?

— Олька сказала.

— Она тебе звонила?

Борька сидел, скрестив руки на груди, и чуть покачивался из стороны в сторону, дожидаясь тепла.

— Она вообще там у меня поселилась, — буркнул он.

— Это как понимать? — холодно спросил Глеб. — В том смысле, что она слишком обременяет тебя своими просьбами?

— В том смысле, что она у меня будет жить. Есть, пить, спать. Мыть посуду. Готовить. Бельё стирать. Телик смотреть. Всё делать.

— Не понял. — Глеб даже встряхнул головой.

— Она ушла от тебя, Глеб. Ушла ко мне. Чё тут не понять?

Борька взялся за руль и стронул машину с места.

— Поедем по Алтуфьевскому до МКАДа, — предупредил Борька, — по МКАДу до шоссе Энтузиастов, потом свернём ко мне в Перово. А то неохота в центре в пробку попасть. Праздник же, бля.

— Да мне хоть как, — пожал плечами Глеб, глядя в окно.

Некоторое время «форд» катился по дороге-дублёру параллельно Алтуфьевскому шоссе, потом нырнул влево и встроился на трассу в поток, проскочил под пешеходным мостом и взбежал на эстакаду.

— Борька, Орли не могла уйти к тебе, — убеждённо сказал Глеб. — Как так? Ты же, извини, дурак и страшила.

— Не такой уж дурак, — медленно и спокойно ответил Борька, — и не такой уж страшила... если через пару часов мне даст твоя девка.

Глеб вспомнил, как познакомил Крохина с Орли в «Шоколаднице» за «Современником». Борька прятался от Орли за экраном ноутбука и слал Глебу разные эсэмэски... А ведь уже тогда Бобс запал на Орли. Но Глеб думал, что Орли гипнотизирует Борьку, словно удав кролика, и ситуацию контролирует она, а уж никак не Крохин.

— Чем же ты её приманил?

— Я ей протоколы Гурвича не вернул, — хихикнул Борька. — Сказал, пусть со мной ебётся. Она поломалась и согласилась.

— И когда это было?

— Что было? Когда я ей сказал или когда она согласилась?

— Когда она согласилась.

— Числа я не помню. Надо в телефоне посмотреть. Она мне эсэмэс прислала: «о'кей». Ну, я всё сразу и прорубил.

— А как же Мариша? — напомнил Глеб.

— Кабуча в пролёте, — жёстко ответил Борька.

Ну да... В пролёте... Она получила от Борьки сообщение: «Короче у нас все кончино» — и выпила пять таблеток феназепама. Потом она разгромила свою квартиру и упала на пол в ванной, замотавшись в полиэтиленовую шторку. Сын Денис позвонил Глебу, и Глеб приехал к Марише, не зная, что колокол прозвенел по нему, а не по Кабуче.

— Ты Маришу отфутболил, когда Орли тебе написала «о'кей»?

— Сразу же. Нихера Кабуча мне не понравилась. Старая.

— Пидарас ты, Борька.

— Сам ты пидарас.

Они ехали сквозь огромный город, сияющий огнями праздника, и огонь Глеб ощущал, а праздника не чувствовал.

— А почему же я не увидел и не почувствовал, что вы с Орли там где-то уговариваетесь о чём-то? — тоскующе спросил Глеб.

— Ты же этот... хипстер, — хмыкнул Борька с явным презрением. — Я для тебя таракан, в секонд-хенде затариваюсь. Ты на меня и не смотрел. Вообще ни на кого не смотрел, болван самовлюблённый. Вот и не увидел, хуле. А ведь Олька-то ко мне вместе с тобой приходила.

Да: он ведь сам привозил Орли к Бобсу... Бобс хотел показать на компьютере что-то секретное — ну, в протоколах... Глеб тогда сидел на кухне и скролил айпэд, а Бобс и Орли закрылись в комнате...

— Это когда вы в комнате для секретных переговоров укрывались?

— Угу, — кивнул Борька и улыбнулся, показав мелкие и нехорошие зубы. — Там, в комнате, я и сказал Ольке: она будет со мной трахаться и жить, а после ещё даст мне бонус от «ДиКСи», когда получит фирму. А я для «ДиКСи» стану Гурвичем-два. Херали, я всё понял, чего там Олькин папик напридумывал. Заменю его на мах.

Крохин называет Орли Олькой, отметил Глеб. Вот так же Гермес отметил, что Глеб называет Олю Телегину домашним именем Орли...

— Даже не верится, — сознался Глеб. — Неужели она цинично вот так всё просчитала и приняла решение?

Глеб действительно не мог поверить. Это не умещалось в душе, не укладывалось в голове. Глебу казалось, что если всё это — правда, такая правда выжжет его изнутри напалмом.

— Ну, не сама Оля просчитывала и решала... Я ведь сказал, что протоколы ей не отдам, а это шантаж. — Борька ничуть не смутился, признаваясь в собственной подлости. — Оля просто прикинула, что ей лучше уж поддаться на мой шантаж. Вместе с тобой она пришла квартиру мою посмотреть, где ей жить. Ведь не сразу она мильёны-то за «ДиКСи» огребёт. Ничё, хата ей понравилась.

— А ведь у меня тогда было ощущение, что она квартиры смотрит, — задумчиво произнёс Глеб.

— Ну и правильно почувствовал. Только не понял. Сам дурак.

Глебу стало даже немного жаль Орли... Что она могла в этом мире? «ДиКСи» у неё забрал Гермес, который хотел, чтобы она умерла. А протоколы забрал Крохин, который хотел, чтобы она с ним спала. И Глеб ничем не мог помочь Орли... Глеб воображал, что осчастливил её, а Орли в это время была занята совсем иными мыслями и делами...

Бобс тем временем доехал до конца Алтуфьевского шоссе, перед заправкой притормозил, а после заправки осторожно свернул направо по выезду на МКАД.

— А что же чума? — с горечью спросил Глеб.

С горечью — потому что и чума его обманула. Её ужас обернулся отдалённым ворчаньем грома. Пронесло грозу мороком.

— С чумой всё нормально. — Борька завозился, доставая сигареты, и закурил. — Я и Олька от чумы спаслись, а вам с Гермесом — капец.

— То есть?

Глеб не стал рассказывать Борьке, что Гермес уже мёртв.

— Спаситься от чумы можно только так, как спасся Гермес...

— Он стал Королём-Чумой.

— А Олька стала Королевой-Чумой.

— Как?

Борька мелко и ехидно захихикал:

— Помнишь в комьюнити такого хера — «Умней-всех»? Вроде он тролль. А на самом деле — аватар демона Абракадабры. Короче, чума.

Широченная, ярко освещённая река МКАДа стремительно утекала куда-то в чёрную даль. Слева мрак стоял стеной, а справа мелькали огни: то близкими россыпями, то дальними плоскими лужами.

— Откуда ты знаешь, что «Умней-всех» — аватар чумы?

— Сначала Олька догадалась, потом я в дата-центре посмотрел его профиль в «ДиКСи-нете». Так и есть.

Полные профили пользователей «ДиКСи-нета» и других сервисов могли видеть лишь операционисты «ДиКСи». И выход на эти данные был только через терминал дата-центра. Борька не блефовал.

— И что из того, что «Умней-всех» — демон?

— А вот что. Для Гермеса я по буквам разгадал пароль Гурвича, будто по буквам восстановил имя

демона. То есть сгенерил демона. Потом опять же по указке Гермеса сляпал фотожабу, то есть активировал демона в комьюнити. Воплотил и выпустил, понимаешь?

— Понимаю.

— По легенде, чтобы спастись от чумы, надо поймать демона чумы Абракадабру и посадить в человека, который затем выпустит демона на свой город и исцелится, хотя и станет Королём-Чумой.

— Это я тоже помню.

— Ловить Абракадабру не сложно — это «Умней-всех». И я просто свёл воедино два личных регистрационных профиля в «ДиКСи-нете» — профиль Ольки и профиль «Умней-всех». Ну, как бы скрестил их. Или подсадил демона в человека. Фильм «Муха» смотрел? Вот так же.

«Муху» Глеб смотрел. Там телепортировали человека, но в кабину телепорта залетела муха. И на финише телепорт собрал человека и муху в единый организм. Телепорт или телеком — один хрен.

— И на всю эту фигню судьба тебе намекала, только ты ни шиша не просёк. — Борька ухмыльнулся в зеркальце заднего обзора. — HLEB-Глеб, группа «Муха»... Эх ты, филолог хуев.

— Не ругайся, лучше продолжай, — мёртво попросил Глеб.

«Форд» нёсся по трассе и рискованно шатался из ряда в ряд. Борька ловко обгонял огромные длинные фуры, грузовики и автобусы.

— Короче, я свёл профили Ольки и Абракадабры, подсадил демона в Ольку, а она потом отправила его в новое комьюнити, которое сама же для Абракада-

бры и создала, — пояснял Борька, стряхивая пепел сигареты себе под ноги. — Ведь Гермес сделал то же самое. Он велел тебе создать комьюнити, а мне — фотожабу и таким способом спустил демона с цепи. Аллес! — Бобс приоткрыл окошко и выбросил окурок. — Отныне Олька — Королева-Чума, Абракадабра творит свои злодеяния где-то вдалеке, война закончилась, всем спасибо.

А ведь и правда, подумал Глеб. УМНЕЕВСЕХ открыл новую тему — про исполнение желаний семагическим интернетом. Получается, что Королева-Чума создала новое комьюнити, в которое вошла под ником ABRAKADABRA... Демон сорвался с цепи и будет убивать дальше... «С цепи»... Глеб вспомнил Гурвича, прикованного в подвале...

— Невозможно вот так просто заявиться в «ДиК-Си» и жонглировать личными профилями пользователей «ДиКСи-нета»! — заявил Глеб.

— А я так просто и не заявлялся! — Борьку пёрло от удовольствия, он даже передёрнул плечами. — Я тихо вошёл с тыла. Никакой кракер не проломился бы напрямую сквозь контуры защиты. А я проник через служебный вход. Через USB-порт терминала в дата-центре!

Борька быстро оглянулся между сидений — хотел увидеть, какое впечатление его пронырливость произвела на Глеба.

— Одного меня туда не пустили бы, и никто мне там не позволил бы манипулировать с профилями. Но я-то пришёл с тобой, дурилка ты картонная, по твоему бейджу, топ-менеджер ты ебучий. — Борька с наслаждением топтал Глеба. — Ты искал в подвале

чумные бомбы Кена Алибека, а я в дата-центре быстро сварганил из Ольки Королеву-Чуму.

Глебу стало невыносимо стыдно. Его имели и так и эдак, а он в то время даже не понимал, что его используют...

— Так что чума щас в новом комьюнити как в новом загоне, — гордо сообщил Борька. — Мне, например, ничего не угрожает. Ольке тоже.

— И Гермесу, — добавил Глеб.

— Наплевать на него, — беспечно сказал Борька. — Его всё равно надо было убирать. Его не стало — не стало препятствий для Ольки. Она объявляет завещание отца и после арбитража входит во владение половиной компании. Вторая половина — у двух сыновей Гермеса. Они живут в Штатах и рулить «ДиКСи» не полезут. Им хватит просто бабла. Фирмой будет командовать Олька. Гермес был в разводе, других наследников у него нет. Всё отлично!

«Форд» проскочил развязку, а потом по обе стороны трассы всё осветилось — будто загорелось от боли: это МКАД как ножом отрезал от тела Москвы ломоть Мытищ.

— Всё отлично, да не для меня... — пробормотал Глеб.

— Согласен, — нехотя признал Бобс. — Извини. Ты был нужен, чтобы убрать Гермеса. В «Балчуге» у тебя с Гермесом случился конфликт... Вообще-то, его Олька спровоцировала, ну да ладно. Босс тебя уволил. Ты прибежал разбираться и выкинул босса в окно. Бывает.

— Вестерн какой-то.

— Вестерн не вестерн, а на камеры записано. Убийца — ты. Мотив совершенно ясен. Все обстоятельства сходятся. Всему есть свидетели или свидетельства. Лучше бы, Глеба, конечно, чтобы ты и вправду сам убил Гермеса. Но такой вариант мы с Олькой сразу отвергли. Дрищ ты. Не посмеешь. Зассышь, хипстер. Как тебя ни доводи, ты не из тех, кто может убить обидчика. Поэтому поручили демону.

— А ответчу — я?

— Угу, — весело кивнул Борька Крохин, сисадмин. — Ты ответишь за Гермеса, Олька сделается хозяйкой «ДиКСи», а я стану в холдинге IT-директором и буду держать Ольку за горло с помощью протоколов её отца. Чума сожрёт своё комьюнити и сдохнет, как положено, а демон Абракадабра уберётся в ад к сатане. Все при деле. Здорово?

«Форд» пронзил собой многоярусную конструкцию узла МКАДа и Ярославского шоссе, а потом во круг трассы всё почернело и погасло. Это начался лесопарк «Лосиный остров». Глебу вдруг показалось, что в темноте многое проясняется куда отчётливее, и он спросил:

— Послушай, а откуда ты знаешь, что Гермес погиб?

Борька молчал.

— Ты не Борька?

Борька повернул голову как-то по-совиному, словно шея у него стала шарниром, и широко улыбнулся Глебу. Теперь у Борьки были острые и белые треугольные зубы.

— Столько раз встречались — и наконец меня узнал!

— Снова ты... — прошептал Глеб.

— Борька Крохин сейчас сидит в ментовке и пишет заявление об угоне фердипердоза, — хрипло сказал Абракадабра. — А я — мизерикорд. Подарок тебе от Королевы.

— Что это?

— Клинок для удара милосердия. Чтобы ты не мучился. Видишь, я кнопку нажимаю? — Демон ткнул пальцем в толстый обод руля. — Это круиз-контроль, чтобы скорость не падала. А сзади видишь грузовик? Скорее всего, он тебя и убьёт.

Глеб оглянулся. Сквозь грязное заднее окно «форда» он увидел квадратное рыло могучего магистрального грузовика-тяжеловеса с огромными колёсами и пылающими фарами.

— Почему он меня убьёт?.. — без голоса спросил Глеб.

— Потому что сейчас от страха ты дёрнешь вот этот рычаг, — демон пошлёпал ладонью по рукоятке между передними сиденьями. — Это стояночный тормоз. Колёса заблокируются. Твою машину закинет юзом вон туда. Грузовик не сможет отвернуть и переедет тебя.

«Форд» нёсся будто бы силой вращения МКАДа вокруг Москвы.

— Хотя, возможно, ты дёрнешь и вот этот рычаг — переключение скоростей, — не унимался демон и показал на вторую рукоятку рядом с первой. — Но результат будет тот же самый, только бросит по другой траектории. А если ничего не будешь трогать, проживёшь секунд на десять дольше. Тебя протащит бортом по отбойнику и всё равно швырнёт под грузовик. В общем, тут без шансов, Глеб.

Его приговорили, понял Глеб. Всё давно продумано и решено. Ничего не изменить. Глеб чувствовал, что демон жаждет увидеть его взгляд в зеркальце заднего вида, но не хотелось потакать чудовищу.

— Печально! Шеф выгоняет с работы, а хата ведомственная, тачка в кредите... — издевался демон. — Бедный менеджер! Выбросил шефа из окна, угнал «форд» сослуживца и погиб в аварии на МКАДе!..

— Заткнись, — хмуро приказал Глеб. — Ты мне надоел. Убирайся!

Демон снова глянул на Глеба.

— О-кей! — помолчав, сказал он и тотчас исчез.

Глеб откинулся на спинку дивана и больше не шевелился.

Посреди тёмного зимнего леса по сияющей полосе МКАДа мчался чёрный старый «форд». За рулём в нём никого не было. Глеб сидел на заднем диване «форда» и с отсутствующим видом глядел в окно. Что он мог поделать? Для звонка с айфона бог был вне зоны доступа, а на молитву Глеб особенно-то не уповал: какая-то она была не та...

Господи еси, всеблагой наш модератор! Да будет бесконечен твой трафик, да расточится спам, да обрящешь ты контент до скончания веков! Активируй наши SIM-карты и не укори нас за софт насыщенный! Мы неразумные твои гаджеты, возлюби наши опции и избавь нас от троянов, и пускай воплотится воля твоя в Enter, а не в Delete!

Литературно-художественное издание

Иванов Алексей Викторович

КОМЬЮНИТИ

Роман

Содержит нецензурную брань

Главный редактор *Елена Шубина*
Редактор *Алековой Портнов*
Выпускающий редактор *Вероника Дмитриева*
Художественный редактор *Константин Парсаданян*
Корректор *Любовь Отдельнова*
Компьютерная вёрстка *Елены Илюшиной*

<http://facebook.com/shubinabooks>

<http://vk.com/shubinabooks>

Общероссийский классификатор продукции
ОК-034-2014 (КПЕС 2008); 58.11.1 — книги, брошюры печатные

Подписано в печать 01.03.2019. Формат 84х108^{1/2}.
Усл. печ. л. 20,16. Тираж 2000 экз. Заказ № 1954/19.

Произведено в Российской Федерации

Изготовлено в 2019 г.

Изготовитель: ООО «Издательство АСТ»

ООО «Издательство АСТ»
129085, г. Москва, Звёздный бульвар, дом 21, строение 1,
комната 705, пом. 1, 7 этаж
Наш электронный адрес: www.ast.ru
Интернет-магазин: www.book24.ru

«Баспа Аста» деген ООО
129085, Мәскеу қ., Звёздный бульвары, 21-үй, 1-құрылыс, 705-бөлме,
I жай, 7-қабат
Біздің электрондық мекенжайымыз: www.ast.ru
E-mail: astpub@aaha.ru

Интернет-магазин: www.book24.kz

Интернет-дүкен: www.book24.kz

Импортёр в Республику Казахстан ТОО «РДЦ-Алматы».
Қазақстан Республикасының импорттаушы «РДЦ-Алматы» ЖШС.
Дистрибутор и представитель по приему претензий на продукцию
в Республике Казахстан:
ТОО «РДЦ-Алматы»

Қазақстан Республикасында дистрибутор және өнім
бойынша арыз-талаптарды қабылдаушының өкілі
«РДЦ-Алматы» ЖШС, Алматы қ., Домбровский көш., 3 «а», литер Б, офис 1.
Тел.: +8(727) 2515989, 90, 91, 92, факс: +8(727) 2515812, доб. 107

E-mail: RDC-Almaty@eksmo.kz

Өнімнің жарамдылық мерзімі шектелмеген.

Өндірген мемлекет: Ресей

Отпечатано в соответствии
с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт»,
170546, Тверская область,
Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А,
www.pareto-print.ru

ISBN 978-5-17-114786-0

9 785171 147860 >

АЛЕКСЕЙ ИВАНОВ

КОМЬЮНИТИ

«Гениальный айтишник изобретает “семантический интернет” — методику Web 3.0, и “семантический” портал порождает IT-компанию с коммерческим потенциалом “Фейсбука”. Но в одном из комьюнити, которыми обрастает новый ресурс, вдруг появляется тема Чёрной Смерти — самой жуткой эпидемии в истории человечества. И участники комьюнити, сами того не замечая, тонут в море средневековой чумы. Они уже наяву видят “чумных докторов”, Абракадабру — демона чумы, и Королеву Чуму. Зачумлённое комьюнити убивает людей. Но кто запустил программу чумы, зачем, и как чума вышла в реал? Если угодно, это жанровый роман: мистический триллер о смерти по интернету со стилизацией под сетевой форум. Если угодно — детектив о жестокой перемене собственника в IT-корпорации. Если угодно — “очерк нравов” о провинциалах в столице. Но в целом “Комьюнити” — антиутопия о перемещении законов онлайн в оффлайн. В обществе потребления агрегаторы сами формируют для человека картину мира, фальшивую, но приятную, а соцсети, созданные для объединения людей, потихоньку разъединяют. Это и есть пресловутое “восстание машин”, и оно давно уже началось».

Алексей Иванов

РЕДАКЦИЯ
ЕЛЕНА ШУБИНА

ISBN 978-5-17-114786-0

9785171147860

Содержит
нецензурную
брань